ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ЖУРНАЛ

№ 1 (17) 2019

Издательство
«МГИМО-Университет»
2019

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);
Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);
Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);
Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);
Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);
Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);
Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого).
Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);
Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 1 (17) 2019 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – 134 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов.
Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Гавришина И.Н., Яковлева Н.В.
Телескопные термины во французском языке: типология моделей образования и способа перевода.... 5
Громова Н.В.
Презентация терминов кровного родства с некодифицированным значением в тезаурусах английской субстандартной лексики..... 13
Зимина Е.А.
Лексические способы реализации категории оценки в немецкоязычном газетном дискурсе..... 19
Ларионова М.В, Романова Г.С.
Когниция и коммуникация: метафора в испанском медийном дискурсе 26
Чиронов С.В.
Японские коннекторы с уступительным значением..... 35

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Амири М.А.
Проблемы персидско-русского юридического перевода на примере брачного договора 49
Егорова О.А., Погонина А.А.
Особенности перевода лакун в дискурсе ООН 55

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Замалетдинов Р.Р., Юсупова З.Ф., Закирьянов К.З.
Учебный предмет «русский язык» в современной системе лингвистического образования 63
Метельская Л.Н., Лосева Н.В.
Опыт экспериментальной оценки знаниевой составляющей общей гуманитарной культуры студентов вуза..... 70

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Горенко Г.М.
Социолингвистическая ситуация в Испании: к вопросу о защите языка и нации..... 80
Дубовицкая М.А.
Иноязычные вкрапления в художественном тексте как способ самоидентификации и авторепрезентации (на примере романа Амина Ар-Рейхани «Книга Халида») 89
Кухарева Е.В.
Символика цвета в этнической картине мира арабов..... 97
Мосина С.К.
Кибердемократия – новый феномен в социолингвистике Испании 108
Туницкая Е.Л.
Лингвистические маркеры персонажа – объекта авторской эмпатии..... 120
Хайбулаева М.М.
Особенности реализации концепта «намус» («честь», «достоинство») во фразеологических и паремиологических единицах аварской языковой личности..... 128

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Irina N. Gavrishina, Natalia V. Iakovleva
TERMINOLOGICAL BLENDS IN FRENCH: TERM-BUILDING MODEL TYPOLOGY AND TRANSLATION METHODS 5
Natalya V. Gromova
THE PRESENTATION OF THE KINSHIP TERMS WITH UNCODIFIED MEANING IN THE THESAURUSES OF THE ENGLISH SUBSTANDARD VOCABULARY 13
Evgeniya A. Zimina
LEXICAL METHODS OF IMPLEMENTATION OF THE EVALUATION CATEGORIES IN THE GERMAN NEWSPAPER DISCOURSE 19
Marina V. Larionova, Galina S. Romanova
COGNITION AND COMMUNICATION: METAPHOR IN THE SPANISH MEDIA DISCOURSE 26
Chironov S.V.
CONCESSIVE CONNECTORS IN JAPANESE 35

TRANSLATION SCIENCE

Manizhe A. Amiri
PROBLEMS OF PERSIAN-RUSSIAN LEGAL TRANSLATION ON THE EXAMPLE OF MARRIAGE CONTRACT ... 49
Olga A. Egorova, Alina A. Pogonina
PECULIARITIES OF TRANSLATION AND INTERPRETATION OF LACUNAS IN THE UN DISCOURSE 55

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENT APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Radif Zamaletdinov, Zulfiya Yusupova, Kabir Zakiryanov
SCHOOL SUBJECT «RUSSIAN LANGUAGE» IN THE MODERN SYSTEM OF LINGUISTIC EDUCATION 63
Ludmila N. Metelskaya, Natalia V. Loseva
CASE STUDY: EXPERIMENTAL EVALUATION OF KNOWLEDGE COMPONENT OF UNIVERSITY STUDENTS HUMANITARIAN CULTURE 70

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

Galina M. Gorenko
SOCIOLINGUISTIC SITUATION IN SPAIN: PROTECTION OF LANGUAGE AND NATION 80
Dubovitskaya M.A.
FOREIGNISMS IN "THE BOOK OF KHALID" BY AMEEN RIHANI AS A MEANS OF SELF-IDENTIFICATION AND SELF-REPRESENTATION 89
Kuhareva E.V.
THE SYMBOLISM OF COLORS IN THE ETHNIC PICTURE OF THE WORLD OF THE ARABS 97
Sofia K. Mosina
CYBERDEMOCRACY: A NEW PHENOMENON IN SPANISH SOCIOLINGUISTICS 108
Tunitskaya E.L.
LINGUISTIC MARKERS OF THE CHARACTER AS THE OBJECT OF THE AUTHOR'S EMPATHY 120
Madina M. Khaybulaeva
CONCEPT "NAMUS" ("HONOR, DIGNITY") IN PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL UNITS OF THE AVAR LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD 128

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-5-12

ТЕЛЕСКОПНЫЕ ТЕРМИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ТИПОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА

И.Н. Гавришина, Н.В. Яковлева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена исследованию телескопных терминов (ТТ). Телескопия рассматривается авторами как одна из моделей образования терминологических единиц. В статье описываются её отличия от других смежных словообразовательных процессов: словосложения и аббревиации. Объясняются причины появления телескопных терминов в языке. Особое внимание уделено анализу структурных и семантических особенностей ТТ, предлагается их типология на основе морфологического, семантического и фонологического критериев. В ходе исследования выявлено, что наиболее частотный тип изучаемых единиц построен по следующей модели – неполные ТТ, образованные вследствие слияния усечённой основы первого термина и полной основы второго без звукового наложения, в которых второй компонент доминирует в семантическом плане. В заключение авторы анализируют сложности, возникающие при передаче содержания ТТ, рассматривают основные способы их перевода: транскрипция или транслитерация, калькирование, адекватная замена, описательный (разъяснительный) перевод. Статья может представлять научный интерес для лингвистов, специализирующихся в области изучения терминологии, словообразования, переводоведения, а также практический интерес для преподавателей перевода.

Ключевые слова: *французский язык, телескопия, телескопные термины, словообразование, словослияние, усечение слов, типология телескопных единиц, перевод телескопных терминов*

Предметом исследования являются цельнооформленные терминологические единицы, возникшие в результате телескопии, то есть вследствие слияния усечённой основы одного из двух исходных терминов и полной основы другого или вследствие слияния усечённых основ двух исходных терминов. В статье данные единицы называются телескопными терминами (ТТ). Авторы в силу своей профессиональной деятельности – преподавание экономического перевода – сосредоточили своё внимание на телескопных терминах, относящихся к социально-экономической, экологической, научно-технической и политической сферам. Материалом для исследования послужила выборка ТТ из статей французской прессы, монографий и различных интернет-ресурсов. При отборе исследуемых лексических единиц авторы ориентировались на принятое в современном терминоведении определение термина как слова (словосочетания), которое соотносится со специальным понятием, явлением или предметом в системе какой-либо области знания, а также на основные критерии терминологичности, выделяемые в терминоведческих работах, такие как системность, понятийная соотнесённость, номинативность, однозначность в пределах определённой терминосисте-

мы, воспроизводимость в речи, структурная оформленность [3].

Актуальность данного исследования объясняется тем, что телескопия становится одним из продуктивных способов пополнения терминологической лексики французского языка, следовательно, появляется необходимость систематизировать модели образования телескопных терминов, рассмотреть их структурные и семантические особенности, предложить способы перевода данных единиц.

В качестве основного метода исследования авторы использовали описательный метод, основанный на наблюдении, сравнении и обобщении, также применялись приёмы компонентного и контекстуального анализа.

В последние годы вопросы телескопии получили достаточно широкое освещение в лингвистических работах как в России, так и за рубежом. Однако до сих пор не существует единого мнения относительно самого термина, обозначающего данный вид лексических единиц. Так, во французской лингвистике, несмотря на существование большого количества обозначений телескопных слов (mots-gigognes – слова-матрешки, mots-centaures – слова-кентавры, mots-télescopes – слова-телескопы), в настоящее время в основном используются термины «amalgame lexical (слово-амальгама)» и «mot-valise (телескопное слово)», являющееся переводом английского выражения «portmanteau word», которое в английской научной литературе уступило место термину «blend» (слово-слиток). Как отмечают французские исследователи, эти термины наиболее чётко отражают понятие словослияния [13, 14]. Сама модель образования телескопных лексических единиц во французском языке обозначается как «amalgamation (соединение, слияние)» или «(mot)valisage (телескопия)», а в английском языке – «blending». В русскоязычных научных исследованиях наиболее часто встречаются такие термины, как контаминация, словослияние, словостяжение; образованные в результате данного процесса лексические единицы принято называть телескопными словами или контаминантами.

Анализ теоретических работ лингвистов разных школ, посвящённых телескопии, свидетельствует также о неоднозначном понимании сущности этого явления, его места в словообразовательной системе языка. В отечественной лингвистике данное явление относится либо к словосложению [1], либо к аббревиации [9] или же рассматривается как самостоятельный способ словообразования [7, 4, 5, 8].

Мы разделяем последнюю точку зрения и считаем, что:

– во-первых, телескопия не относится к аббревиации, так как при образовании усечённого слова его значение не меняется, оно существует наряду с соответствующим полным словом, тогда как значение телескопного образования включает в себя полностью или частично значения двух исходных компонентов;

– во-вторых, неправомерно смешивать телескопию и словосложение в силу того, что первое явление базируется на наложении двух основ, а второе – на их соположении. Телескопия отличается от словосложения ещё и тем, что в телескопных образованиях «соединяются не значимые морфемы, а произвольные фрагменты слов» [8, с. 133]. В сложных словах в отличие от телескопных единиц могут объединяться две лексемы, способные употребляться самостоятельно, например: savoir-faire (ноу-хау), assurance-vie (страхование жизни), crédit-bail (лизинг).

При изучении работ французских лингвистов [10, 11, 12, 13, 14] мы сделали вывод, что телескопия анализируется как специфическая словообразовательная модель. Французские учёные выделяют ряд критериев, позволяющих определить понятие телескопии:

– морфологический критерий (усечение по типу апокопы первого исходного слова и/или по типу аферезы второго исходного слова [10];

– семантический критерий, основанный на сочинительной связи между значениями двух исходных слов по типу «A одновременно является B и C» [12];

– морфо-фонологический критерий, предполагающий наличие общего звукового сегмента у двух исходных слов [12].

На наш взгляд, применение всех трёх вышеназванных критериев сужает понятие телескопии и не позволяет охватить всё многообразие форм телескопных единиц. Поэтому в нашем исследовании, посвящённом телескопным терминам, мы будем опираться на широкое толкование этой словообразовательной модели, предложенное В. Реннером, – слияние на основе усечения одной или двух лексем [14].

Анализ фактического материала выявил, что некоторые усечённые элементы могут использоваться для образования новых телескопных терминов по аналогии с уже существующим термином. Большинство исследователей подчёрки-

вают промежуточный статус данных элементов, называя их по-разному: «осколочные» элементы [2, 4], полуаффиксы [2], фракто-морфемы [10, 11]. Наибольшей словообразовательной продуктивностью обладают следующие «осколочные» элементы: euro- (Europe), info- (information), éco- (écologie), -ciel (logiciel), -tique (informatique).

В качестве такого «осколочного» элемента могут также использоваться усечённые основы иностранных терминов, например -(o)nomics (от английского слова economics) для описания проводимой властями экономической политики. Вслед за Abenomics, Obamanomics, Trudeaunomics появляется телескопное образование les Macronomics, которое обозначает либеральный экономический курс французского президента Э. Макрона, направленный на стимулирование предложения путём увеличения инвестиций, на сокращение государственных расходов и реформирование социальной политики.

Хотя некоторые лингвисты [11] полагают, что в случае создания новых образований с использованием упомянутых «осколочных» элементов или фракто-морфем речь идёт о другом словообразовательном процессе, а именно аффиксации, мы придерживаемся в нашем исследовании иной точки зрения и рассматриваем термины, образованные с помощью таких элементов как полноценные телескопные терминологические единицы, поскольку по сравнению с приведёнными выше примерами «значения аффиксов, как правило, более абстрактные и не требуют для понимания реконструкции формы и значения всей лексической единицы» [5, с. 91].

Выше отмечалось, что телескопия становится продуктивным способом терминообразования во французском языке. Широкое распространение телескопных терминов объясняется, прежде всего, общей тенденцией языка к экономии языковых средств при сохранении информативной ёмкости. ТТ способны сжато передавать смысл новых сложных понятий и реалий, возникающих в результате глубоких изменений в политической, социально-экономической и научно-технической сферах жизни общества.

Так, европейская интеграция и создание ЕС принесли много новых терминологических образований, начинающихся с усечённого элемента euro, например: *eurodéputé* – депутат Европарламента, *europhobie* – еврофобия, *europhilie* – проевропеизм, *euroscepticisme* – евроскептицизм, *eurocentrisme* – евроцентризм, *eurofédéralisme* – европейский федерализм.

Бурное развитие информационных технологий не могло не вызвать появления новых терминов. Многие из ТТ, относящихся к данной области, образованы с помощью «осколочных» элементов *info-* и *-tique*, например: *infomédiaire* – информационный посредник, *infographie* – компьютерная графика, *infogérance* – ИТ-аутсорсинг; *télématique* – телематика, *productique* – автоматизированные системы управления производством, *robotique* – робототехника, *bancatique* – электронные банковские услуги, *monétique* – электронные деньги.

Такая актуальная проблема, как загрязнение окружающей среды и необходимость её защиты, привела к созданию множества телескопных терминов, начинающихся с усечённых элементов *éco-* и *bio-*, например: *écodéveloppement* – устойчивое развитие, *écoconception* – экодизайн, *écotaxe* – экологический налог, *l'écoblanchiment* – зелёный пиар (коммуникационная стратегия, применяемая сомнительными производителями для создания имиджа экологически-ориентированной компании); *biosystème* – биосистема, *biotechnologie* – биотехнология, *biodiversité* – биоразнообразие, *biodégradabilité* – биоразлагаемость, *bioénergie* – биоэнергетика, *biocarburant* – биотопливо.

Стратегические изменения в развитии компаний, вызванные основными тенденциями в мировой экономике, такими как глобализация, концентрация капитала, усиление конкуренции, также находят своё отражение в новых терминологических образованиях. Так, диверсифицируя свою деятельность, банки выходят на рынок страхования и появляется телескопный термин *bancassurance*, страховые компании начинают продавать банковские продукты, эта сфера деятельности получает название *assurbanque* или *assurfinance*. Нефтяные компании расширяют свою деятельность за счёт добычи газа, возникает термин compagnie *pétrogazière*.

По мере проникновения цифровых технологий в различные сферы экономической деятельности появляются новые ТТ, такие как *fintech* (finance + technologies) и *assurtech* (assurance + technologies), соответственно обозначающие стартапы, использующие инновационные технологии в финансовой или страховой деятельности.

Перейдём к рассмотрению структурных и семантических особенностей телескопных терминов. Авторы предприняли попытку систематизировать корпус исследуемых терминоло-

гических единиц на основе морфологического, фонологического и семантического критериев.

С учётом комбинаторных особенностей морфологического состава ТТ можно предложить две классификации. В рамках первой, учитывающей степень усечения, были выделены:

а) *полные ТТ*, в которых происходит усечение основ двух исходных терминов, например: *la stagflation* (**stag~~nation~~** + **~~in~~flation**) – стагфляция;

в) *неполные ТТ*, в которых усекается основа одной, как правило, первой исходной единицы, например: *les pétrodollars* (**pétrol~~e~~** + **dollars**) – нефтедоллары.

Вторая классификация терминов, основанная на типологии телескопных слов, разработанной А. Класом [10], строится с учётом места отпадения фрагментов исходных терминов, то есть с учётом финального (апокопа) или инициального (афереза) усечения. Различаются следующие виды ТТ, образованные по типу:

а) *апокопа + афереза: le phygital* (**phy~~siqu~~e** + **~~di~~gital**) – интеграция технологий он- и офлайн (в торговле).

б) *апокопа + полная основа второго термина: le publipostage* (p**ublicité** + **postage**) – рассылка рекламы по почте, прямая почтовая реклама;

в) *апокопа + апокопа: agritech* (**agri~~culture~~** + **tech~~nologie~~**) – аграрный стартап.

В соответствии с фонологическим критерием можно выделить два типа исследуемых терминологических единиц:

а) *со звуковым наложением:* (le marketing) g**lo**cal (g**lo**bal + **lo**cal) – глокальный (маркетинг) (направленный на адаптацию глобальных целей бизнеса к местным условиям);

б) *без звукового наложения:* la taxflation (**tax~~ation~~** + **~~in~~flation**) – повышение налогов.

Изучение морфологического состава телескопных терминов необходимо для анализа их семантической структуры. Остановимся более подробно на рассмотрении семантических особенностей данных терминов. Как отмечают многие лингвисты, семантические отношения между компонентами слова, образованного путём телескопии, оказываются более разнообразными, чем простое соединение двух понятий [7, 6]. В работах зарубежных и отечественных учёных, посвящённых изучению семантики телескопных образований, разграничиваются два вида связи между их компонентами: сочинительная и подчинительная [4, 6, 14]. На основе этого критерия мы различаем:

а) ТТ, компоненты которых находятся в равных семантических отношениях, то есть значение нового термина складывается из суммы значений его компонентов (сочинительная связь). Например, термин *coopétition* соединяет в себе значение coopération (сотрудничество) и compétition (конкуренция) и означает сотрудничество конкурентов (в областях, представляющих взаимный интерес);

б) ТТ, компоненты которых находятся в неравных семантических отношениях, то есть один из компонентов является семантически доминирующим, а другой зависимым (подчинительная связь). Например, в термине *assurbanque* и в его реже встречающемся синониме *assurfinance*, которые означают банковские услуги, предоставляемые страховыми компаниями, второй исходный элемент несёт основное значение – банковская (финансовая) деятельность, которое дополняется или уточняется первым (страховые компании, которые её осуществляют).

Анализ выборки позволил выявить некоторые закономерности. Подчинительная связь в основном характерна для неполных ТТ, образованных по типу *апокопа + полная основа второго термина,* в которых неусечённая основа второго компонента, как правило, является семантической доминантой в новом терминологическом образовании. Сочинительной связью чаще соединяются компоненты полных ТТ, созданных по типу *апокопа + афереза.*

На основе результатов проведённого нами изучения морфологической и семантической структуры телескопных терминов, можно утверждать, что наиболее частотный тип построен по следующей модели – неполные ТТ, образованные вследствие слияния усечённой основы первого термина и полной основы второго без звукового наложения, в которых второй компонент доминирует в семантическом плане.

Обратимся к проблемам перевода телескопных терминов на русский язык. В целом для передачи их смысла используются те же приёмы, что и для перевода неологизмов: транскрипция или транслитерация, калькирование, адекватная замена, описательный (разъяснительный) перевод. Следует подчеркнуть, что перевод ТТ представляет сложность по двум причинам, во-первых, они обозначают новые понятия, которые могут не существовать в русском языке, и, во-вторых, они образованы на основе двух терминов, по крайней мере, один из которых усечён. Следовательно, чтобы понять значение

телескопной терминологической единицы, необходимо восстановить полную основу усечённого или усечённых терминов. Иногда это сделать довольно просто, когда морфологическая и семантическая структура ТТ прозрачна, в противном случае раскрытие содержания термина вызывает трудности и требует не только анализа макроконтекста, но и дополнительных фоновых знаний.

Рассмотрим основные приёмы перевода ТТ.

– Транслитерация или транскрипция (передача соответственно орфографической или фонетической формы терминологической единицы). Следует отметить, что при переводе французских ТТ, заимствованных из английского языка, их русскими эквивалентами являются транскрибированные английские термины. Например, *le marketing phygital* переводится как фиджиталмаркетинг (интегрированные коммуникации, работающие в реальном и виртуальном пространствах); французский термин *le prosommateur* (professionnel + consommateur), являющийся калькой английского ТТ prosumer – как просьюмер (профессиональный потребитель или потребитель, обладающий профессиональными знаниями в определённой области).

– Калькирование (воссоздание внутренней формы переводимого термина). Этот приём довольно часто используется при передаче смысла ТТ, так как обладает рядом преимуществ. Это прежде всего соотнесённость русского эквивалента с исходными компонентами французского телескопного термина, сохранение его морфологической структуры и информативной ёмкости. Так переведены термины *la stagflation* – стагфляция, *la glocalisation* – глокализация. Большая часть телескопных терминологических единиц, образованная с помощью «осколочных» элементов euro-, éco-, bio- также переводится таким образом. Калькирование телескопных терминов может происходить с применением грамматических и лексических трансформаций. Модифицированными кальками являются русские эквиваленты французских ТТ *la bancassurance* и *le bancassureur.* При переводе эти телескопные термины превратились в сложные слова со специальной морфемой, а именно с соединительной гласной -о-, *банкострахование и банкострахо-вщик.* В слове *эко(-)предприниматель* (предприниматель, строящий свой бизнес на принципах устойчивого развития), являющемся русским эквивалентом термина *l'écopreneur,* восстановлена полная основа (entrepreneur) второго усечённого французского термина. При передаче смысла ТТ *l'écoconception* (экодизайн) произошла лексическая замена второго компонента conception на слово *дизайн*.

– Адекватная замена, обеспечивающая максимальный уровень эквивалентности. С помощью уже существующего в русском языке термина при полной семантической соотнесённости, но без сохранения морфологической структуры телескопного образования таким способом переводятся французские ТТ *l'écodéveloppement* – устойчивое развитие, *l'infogérance* – ИТ-аутсорсинг.

– Наибольшие сложности вызывает перевод телескопных терминов, обозначающих понятия или явления, не существующие по тем или причинам в русском языке. В этом случае прибегают к описательному (разъяснительному) переводу, который заключается в раскрытии значения исходной терминологической единицы с помощью развёрнутого описания или объяснения. Кроме явных достоинств (понятности смысла переведённого термина), этот приём имеет и свои недостатки: во-первых, не сохраняется морфологическая структура телескопного образования, во-вторых, увеличивается объём переводимого текста. Но без него нельзя обойтись, если, как уже упоминалось выше, нет соответствующей номинации в языке перевода. Например, таким способом передаётся значение терминов *la flexisécurité* (flexibilité + sécurité) – социально-экономическая политика, сочетающая гибкость рынка труда и социальные гарантии, *l'arketing* (art + marketing) – сотрудничество брендов с миром искусства.

Итак, телескопия представляет собой продуктивную самостоятельную модель терминообразования во французском языке. Телескопные термины, являющиеся цельнооформленными единицами и характеризующиеся информативной ёмкостью, выполняют номинативную функцию. Благодаря своим структурно-семантическим особенностям они позволяют достичь лингвистической экономии при передаче смысла новых сложных понятий и явлений, которые возникают в различных сферах жизни общества. Следует отметить, что понимание моделей построения ТТ и семантической связи между исходными компонентами облегчает процесс перевода данных терминологических образований на русский язык. Авторы считают необходимым продолжить изучение французских телескопных терминов, сосредоточив свои

усилия на анализе семантики этих единиц. Недостаточно изученной и требующей дальнейших исследований является проблема определения семантической доминаты в ТТ.

Список литературы

1. Воронцова И.Б. О сходстве тематических композитов, сложносокращённых слов и телескопных слов. // Вестник МГЛУ. 2011, Вып. 10 (616). С. 9-15.
2. Дьячкова Е.С. «Осколочные» элементы телескопных слов как источник полусуффиксов // Вестник АлтГПУ. 2014, №21. С. 67-70. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://journals.altspu.ru/vestnik/article/view/52/51 (Дата доступа 15 апреля 2018 г.).
3. Евстифеева М.В. Терминологическая система валютного рынка на современном этапе её развития: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. / Институт языкознания РАН, М., 2007. 23 с. [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.iling-ran.ru/avtoreferats/Evstifeeva/evstifeeva.rtf (Дата доступа 23 июня 2018 г.).
4. Лашкевич О.М. Семантика слов-слитков в современном английском языке // Вестник Удмуртского Университета. Филол. науки. 2005, № 5 (2). С. 99-110. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://ru.history.vestnik.udsu.ru/files/originsl_articles/vuu_05_5.2_16.htm (Дата доступа 3 апреля 2018 г.)
5. Липилина Л.А. Лексические слияния в современном английском языке // Вестник БФУ им. И. Канта. Филол. науки. 2006, Вып. 2. С. 87-92. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ leksicheskie-sliyaniya-v-sovremennom-angliyskom-yazyke (Дата доступа 10 апреля 2018 г.).
6. Смирнова Н.В., Спиридонов Д.В. Актантно-предикатные отношения в семантике телескопных лексических единиц (на материале французского языка) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Сер.: Филология. Культурология. 2012, №2. С. 5-11 [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/aktantno-predikatnye-otnosheniya-v-semantike-teleskopnyh-leksicheskih-edinits-na-materiale-frantsuzskogo-yazyka (Дата доступа 4 мая 2018 г.).
7. Шевелева А.Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2003. 17 с.
8. Эрстлинг Л. В. Телескопные слова во французском языке // Вест. ПСТГУ III: Филология. 2010, Вып. 4 (22). С. 132-142 [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://pstgu.ru/download/1294824498.erstling.pdf (Дата доступа 27 марта 2018 г.).
9. Ярмашевич М.А. Телескопия как модель осложнённого усечения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015, Вып. №3 (35). С. 71-88 [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/teleskopiya-kak-model-oslozhnennogo-usecheniya (Дата доступа 23 апреля 2018 г.).
10. Clas A. Une matrice terminologique universelle : la brachygraphie gigogne // Meta: journal des traducteurs. 1987, Volume 32, n°3, p.p. 347-355 [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.erudit.org/en/journals/meta/1987-v32-n3-meta317/002272ar.pdf (Дата доступа 24 марта 2018 г.).
11. Fradin B., Montermini F., Plénat M. Morphologie grammaticale et extragrammaticale. 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/278780170_Morphologie_grammaticale_et_extragrammaticale (Дата доступа 21 марта 2018 г.).
12. Grésillon A. La règle et le monstre : le mot-valise. Interrogations sur la langue, à partir d'un corpus de Heinrich Heine [compte-rendu] // Mots. Les langages du politique. 1986, №13, pp. 203-207 [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.persee.fr/doc/mots_0243-6450_1986_num_13_1_1317 (Дата доступа 20 марта 2018 г.).
13. Léturgie A. Prédire la structure des amalgames lexicaux du français ? // 2e Congrès mondial de linguistique française. CMLF 2012 SHS Web of Conferences, 2012, pp. 1351-1367 [Электронный ресурс] - Режим доступа: ttps://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2012/01/shsconf_cmlf12_000317.pdf (Дата доступа 23 марта 2018 г.).
14. Renner V. Panorama rétro-prospectif des études amalgamatives // Neologica : revue internationale de la néologie. Paris : Garnier. 2015, № 9, pp. 97-112 [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01205150/document (Дата доступа 28 марта 2018 г.).

Сведения об авторах:

Гавришина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера интересов: лингвистика, терминоведение, переводоведение.
E-mail: gavririna@mail.ru.

Яковлева Наталья Васильевна – старший преподаватель кафедры французского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера интересов: терминоведение, переводоведение. E-mail: bunia@bk.ru.

TERMINOLOGICAL BLENDS IN FRENCH: TERM-BUILDING MODEL TYPOLOGY AND TRANSLATION METHODS

Irina N. Gavrishina, Natalia V. Iakovleva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

The Abstract: *The article is focused on the study of terminological blends (TB). Blending is viewed as one of the term-building models, different from other similar methods of the word formation (compounding and abbreviation). The reasons of the new terminological blends formation in the language are elucidated. Special attention is paid to the analysis of TB structural and semantic features, and there is put forward the typology based of morphological, semantic and phonological criteria. The study reveals that the most frequent type of terms under consideration is constructed according to the following model: partial TB formed as a result of blending with clipping of the first term and the second term retained entirely, without phonological overlap, in which the second component semantically dominates. In conclusion the authors analyse difficulties that occur when TB content is transmitted to the Russian language and discuss the main methods of TB translation: transcription or transliteration, calque, adequate substitution, descriptive translation. The article may be of scientific interest for linguists who specialise in terminology, word formation and translation studies, as well as of practical interest for translation teachers.*

Key Words: *the French language, telescoping, terminological blends, word formation, blending, clipping, types of blends, translation of terminological blends*

References

1. Vorontsova I.B. O skhodstve tematicheskikh kompozitov, slozhnosokrashchennykh slov i teleskopnykh slov [Similarity of forming of thematic compositions, of compounded of abbreviations and telescopic words] // Vestnik MGLU [Journal of Moscow State Linguistic University]. 2011, no. 10 (616), pp. 9-15.
2. D'iachkova E.S. «Oskolochnye» elementy teleskopnykh slov kak istochnik polusuffiksov [The elements of the clipped words as a source of semi-suffixes] // Vestnik AltGPU [Journal of Altai State Pedagogical University]. 2014, no. 21. pp. 67-70. Available at: http://journals.altspu.ru/vestnik/article/view/52/51 (accessed 15 April 2018).
3. Evstifeeva M.V. Terminologicheskaia sistema valiutnogo rynka na sovremennom etape razvitiia [Terminological system of the foreign exchange market in the modern period]: Avtoref. … dis. kand. filol. nauk: 10.02.19. [extended abstract of the Cand. Sci. Dissertation: 10.02.19] / Institut iazykoznaniia RAN [Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2007. 23 p. Available at: www.iling-ran.ru/avtoreferats/Evstifeeva/evstifeeva.rtf (accessed 23 June 2018).
4. Lashkevich O.M. Semantika slov-slitkov v sovremennom angliiskom iazyke [Semantic of blends in English] // Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Filol. nauki [Journal of Udmurtia University. Science of Linguistics]. 2005, no. 5 (2). pp. 99-110. Available at: http://ru.history.vestnik.udsu.ru/files/originsl_articles/vuu_05_5.2_16.htm (accessed 3 April 2018).
5. Lipilina L.A. Leksicheskie sliianiia v sovremennom angliiskom iazyke [Lexical blends in English] // Vestnik BFU im. I. Kanta. Filol. nauki [Journal of Immanuel Kant Baltic Federal University. Science of Linguistics]. 2006, no. 2. pp. 87-92. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ leksicheskie-sliyaniya-v-sovremennom-angliyskom-yazyke (accessed 10 April 2018).
6. Smirnova N.V., Spiridonov D.V. Aktantno-predikatnye otnosheniia v semantike teleskopnykh leksicheskikh edinits (na materiale frantsuzskogo iazyka) [Actant-predicate relation in semantic analysis of lexical units formed by means of blending] // Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. Ser.: Filologiia. Kul'turologiia [Humanities Research in the Russian Far East. Ser.: Philology. Culturology]. 2012, no. 2. pp. 5-11. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/aktantno-predikatnye-otnosheniya-v-semantike-teleskopnyh-leksicheskih-edinits-na-materiale-frantsuzskogo-yazyka (accessed 4 May 2018).
7. Sheveleva A.N. Struktura i semantika teleskopicheskikh proizvodnykh s tochki zreniia kognitivnoi lingvistiki (na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka) [Stucture and semantic of telescopic derivatives in terms of cognitive linguistics]: Avtoref. … dis. kand. filol. nauk: 10.02.04. [Extended abstract of the Cand. Sci. Dissertation: 10.042.04] / Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gertsena [Herzen State Pedagogical University of Russia]. St. Petersburg, 2003. 17 p.
8. Erstling L.V. Teleskopnye slova vo frantsuzskom iazyke [Blends in French] // Vest. PSTGU III: Filologiia [Journal of Saint Tikhon's Orthodox University III: Philology]. 2010, no. 4 (22). pp. 132-142. Available at: http://pstgu.ru/ download/1294824498.erstling.pdf (accessed 27 March 2018).

9. Iarmashevich M.A. Teleskopiia kak model' oslozhnennogo usecheniia [Telescoping as the model of complicated word reduction] // Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2015, no. 3 (35), pp. 71-88. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/teleskopiya-kak-model-oslozhnennogo-usecheniya (accessed 23 April 2018).
10. Clas A. Une matrice terminologique universelle : la brachygraphie gigogne // Meta: journal des traducteurs. 1987, Volume 32, n°3, p.p. 347-355. Available at: https://www.erudit.org/en/journals/meta/1987-v32-n3-meta317/002272ar.pdf (accessed 24 March 2018).
11. Fradin B., Montermini F., Plénat M. Morphologie grammaticale et extragrammaticale. 2009. Available at: https://www.researchgate.net/publication/278780170_Morphologie_grammaticale_et_extragrammaticale (accessed 21 March 2018).
12. Grésillon A. La règle et le monstre : le mot-valise. Interrogations sur la langue, à partir d'un corpus de Heinrich Heine [compte-rendu] // Mots. Les langages du politique. 1986, №13, pp. 203-207. Available at: https://www.persee.fr/doc/mots_0243-6450_1986_num_13_1_1317 (accessed 20 March 2018).
13. Léturgie A. Prédire la structure des amalgames lexicaux du français ? // 2e Congrès mondial de linguistique française. CMLF 2012 SHS Web of Conferences, 2012, pp. 1351-1367. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2012/01/shsconf_cmlf12_000317.pdf (accessed 23 March 2018).
14. Renner V. Panorama rétro-prospectif des études amalgamatives // Neologica : revue internationale de la néologie. Paris: Garnier. 2015, № 9, pp. 97-112. Available at: https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01205150/document (accessed 28 March 2018).

About the authors:

Irina N. Gavrishina – PhD in Linguistics, Associate Professor of Department of the French Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguistics, terminology science, translation studies. E-mail: gavririna@mail.ru.

Natalia V. Iakovleva – Assistant Professor of Department of the French Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: terminology science, translation studies. E-mail: bunia@bk.ru.

* * *

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-13-18

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕРМИНОВ КРОВНОГО РОДСТВА С НЕКОДИФИЦИРОВАННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ТЕЗАУРУСАХ АНГЛИЙСКОЙ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ

Н.В. Громова

Астраханский государственный университет,
414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а

В настоящее время внимание российских и зарубежных исследователей смещено в сторону изучения субстандартного лексического фонда, его семантических и этимологических особенностей. Среди тематических пластов субстандартной лексики лексемы группы «термины родства» имеют особое значение из-за своего древнего происхождения, устойчивости и общенародного характера. В статье конкретизируется лингвистическое понятие «термины родства», приводятся существующие подходы к их классификации. Кроме того, применяется метод сопоставительного анализа и сравниваются семантические поля терминов кровного родства в английском и русском языках. В исследовании проводится анализ лексикографических источников субстандартной лексики английского языка с целью выявления в них терминов родства, в том числе в составе словосочетаний, находящихся за пределами их литературного терминологического поля. Для реализации данной цели был применён метод сплошной выборки. Результатом исследования является вывод о существовании нелитературных значений у большинства терминов кровного родства английского языка.

Ключевые слова: *лексическая система, термины родства, кровное родство, некровное родство, некодифицированное значение, лексикографические источники, полисемия*

Введение. Слова, объединенные значением «транспорт», слова, относящиеся к теме «одежда», слова со значение «внешность» и т.д. Лексический фонд языка охватывает такое большое количество коррелирующих самыми различными отношениями единиц, что их семантическая организация представляется затруднительной. На протяжении всего периода формирования лингвистической науки поднимался не находивший однозначного решения вопрос о безграничности и неисчислимости лексико-семантического уровня, о подвижности словарного состава языка, которая тесно связана с внешними, экстралингвистическими факторами. В связи с этим каждый раз, когда исследователь-языковед анализирует словарный состава языка с целью уточнения системной организации его элементов, он сталкивается с этими особенностями. Поэтому вопрос об упорядочении лексико-семантического фонда и по сей день остаётся спорным.

Динамика языкового пространства, экспансия лексических единиц из литературного корпуса в субстандартный (нелитературный) фонд, необходимость стратификации лексем всех уровней, которая была бы релевантна современному этапу – все эти процессы нацелили нас рассмотреть группу слов-терминов родства как наиболее древнего слоя лексики на предмет реализации им субстандартных значений, то есть отследить тенденцию демонстрации ими дополнительных семантических полей за пределами

кодифицированных значений, поскольку лексика есть сосредоточение опыта нации, отражение его культуры.

Научная новизна исследования заключается в выявлении количественного состава лексем кровного родства в тезаурусах английской субстандартной лексики и сопоставлении этих показателей в диахроническом аспекте.

В процессе формирования и развития общества между людьми устанавливались родственные отношения, что привело к необходимости обозначения этих связей. Так возникла группа слов-терминов родства. Исторически и культурно эта лексика является одной из самых древних. Несмотря на это, конкретизация лексико-семантической группы «термины родства» не утратила своей актуальности и дискуссионной направленности.

В середине XIX века несколько научных дисциплин, а именно этнология, этнография, психология, социология, лингвистика одновременно определяли предметом своих исследований термины родства. Представители данных учений применяли в своих исследованиях разные методологические подходы. Этнографы и социальные антропологи изучали родство в социокультурном контексте. Работая над созданием теории «Эдипова комплекса», основатель психоанализа австрийский психолог З. Фрейд опирался на материалы, касающиеся феномена родства. Лингвисты рассматривали термины родства с точки зрения этимологии, семантики и фонетического развития терминов родства как языкового явления. Благодаря исследованиям Ф.И. Буслаева и П.А. Лавровского термины родства стали рассматриваться как определённый класс лексики конкретного языка.

В 1871 году американский юрист Л.Г. Морган в работе «Системы родства и свойства человеческой семьи» делает вывод, что термины родства подвержены изменениям, добавляя, однако, что константными остаются первоосновы классификации родственников, исходно заложенные в системе; эта особенность может служить указанием на древнее родство различных народов. Сходство систем родства можно объяснить тем фактом, что господствующие у народов семейно-брачные отношения иногда являются идентичными [2].

Дальнейшие исследования позволили выделить такую характеристику родственной связи как абсолютная взаимозависимость и взаимообусловленность её участников. Называться матерью или отцом, бабушкой или дедушкой можно только при наличие дочери или сына, внука и внучки соответственно. В контексте родства нет разделения на объект и субъект, каждый из элементов родственной связи является субъектом независимо от того, от кого идёт отсчёт отношения [3].

Конкретизируя лингвистическое понятие «термины родства», Н.А. Добронравин выделил три разные группы лексики: кодифицированную лексику, составляющую ядро родственной номенклатуры; имена родства: «детские» наименования родственников, слова – обращения, смыкающиеся с ними возрастные наименования лиц мужского и женского пола и т.п.; относительно устойчивые описательные сочетания с узнаваемой мотивировкой и, очевидно, единственным значением, столь характерные для этнологических анкет [4].

Классификация терминов родства Л.А. Покровской дифференцирует их по двум признакам: термины родства «по крови» и термины родства «по браку» [6].

Ю.И. Левин определяет виды родства как кровное родство: прямое, представленное такими терминами как «мать», «сын», «бабушка», и родство по боковой линии, включающее такие термины как «сестра», «тётя»; и некровное родство, то есть родство через одного из супругов [5].

Тенденция к сопоставительному анализу языков, наметившаяся в языкознании в последние десятилетия, привела лингвистов к сопоставительному описанию терминов родства в различных лингвокультурах. А.А. Бурыкин отметил, что любая из существующих систем родства включает в себя шесть классифицирующих признаков, которые выступают как универсальные для любой системы родства: 1) пол эго; 2) пол альтера; 3) пол коннектора; 4) характер родства – кровное / некровное свойство; 5) возраст по отношению к эго; 6) поколение по отношению к эго. Автор добавляет, что в лексико-семантической группе терминологии родства различных языков реализуются различные наборы представленных выше семантических признаков, число которых в конкретно взятом языке всегда меньше универсального набора [1].

Сравнив семантические поля терминов кровного родства в английском и русском языках, мы выделили следующие три общих дифференциальных семантических признака. Во-первых, признак «старшинство поколений» представлен парами терминов родства: ср.: англ. *mother* –

daughter, русск. *тётя – племянница.* Во-вторых, признак «степень бокового родства», дифференцирующий родство по прямой и боковой линии: ср.: англ. *father – uncle;* русск. *сын – племянник.* В-третьих, признак «пол», иллюстрируемый примерами: ср.: англ. *sister – brother;* русск. *дядя – тётя.*

Характерной особенностью терминов родства является полисемия, свойственная большинству общеупотребительных слов. При этом часть значений слов может выходить за рамки лексико-семантической группы названий терминов отношений. Так, толковый словарь Longman Dictionary of Contemporary English отмечает несколько значений лексемы *son* в литературном языке [10]:

Son noun

1. someone's male child: *They have three sons.*
2. *spoken* used by an older person as a way to address a boy or young man: *What's your name, son?*
3. Jesus Christ, the second member of the group from the Christian religion that also includes the Father and the Holy: *I baptize you in the name of the Father, and of the Son, and of the Holy Spirit.*
4. *written* a man, especially a famous man, from a particular place or country Frank Sinatra: *New Jersey's most famous son.*

В русском литературном языке термин родства *сын* тоже реализует несколько значений согласно Большому толковому словарю русского языка под редакцией С. А. Кузнецова [8]:

сын, -а; мн. сыновья, -вей и (высок.) сыны, -ов; м.

1. Лицо мужского пола по отношению к своим родителям. Старший, младший с. Сын человеческий (один из эпитетов Иисуса Христа). / О животных. Этот конь - сын призёра многих соревнований прошлых лет.
2. только мн. Молодое поколение, ближайшие потомки. Что мы оставляем следующему поколению, своим сыновьям?
3. (обычно в обращении). Лицо мужского пола по отношению к лицу духовного звания. Духовный с. (по отношению к своему постоянному духовнику).
4. чего. Мужчина как носитель характерных черт своего народа, своего времени, своей среды и т.п. Смелые (отважные) сыны своей Отчизны. С. своего времени.

Методы. В нашем исследовании мы уточним круг использования терминов родства в субстандартном фонде с целью выяснить количественный состав данных лексем и подтвердить их способность манифестировать образность и эмоциональность, поскольку, помимо эзотерической или криптофункции, субстандартная лексика реализует экспрессивную функцию.

Мы обратимся к опыту регистрации некодифицированных разновидностей английского языка представителями американской и британской лексикографии, поскольку англоязычная социолексикографическая традиция значительно старше и богаче, например, русскоязычной, и целесообразно отдать ей преимущество [7].

Пользуясь ресурсами трёх словарей субстандартной лексики английского языка, фиксирующих вокабулы, функционирующие в речи в разные временные периоды: Dictionary of American slang, составленным S. Flexner и H. Wentworth в 1967 году [9], The Oxford Dictionary of Modern Slang [11], составителями которого в 1993 году явились John Ayto и John Simpson, и словарём The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English [12], изданным Tom Dalzell и содержащим актуальный на начало XXI века субстандартный лексический ряд терминов родства, и применяя метод сплошной выборки при работе, автор определил, какие из терминов родства в какой-либо форме (например, уменьшительно-ласкательной или в составе выражения) реализовались в некодифицированном значении.

Таблица. **Термины родства английского языка в словарях субстандартной лексики.**

Термин родства	Dictionary of American Slang	Oxford Dictionary of Modern Slang	The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English
Aunt	Aunt Jane / Aunt Jemima	Aunt Edna Aunt Emma Aunt Fanny auntie Aunt Sally	Aunt Bettie Aunt Emma Aunt Flo Aunt Hazel auntie Aunt Jemima Aunt Thomasina Aunt Tillie/ Aunt Tilly Aunt Tom
Brother	brother	–	bro brother brother man

Термин родства	Dictionary of American Slang	Oxford Dictionary of Modern Slang	The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English
Cousin	cousin kissing cousin	–	–
Daughter	–	–	daughter
Father	daddy father fucker papa sweet papa	Dad daddy daddy-o papa	dad Dad dad-blamed daddy daddy-come-to-church daddy mac daddy-o daddypoo daddy tank fatherfucking father's day Father-Son-Holy Ghost house
Grandfather	grandfather	gran(d)daddy	grandpappy
Grandmother	grandma grandmother	–	grandma grandma's peepers granny granny-dodger granny-grunt granny's here for a visit
Mother	mama mama`s boy mammy boy red hot mamma mom momism mommy mother Mother Hubbard Mother Machree / Mother McCrea sweet mama mother fucker	mamma mother Mother Bunch mother-fucker mothering motherless mother-loving mother-raper mother's ruin	mama mama coca mama-jammer mama-san mama's little helper mama's mellow mammy mammy-fugger mammy-jammer mammy jamming mammy-screwing mammy-sucker mom mom-and-pop mother mother dear motheren mother jumper mother nature mother of all mother of pearl mother of shit! mother's day Mother Superior mother wit mum
Mother-in-law	–	–	mother-in-law
Nephew	–	–	nephew
Sister	sis sister sob sister weak sister	Sister	sis sister sister act Sister Alice Baker sister hix sisterhood
Son	sona`bitch`u / son of a bitch / son of a so-and-so	son of a bitch	son of a bitch son-of-a-bitch with slides
Uncle	unc uncle Uncle Dudley Uncle Sam Uncle Sam` party Uncle Tom Uncle Tommer(s) Uncle Whiskers		uncle Uncle harlie Uncle Sugar Uncle Tom Uncle Whiskers

Результаты. Сравнив количественный состав лексем в трёх заявленных словарях, определяем, что более широкий спектр употребления терминов родства в субстандартных значениях отра-

жён в словаре The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English [12], иллюстрирующем субстандартный лексический фонд начала XXI века. Это является подтверждением того факта, что в последние десятилетия наметилась тенденция к расширению состава кодифицированной лексики, следствием чего является экспансия её в литературный язык.

Данные сводной таблицы показывают, что большинство терминов кровного родства в английском языке, ср.: *brother, daughter,* демонстрируют некодифицированные значения. Имена родства *father, mother* представлены самым широким набором нелитературных вариантов и нашли отражение во всех трёх словарях. Ср.: термин родства *mother* репрезентируется как самостоятельной лексемой *mother*, её словоформами *mam, mamma, mom, mommy, mum,* так и в составе словосочетаний *sweet mama, mother's ruin, mother nature.* Некоторые словосочетания включают прецедентное имя: ср.: *Mother Machree/ Mother McCrea, Mother Hubbard.* Лексема *father* приобрела некодифицированные значения в уменьшительно-ласкательных формах *dad, daddy, daddy-o* и в оборотах *daddy-come-to-church, Father-Son-Holy Ghost house.*

Многие из перечисленных лексем присутствуют в субстандартном фонде английского языка в составе словосочетаний: ср.: *granny's here for a visit, kissing cousin.* Термины некровного родства или свойства, например, *daughter-in-law, step-mother,* не нашли отражения в таблице. Исключением выступает термин *mother-in-law,* который зафиксирован только в одном источнике – The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English [12]. Только в этом словаре зарегистрированы нелитературные значения у лексем родства *daughter* и *nephew*.

Заключение. Данные исследования показывают, что большинство терминов кровного родства презентуют некодифицированные значения. Принимая во внимание диахронический аспект, утверждаем, что наметилась тенденция к увеличению количества лексем, их словоформ и комбинаций в субстандартном корпусе. Материал исследования позволяют сделать вывод о высокой степени экспрессивности и эмоциональности лексем представленной лексической группы.

Список литературы

1. Бурыкин А.А. Какая реальность наблюдается исследователями при описании систем терминов родства // Алгебра Родства. СПб.: МАЭ РАН, 2001. Вып. 5. С.63-75.
2. Громова Н.В. Термины родства в спектре наук: основные подходы к категоризации, дефиниции и семантике // Евразийский гуманитарный журнал. ПГНИУ: 2017. №1. С.36-40.
3. Дзибель Г.В. Поколение, возраст и пол в системах терминов родства: опыт историко-типологического исследования: Дисс. …канд. истор. наук. СПб., 1997. 349 с.
4. Добронравин Н.А. Термины родства, имена родства и компаративистика // Алгебра Родства. СПб.: МАЭ РАН, 1998. Вып. 2. С.42-47.
5. Левин Ю. И. Алгебра родства // Наука и жизнь. 1982. № 8. С. 92 – 97.
6. Покровская, Л. А. Термины родства в тюркских языках / Л.А. Покровская // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 11–81.
7. Рябичкина Г.В. Социолексикографическая мысль в теоретических изысканиях составителей словарей британского лексического субстандарта конца XVIII – начала XX вв. // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск: 2008. № 3. С. 81-86.
8. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. 1536 с.
9. Flexner, S., Wentworth, H. Dictionary of American Slang. New York: 1967. 736 p.
10. Longman Dictionary of Contemporary English // https://www.ldoceonline.com (дата обращения 27.04.2018).
11. The Oxford Dictionary of Modern Slang/ compiled by John Ayto , John Simpson. Oxford University Press, 1993. 310 p.
12. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English // Edited by Tom Dalzell. Taylor & Francis e-Library, 2008. 1120 p.

Сведения об авторе:

Громова Наталья Валериевна – старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и гуманитарных дисциплин Астраханского государственного университета, аспирант кафедры английской филологии АГУ. Сфера научных и профессиональных интересов: субстандартный лексический фонд английского, немецкого и русского языков, метод проектов при обучении иностранному языку в неязыковом вузе.
E-mail: nv_gromova@mail.ru.

THE PRESENTATION OF THE KINSHIP TERMS WITH UNCODIFIED MEANING IN THE THESAURUSES OF THE ENGLISH SUBSTANDARD VOCABULARY

Natalya V. Gromova

Astrakhan State University,
20A, Tatishcheva Street, Astrakhan, 414056? Russia

The Abstract: *Today the attention of Russian and foreign researchers shifted to the area of sub-standard lexical fund, the study of its features and characteristics, semantics and etymology. Among the thematic layers of sub-standard vocabulary, the lexical group of "terms of kinship" is of paramount importance because of its ancient etymology, greater stability and generality. In the article the linguistic concept of "kinship terms" is specified, and the existing approaches to their classification are provided. In addition, method of comparative analysis allows us to compare the semantic fields of terms of blood kinship in English and Russian. The study presents the analysis of lexicographical sources of the substandard vocabulary of the English language aiming at determining kinship terms, including the composition of phrases, manifesting uncodified meanings, i.e. meanings that are outside of their literary terminological field. The method of continuous sampling was used to achieve this goal. It was concluded that most terms of blood kinship have non-literary meanings in the English language.*

Key Words: *lexical system, kinship terms, blood kinship, not blood kinship, uncodified meaning, lexicographical sources, polysemy*

References

1. Burykin, A.A. Kakaia real'nost' nabludaetsia issledovateliami pri opisanii system terminov rodstva [What reality is observed by researchers in the description of systems of kinship terms]. Algebra rodstva [Algebra of Kinship]. Tom 5 [Vol. 5]. Saint-Petersburg, 2001, pp. 63-75.
2. Gromova, N.V. Terminy rodstva v spectre nauk: osnovnyie podkhody k kategorizatsii, definitsii i semantike [The terms of kinship in the spectrum of Sciences: basic approaches to categorization, definition and semantics] Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal – Eurasian Humanities journal, 2017, no. 1, pp. 36-40 (in Russian).
3. Dzibel G.V. Pokolenie, vozrast i pol v sistemakh terminov rodstva: opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniia. Diss. kand. istor.nauk [Generation, age and gender in systems of kinship terms: experience of historical and typological research. Kand. histor. sci. diss.]. Saint Petersburg, 1997. 349 p.
4. Dobronravin N.A. Terminy rodstva, imena rodstva i komparativistika [Kinship terms, names of relationship and comparative studies]. Algebra rodstva [Algebra of Kinship]. Tom 2 [Vol. 2]. Saint Petersburg, 1998, pp. 42-47.
5. Levin, Y.I. Algebra rodstva [Algebra of kinship]. Nauka I zhizn' – Science and life, 1982, no. 8, pp. 92-97 (in Russian).
6. Pokrovskaia, L.A. Terminy rodstva v turkskikh iazykakh [The terms of kinship in Turkic languages]. Istoricheskoe razvitie leksiki turkskikh iazykov [Historical development of the vocabulary of Turkic languages]. Moscow, 1961, pp. 11-81.
7. Riabichkina G.V. Sotsioleksikograficheskaia mysl' v teoreticheskikh isyskaniiakh sostavitelei slovarei britanskogo leksicheskogo substandarta kontsa XVIII – nachala XX vv. [Sociallexicographical thought in theoretical researches of the compilers of dictionaries of British lexical substandard the end of XVIII – beginning of XX centuries]. Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of Pyatigorsk state linguistic University, 2008, no. 3, pp. 81-86.
8. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Large explanatory dictionary of Russian] S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg, 1998, 1536 p.
9. Flexner, S., Wentworth, H. Dictionary of American slang. New York: 1967. 736 p.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. Available at: https://www.ldoceonline.com (accessed 27 April 2018).
11. The Oxford Dictionary of Modern Slang/ compiled by John Ayto, John Simpson. Oxford University Press, 1993. 310 p.
12. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English // Edited by Tom Dalzell. Taylor & Francis e-Library, 2008. 1120 p.

About the authors:

Natalya V. Gromova – a senior lecturer of Department of Pedagogics, Psychology and Humanities at Astrakhan State University, Postgraduate student of the Department of English Philology of ASU. Spheres of research and professional interests: substandard lexical fund of the English, German and Russian languages, the method of projects in teaching a foreign language in a non-linguistic university. E-mail: nv_gromova@mail.ru.

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-19-25

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Е.А. Зимина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Данная работа посвящена исследованию наиболее эффективных лексических способов выражения категории оценки в новостных материалах электронных газетных статей немецкоязычной прессы. Прагматическая адекватность, которая определяется взаимодействием оценочного компонента и контента, конкретизирует требование к эффективности и действенности коммуникации между адресантом и целевой аудиторией. В статье описываются примеры реального использования оценочных метафор для выражения имплицитной оценки в текстах публицистического дискурса. Действенным способом воздействия на адресата является обращение к концептуальной метафоре, которая способствует изменению картины мира в сознании целевой аудитории. Яркие образы, создаваемые оценочными метафорами, психологически воздействуют на подсознание, навязывают адресату определённое представление о действительности, не всегда совпадающее с тем, которое адресат мог бы сформировать самостоятельно, информация воспринимается под нужным адресанту углом зрения. Анализируется метафорическое переосмысление терминов из военной, медицинской и театральной сферы, подчёркивается их способность выражать имплицитно оценочные суждения адресанта и оказывать воздействие на общественное мнение. Удачная политическая метафора обладает аргументативным и эвристическим потенциалом, формирует отношение к обсуждаемой действительности.

Ключевые слова: *дискурс, язык СМИ, категория оценки, концептуальная метафора, имплицитность*

В данной статье мы продолжаем исследовать лексические средства выражения категории оценки и её воздействие на процесс формирования общественного мнения. В качестве исходного материала исследования использовались новостные статьи и комментарии из электронных немецкоязычных газет. Исходя из того, что функция воздействия или прагматическая функция является одной из главных функций языка прессы, газетный дискурс интересен не столько способом формирования общественного мнения, сколько приёмами его манипулирования. В актуальных работах по языкознанию и политологии неоднократно предпринимался дискурсивный анализ языка СМИ, например, по теме «миграция» [8]. Газетный дискурс имеет своей целью активно воздействовать на формирование мировоззрения. Несмотря на то, что авторы новостных статей должны оставаться беспристрастными, зачастую они не только передают сообщение о событии, но и интерпретируют его, передавая имплицитно лексическими средствами и свою позицию. О воздействующей функции языка СМИ говорит в своей публикации руководитель Учебно - научного центра «Язык – СМИ» проф. М.Н. Володина [3].

Многие исследователи придерживаются мнения, что оценка включает в себя не только лек-

сические, но и стилистические, синтаксические, фонетические и графические средства выражения [4]. В настоящей работе мы рассматриваем только лексические способы выражения категории имплицитной оценки на примере концептуальных метафор из статей электронных немецкоязычных газет «Die Zeit» [14], «Moskauer Deutsche Zeitung» [12], «Süddeutsche Zeitung» [13], «Frankfurter Allgemeine Zeitung» [11], отобранных методом сплошной выборки за период 2016-2018 гг. Под имплицитной оценкой мы понимаем оценку, которая завуалирована в высказывании, она не содержится ни в прямом значении лексем, ни в грамматических конструкциях. Но такая оценка будет распознана и понята реципиентом, интерпретирующим сообщение. Существующие определённые механизмы и средства позволяют одним (адресантам) включать скрытую оценку в свои тексты, а другим (адресатам) распознавать завуалированную оценку.

Лексическим способом выражения имплицитной оценки в публицистике являются метафоры. Политическая ситуация в мире постоянно меняется, а метафоры характеризуют эти изменения. Когнитивный подход к понятию концептуальной метафоры был теоретически обоснован в работах зарубежных исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а в отечественной науке поддержан А.Н. Барановым, Ю.Н. Карауловым, А.П. Чудиновым, Е.С. Кубряковой и др. Как отмечал Дж. Лакофф, в основе процессов метафоризации лежат когнитивные процессы взаимодействия между областью источника и областью цели. Особое внимание Лакофф обращает на возможности применения метафоры в процессе коммуникации как средства познания действительности, инструмента организации опыта человека, структурирования его знаний о действительности [7].

Опубликовано довольно много работ, посвящённых роли метафоры в газетных текстах. В.Л. Наер относит метафору к сфере соотношения мышления и языка и отмечает способность общества воспринимать и расшифровывать концептуальную метафору [9]. А.П. Чудинов исследует в одной из своих монографий закономерности метафорической репрезентации в языке политики, используя когнитивно-дискурсивный подход [10]. А.Н. Андреев анализирует немецкие политические метафоры с учётом их типов и сопоставляет метафорические модели, которые используются в современном российском и немецком политическом газетном дискурсе [1]. Н.В. Бадаева анализирует продуктивность использования механистической метафоры в экономическом дискурсе немецкоязычных СМИ [2]. Кроме того, Р.Д. Керимов исследовал концептуальную метафору, в частности в своей монографии, антропоморфную метафоризацию в современной социально-политической коммуникации [5]. Метафора рассматривается Р.Д. Керимовым как взаимосвязь двух понятийных областей (сферы-источника и сферы-мишени), связывающих прямое и переносное значение актуальной языковой лексемы [5, с.90].

Непосредственно Чудиновым А.П. было выделено 4 метафорические модели: *антроморфная* (концепты «Анатомия», «Физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья» и другие), *природоморфная* (компоненты «Мир животных, растений и неживой природы»), *артефактная* (концепты «Инструмент», «Механизм», «Мир компьютеров»), *социоморфная* (понятийные сферы «Спорт и игра», «Преступность», «Война», «Театр») [10, с. 36].

В современном немецком газетном тексте часто можно встретить метафору, образованную в результате переосмысления терминов из области военной сферы. Здесь терминология фигурирует не как явление языка, происходит процесс переосмысления и изменения денотативного значения терминов. В зависимости от контекста реализуется различная информация, заложенная в понятийно-семантической структуре термина. В контексте термин получает определённые семантические и стилистические приращения, которые обусловлены тематикой текста, а также личным пониманием текста адресантом. Политики обозначаются полководцами (Heerführer), а политические события в языке прессы – это нападения, атаки (Angriffe). Если что-то не удаётся в сфере политики, это провал, поражение (Niederlage). Автор использует военные термины, чтобы быть наиболее убедительным. Применяя привычные термины из иной понятийной области в новом контексте, автор статей манипулирует общественным сознанием. Метафора, являющаяся одним из наиболее ярких средств вторичной номинации, выполняет функцию воздействия, применяется для имплицитного выражения чаще всего отрицательной оценки автора по отношению к действительности. Приведём несколько примеров:

– **explodieren**

Чаще всего этот термин употребляется в значении сильно возросших цен, расходов и

издержек. Под влиянием контекста данная лексическая единица из области военной сферы становится способом выражения имплицитной и, как правило, негативной оценки автора:

Da fragt eine Linken-Abgeordnete, was Angela Merkel gegen die ***explodierenden*** *Wohnungspreise unternehmen wolle (SZ, 06.06.2018). /Депутат партии левых спрашивает, что намерена предпринять Ангела Меркель против возросших (досл.:* ***взорвавшихся****) цен на жильё (здесь и далее – перевод автора статьи).*

Rathausneubau, Freibadsanierung, Schulerweiterung: Landkreiskommunen kommen mit ihren Vorhaben in Verzug, weil die ausgelastete Baubranche immer höhere Preise verlangt und die Kosten ***explodieren*** *(SZ, 31.05.2018). /Новая ратуша, реконструкция открытых бассейнов, расширение школы: районные общины задерживаются с реализацией проектов, потому что перегруженная строительная отрасль требует всё более высоких цен и расходы увеличиваются (досл.:* ***взрываются****).*

Этот термин фигурирует не в рамках своего употребления, а в качестве политической концептуальной метафоры, когда речь идёт о каком-то неожиданном событии, сопоставимым по своей неожиданности и значимости со взрывом:

Frauen in Saudi-Arabien sollen bald Auto fahren dürfen. Die sozialen Netzwerke, bevorzugtes Kommunikationsmittel der jungen Generation, ***explodieren*** *vor Freude (SZ, 28.09.2017). /Женщины в Саудовской Аравии в ближайшее время должны получить право на вождение автомобиля. Социальные сети, как средство коммуникации молодого поколения, «****взрываются****» от радости.*

in die Offensive gehen – *Nach dem Verzicht Gabriels auf die Kanzlerkandidatur macht sich Martin Schulz bereit für die Auseinandersetzung mit der Amtsinhaberin Angela Merkel. Und* ***geht*** *gleich* ***in die Offensive*** *(FAZ 24.01.2017). /После отказа Габриэля от кандидатуры канцлера Мартин Шульц готовится к полемике с действующим канцлером Ангелой Меркель. И* ***идёт прямо в наступление.***

Doch begonnen hat 2018 für die Demokraten zunächst einmal mit einer ***Niederlage****. Schlimmer: mit einer* ***Kapitulation****. Und schließlich erwiesen sich Trump und die Republikaner als durchaus geschickte* ***Taktiker*** *(SDZ 24.01.2018). /Однако 2018 год начался для демократов с* ***поражения****. Хуже того: с* ***капитуляции****. И наконец-то Трамп и республиканцы оказались вполне умелыми* ***тактиками****.*

Благодаря метафоре информация запоминается читателем лучше, потому что она содержит эмоции и оценку автора. Рисующийся яркий образ в воображении адресата обязательно напомнит какое-либо важное событие:

Vor seiner Wiederwahl inszeniert Putin sich als ***Feldherr*** *einer* ***belagerten Festung*** *(FAZ 16.03.18). / Перед переизбранием Путин позиционирует себя* ***военачальником осаждённой крепости.***

В следующем примере термин из области авиации подвергается метафорическому переосмыслению и выступает в качестве завуалированной оценки автора:

Und doch bleibt fast überall in Europa große Sorge über den hoch verschuldeten EU-Gründerstaat - auch wegen möglicher ***Turbulenzen*** *für die Eurozone. «Wir stehen an einem Scheideweg», meinte der SPD-Europapolitiker Udo Bullmann zu der Situation in Italien…. Der deutsche Kommissar Oettinger hatte auf die negative wirtschaftliche Entwicklung und die* ***Turbulenzen*** *auf den Finanzmärkten verwiesen… Finanzielle* ***Turbulenzen*** *könnten auch andere Länder berühren – so das hoch verschuldete Griechenland (SZ, 30.05.2018). /И всё же почти везде в Европе остаётся большая озабоченность по поводу обременённого долгами государства-основателя ЕС – в том числе из-за возможной* ***турбулентности*** *для еврозоны. «Мы стоим на распутье», – сказал представитель СДПГ Удо Бульман, комментируя ситуацию в Италии... Комиссар ЕС Эттингер указал на негативное экономическое развитие и потрясения (досл.:* ***турбулентность****) на финансовых рынках... Финансовые потрясения (досл.:* ***турбулентность****) могут затронуть и другие страны – в том числе и обременённую долгами Грецию.*

В современном немецком политическом дискурсе часто можно встретить метафоризированные медицинские термины: Krebs (рак) (Krebsübel – раковая опухоль, Krebsgeschwür – злокачественная опухоль), Wechselfieber (перемежающаяся лихорадка), Pest (чума), Cholera (холера). Медицинские термины используются для представления «неисправных» или «неработающих» общественно-политических ситуаций. Медицинская терминология порождает яркие и убедительные ассоциации, потому что адресату хорошо известны первичные значения опорных словосочетаний, которые в новом контексте становятся оценочной метафорой и получают прагматический смысл:

Bittere Medizin: *Russlands neue Nationalgarde und ihre* ***Nebenwirkungen*** *(MDZ, 14.04.2016). /*

Горькая пилюля: *формирование новой национальной гвардии России и последствия (досл.:* ***побочное действие****).*

Trump gegen Clinton – für viele Amerikaner war die vergangene US-Wahl eine zwischen ***Pest*** *und* ***Cholera*** *(SDZ 05.07.2018). /Трамп против Клинтон – это был выбор между* ***чумой*** *и* ***холерой*** *для многих американцев на прошедших выборах.*

Wie viel Nationalismus verträgt die EU, deren Gründungsgedanke es doch war, die nationalistische ***Pest*** *des 20. Jahrhunderts zu besiegen? (SDZ 28.06.2018) /Сколько национализма выдержит ЕС, в основании которого была идея победить националистическую* ***чуму*** *20-го века?*

„Hooliganterror ist die ***Pest*** *für unsere Sportbegeisterten, unsere Familien und unsere Vereine», sagte der CDU-Politiker Hagel (SDZ 29.05.2018). /«Хулиганский терроризм это* ***чума*** *для наших любителей спорта, наших семей и наших клубов», – сказал представитель ХДС Хагель.*

Ich will mich gar nicht zwischen ***Pest und Cholera*** *entscheiden müssen (SDZ 28.03.2018). /Я не хочу выбирать между чумой и холерой.* Речь о предстоящих выборах в Египте действующего президента Ас-Сиси и сравнении его с экс-президентом Мубараком.

«Israel ist ein ***Krebsgeschwür****, das beseitigt werden muss», das habe das iranische Staatsoberhaupt Ali Chamenei erst kürzlich wieder getwittert (SZ, 04.06.2018). /«Израиль – это* ***злокачественная раковая опухоль,*** *которая должна быть уничтожена», – написал глава иранского государства Али Хаменеи в твиттере.*

Автор намеренно использует не стилистически-нейтральное слово «Krankheit» /болезнь, а слово «Krebsgeschwür» /злокачественная раковая опухоль, чтобы усилить отрицательное значение метафоры. В сознании адресатов возникают более негативные образы, всем известно, что онкологические заболевания намного серьёзнее, чем упоминание неопределённого заболевания. Данной яркой метафорой автор достигает нужного эффекта воздействия: привлекает внимание читателя к важности описываемой проблемы и подчёркивает необходимость её незамедлительного решения радикальными способами.

Следующий пример также иллюстрирует удачное использование данного медицинского термина для создания убедительного образа:

Antisemitismus sei «ein ***Krebsgeschwür*** *für diese freie Gesellschaft», sagte der neue bayerische Antisemitismusbeauftragte Spaenle am Montag in der Staatskanzlei in München (SZ, 14.05.2018). /Антисемитизм – «****злокачественная раковая опухоль*** *для этого свободного общества», сказал новый уполномоченный по борьбе с антисемитизмом в Баварии Шпенле в понедельник в государственной канцелярии в Мюнхене.* Автор статьи не случайно сопоставляет такие понятия, как «антисемитизм» и «рак»: не только злокачественные раковые опухоли – злободневная проблема здравоохранения и современного общества, но и проблема возродившегося антисемитизма является обсуждаемой и актуальной темой европейского сообщества. Коммуникативная функция метафоры с медицинским компонентом «рак» состоит в манипулирующем воздействии. До читателя доносится мысль: государство находится в потенциальной опасности, а политики не в состоянии решить проблему антисемитизма.

Seehofer attackiert Gabriel und Lindner: Das ist ein wirkliches ***Krebsübel*** *der deutschen Politik geworden (SZ, 03.03.2018). /Зеехофер атакует Габриэль и Линднер: это стало настоящей* ***раковой опухолью*** *немецкой политики.*

Кроме того, в современном политическом дискурсе можно встретить метафоризированный медицинский термин ***Kurzsichtigkeit***/миопия, близорукость:

Verweise auf ökonomische Logik, das Regelwerk der Welthandelsorganisation WTO oder die ***Kurzsichtigkeit*** *amerikanischen Handelns werden im Weißen Haus bestenfalls belächelt (FAZ 07.06.2018). /Ссылки на экономическую логику, правила Всемирной торговой организации ВТО или недальновидность (досл.:* ***близорукость****) американских действий в лучшем случае вызывают насмешки в Белом доме.*

Die Bombardierung sei mit ***Kurzsichtigkeit*** *sowie politischer und militärischer* ***Blindheit*** *für die Realität erfolgt, erklärte das Präsidentschaftsbüro in Damaskus (SDZ 07.04.2017). /Бомбардировка отражает недальновидность (досл.:* ***близорукость****), а также политическую и военную слепоту для реальности, так пояснили эти действия в администрации президента в Дамаске.*

Причиной популярности определений из области медицины в образовании политических метафор являются экстралингвистические причины. Медицинские метафоры обращают внимание читателя на острые вопросы общества. Похожие определения вызывают устойчивую ассоциацию с неблагополучием, потребностью неотложного вмешательства.

Следует согласиться с Кобозевой И.М., которая выделяет разные функции метафоры в различных типах текста. В газетном дискурсе это прагматическая функция, которая включает в себя аргументативную и эмотивную разновидности. Аргументативная функция метафоры важна как средство убеждения в правдоподобности подаваемой информации. Эмотивная функция связана не только с сообщением фактов действительности, но и с отражением отношения к ним адресанта. В этом случае метафора используется для воздействия на чувственную сферу реципиента и формирования определённого отношения к описываемой реальности [6].

Активно подвергается метафорическому переосмыслению в языке политики также лексика из области театральной сферы. Исследователи театральной метафоры единогласны в определении намерений и оценок, стоящих за употреблением театральной метафоры: они применяются для реализации интенции фальши, неискренности и нереальности происходящего. Семантика данных терминов объясняет возможность вызвать у адресата устойчивую ассоциацию с искусственностью, фальшивостью происходящего. Отрицательное отношение к политическим деятелям формирует функцию воздействия этих оценочных метафор. Среди них особо выделяются: **Politzirkus** (политический цирк), **tragende Rolle** (ведущая роль), **große Premiere** (большая премьера), **Akteure, Mitspieler** (актёры) и т.п. Многие аспекты политической жизни сопоставляются с театром, что проиллюстрировано примерами ниже. Политические события часто сравниваются с театральным спектаклем:

Die Union, die immer dem Ausgleich verpflichtet war, ist zum ***Schauplatz*** *ideologischer Auseinandersetzungen geworden (Z 28.06.2018). / Европейский Союз, который всегда должен был находить компромиссы, стал ареной споров.*

Trumps Schwiegersohn Jared Kushner gilt als mächtiger ***Strippenzieher hinter den Kulissen****. Auch bei Ivanka Trump zeichnet sich ein* ***Rollenwechsel*** *ab (SDZ 10.01.17). / Зять Трампа Джаред Кушнер считается могущественным* ***закулисным руководителем (серым кардиналом).*** *Также и для Иванки Франк характерна* ***смена ролей.*** Речь идёт о назначении Кушнера (родственника президента) на пост старшего советника президента США. Эти яркие метафоры содержат отрицательную оценку и неприятие обществом факта семейственности. Кроме того, ассоциативно можно провести параллель с образом мастера-кукловода, искусно дёргающего за верёвочки своих марионеток, заставляя их исполнять свою волю.

Der Anspruch Europas, weltpolitischer ***Akteur*** *zu sein, fiele höchstwahrscheinlich in sich zusammen (FAZ 17.02.2017). / Требование Европы быть мировым политическим* ***игроком****, скорее всего, отпало само по себе.*

Als der Milliardär und Reality-TV-Star Donald Trump im Juni 2015 seine Bewerbung für die Präsidentschaftskandidatur der Republikaner bekanntgibt, ist die Freude bei den Demokraten groß: Die Grand Old Party verkommt aus ihrer Sicht endgültig zum ***Polit-Zirkus*** *(SDZ 10.06.2017). /Когда миллиардер и телезвезда Дональд Трамп в июне 2015 заявил о своём намерении баллотироваться в президенты от республиканцев, радость демократов была велика: с их точки зрения Великая Старая Партия окончательно превращается* ***в политический цирк.***

Im Januar nutzte Präsident Xi Jinping geschickt die ***Bühne*** *des Weltwirt schaftsforums in Davos, um sich als Pfeiler der Stabilität und Verfechter der Globalisierung zu präsentieren (FAZ 17.02.2017). /В январе президент Си Цзиньпин умело использовал сцену Всемирного форума в Давосе, чтобы представить себя в качестве основы стабильности и сторонника глобализации.*

*Die Sozialdemokraten nennen den Streit zwischen CSU und CDU über Flüchtlingspolitik amüsiert «****Kasperletheater****». Doch eine weitere Eskalation des Konflikts kann auch der SPD schaden (SDZ 31.10.15). /Социал-демократы называют спор между ХСС и ХДС о политике беженцев в шутку «****театром Касперля****». Однако дальнейшая эскалация конфликта также может нанести вред СДПГ.*

Trump hatte aber wohl genug davon, wie das ***Kasperle*** *auszusehen, das auf das* ***Krokodil*** *eindrischt, wenn ihm der* ***Puppenspieler*** *„böse, böse" zuflüstert (FAZ 20.08.17). /Трамп достаточно выглядел петрушкой (****Касперле****), который нападает на* ***крокодила****, когда* ***кукловод*** *шепчет ему „зло, зло".*

Donald Trumps Chefstratege wirkt gerne im Verborgenen, öffentliche ***Auftritte*** *von Stephen Bannon sind selten. Einen* ***Puppenspieler*** *nennen US-Medien den 63-Jährigen, weil sein Einfluss auf Trump so groß sei (SDZ 06.04.2017). /Главный стратег Дональда Трампа любит действовать за кулисами, публичные* ***выступления*** *Стивена Бэннона редки. Американские СМИ называют 63-летнего Бэннона кукловодом, потому что его влияние на Трампа велико.*

В немецком дискурсе СМИ присутствуют определённые персонажи кукольного театра, за которыми закреплены конкретные характеристики. Почти все перечисленные примеры связаны с негативной оценкой политической деятельности и политических субъектов, они передают недоверчивое отношение, насмешку и отрицательные ассоциации. Политические деятели не живут настоящей жизнью, а против своей воли исполняют чьи-то указания. Похожие метафоры характеризуют политическую сферу как шоу в самом широком значении этого слова. Оценка основана на знании актуального социокультурного контекста и прогнозировании негативного развития ситуации при определённых условиях.

В заключение следует отметить, что каждая газетная статья (новость, комментарий и др.) должна исследоваться с учётом политической ситуации, когда она создавалась, взглядов автора, различного восприятия одного и того же текста разными адресатами. Имплицитная оценка, завуалированная в высказывании автора, создаёт у людей соответствующее видение окружающей действительности, влияет на формирование точки зрения, поэтому концептуальные метафоры являются наиболее продуктивными и широко применяются в немецкоязычном газетном дискурсе в процессе реализации имплицитной оценки. Бесспорно, именно качественный анализ отобранных метафор обеспечивает достоверность исследования, но представляется важным в дальнейших исследованиях увеличить количество рассматриваемых метафор с целью объективности полученных результатов.

Список литературы

1. Андреев Н.И. Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2011. №3. С.70-81.
2. Бадаева Н.В. Механистическая метафора в экономическом дискурсе немецкоязычных масс-медиа в период кризиса 2008-2011 гг // Филологические науки в МГИМО. 2018. №1(13). С. 5-11.
3. Володина М.Н. Социальная и информационно-языковая роль текстов массовой коммуникации //Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2015. С. 20-26.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука. 1985. 214 с.
5. Керимов Р.Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации: Монография / Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2015. 339 с.
6. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология – 2001. №6.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ./Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
8. Мюллер Ю.Э. Портрет мигранта в русскоязычном сегменте интернета // Мова. 2015. № 23. С. 41-46.
9. Наер В.Л. Концептуальная и стилистическая метафора: общее и различное // Вестник МГЛУ. Выпуск 274: Когнитивные основания стилистических аспектов дискурса. М.: МГЛУ, 2003. С.3-12.
10. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013.176 с.
11. Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.faz.net/aktuell (Дата доступа: 10.07.2018)
12. Moskauer Deutsche Zeitung (MDZ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://mdz-moskau.eu (Дата доступа: 10.07.2018)
13. Süddeutsche Zeitung (SZ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sueddeutsche.de (Дата доступа: 10.07.2018)
14. Zeit (Z) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.zeit.de (Дата доступа: 10.07.2018)

Сведения об авторе:

Зимина Евгения Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология немецкого языка; газетный дискурс; ИКТ. E-mail: simina@yandex.ru.

LEXICAL METHODS OF IMPLEMENTATION OF THE EVALUATION CATEGORIES IN THE GERMAN NEWSPAPER DISCOURSE

Evgeniya A. Zimina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

The Abstract: *The article is focused on the most effective lexical ways that serve to create evaluation in the news and comments of the electronic German press. Pragmatic adequacy, which is determined by the interaction of the evaluation component and content, specifies the requirement for the effectiveness and efficiency of communication between the recipient and the target audience. The article describes the examples of metaphors expressing implicit evaluation in the texts of publicistic discourse. Conceptual metaphor is effectively used in newspapers with pragmatic purposes, aiming at transforming the worldview of the addressee. Vivid images created by evaluative metaphors exert a psychological affect on the mind; impose a distorted idea of reality, not coinciding with the one of the recipient, which ultimately leads to the information perceived at a desired angle. The article analyzes the metaphorical meanings of military, medical and theatrical terms, emphasizes their ability to express the implicit evaluative judgments of the addressee and influence public opinion. Successful political metaphor has argumentative and heuristic potential; it forms the attitude to reality in question.*

Key Words: *discourse, category of estimation, the language of mass media, conceptual metaphor, implication*

References

1. Andreev N.I. Osobennosti metafory v nemetskom politicheskom diskurse [Features of metaphor in German political discourse] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 22: Teoriia perevoda. 2011. №3. S.70-81.
2. Badaeva N.V. Mehanisticheskaia metafora v ekonomicheskom diskurse nemeckoiazychnykh mass-media v period krizisa 2008-2011 gg [Mechanical metaphor in economic discourse of German-language mass-media in 2008-2011 crisis period] // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2018. №1(13). S. 5-11.
3. Volodina M.N. Social`naia i informatsionno-iazykovaia rol` tekstov massovoi kommunikatsii [Social and information and language role of mass communication texts] // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse / otv. red. A.G. Pastuhov. Oriol: Orlovskii gosudarstvenny institute kultury, 2015. S. 20-26.
4. Wolf E.M. Funktsional`naia semantika otsenki [Functional semantics of estimation]. M.: Nauka. 1985. 214 s.
5. Kerimov R.D. Metaforichesky antropomorfizm v social`no-politicheskoy kommunikatsii [Metaphorical anthropomorphism in social and political communication]: Monografiia / Kemerovskiy gosudarstvenny universitet. Kemerovo, 2015. 339 s.
6. Kobozeva I.M. Semanticheskie problemy analisa politicheskoi metafory [Semantic problems in the analysis of political metaphors] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.9. Filologiia. 2001. №6.
7. Lakoff G., Johnsen M. Metaphory, kotorymi my zhiviom [Methafors we live]: Translated from English/Edited and prefaced by A.N. Baranov. 2-nd edition. M.: LKI Publishing, 2008. 256 s.
8. Muller Ju.E. Portr`et migrant v russkoiazychnom segmente internet [Portrait of a migrant in the Russian segment of the Internet] // Mova. 2015. № 23. S. 41-46.
9. Naer V.L. Konceptual`naia i stilisticheskaia metafora: obshhee i razlichnoe [Conceptual and stylistic metaphor: the general and the particular] //Vestnik MGLU. Vyp. 474: Kognitivnye osnovaniia stilisticheskikh aspektov diskursa. M.: MGLU, 2003. S.3 – 12.
10. Chudinov A.P. Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii [Essays on contemporary political metaphorology]: Monografiia / Ural. gos. ped. un-t. Jekaterinburg, 2013. 176 s.
11. Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ). Available at: http://www.faz.net/aktuell (Accessed: 10 July 2018).
12. Moskauer Deutsche Zeitung (MDZ). Available at: https://mdz-moskau.eu (Accessed: 10 July 2018).
13. Süddeutsche Zeitung (SZ) Available at: http://www.sueddeutsche.de (Accessed: 10 July 2018).
14. Zeit (Z) Available at: http://www.zeit.de (Accessed: 10 July 2018).

About the author:

Zimina Evgeniya Alexandrovna – PhD, Senior Lecturer of the German Language Department MGIMO-University (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interest: lexicology of the German language; newspaper discourse; ICT. E-mail: simina@yandex.ru.

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-26-34

КОГНИЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ: МЕТАФОРА В ИСПАНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

М.В. Ларионова, Г.С. Романова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Процесс мышления и процесс познания неизбежно включают в себя метафоризацию как один из способов осмысления окружающей нас реальности, когда новое и неизведанное мыслится через категории уже известного. Метафора как ментальная операция, основанная на аналогии, представляет собой универсальную категорию мышления и в то же время является частью национально-культурного мировидения. Устойчивость метафорической системы за счёт когнитивных констант не исключает вариативности метафорических моделей в зависимости от социальных, национально-культурных, исторических и иных параметров дискурсивного контекста. Ключевым принципом метафоры является принцип фиктивности – als ob – как если бы: одна область познания заимствует понятие из другой области. Когнитивные свойства метафоры позволяют не только именовать, но и моделировать реальность, поэтому в медийном дискурсе функциональная нагрузка, которую выполняют метафорические номинации, очень высока: метафора особым образом вербализирует окружающую реальность, создавая в коммуникативном пространстве нужный вектор её осмысления, восприятия и интерпретации. Научно-технический прогресс и стремительные социальные, экономические, политические трансформации окружающей действительности неизбежно приводят к необходимости создания метафорических номинаций для называния новых концептов и реалий нашей жизни: posverdad, contrato basura, burbuja bitcoin и др. В статье метафора как особая познавательная модель и способ моделирования действительности исследуется с точки зрения когнитивного и коммуникативного подходов на примере испанского медийного дискурса.

Ключевые слова: *испанский язык, дискурс, медийный дискурс, когнитивная метафора, концепт, мышление, коммуникация*

Медийный дискурс – это особая форма коммуникации, которая направлена на распространение общественно значимой информации, а также мнений, оценок, суждений через каналы СМИ [23, с. 15-21]. Медийный дискурс представляет собой многоаспектное полипрофессиональное дискурсивное пространство, так как репрезентирует различные виды дискурсов, такие как политический, экономический, юридический и др., что обусловлено коммуникативными целями и задачами, регулирующими его функционирование [17]. Именно медийный дискурс первым отражает существующие и новые реалии современной жизни, вербализирует их понятийное содержание, категоризирует и каталогизирует знания, структурируя таким образом мыслительные и поведенческие стандарты языкового коллектива.

Процесс мышления и процесс познания неизбежно включают в себя метафоризацию как один из способов осмысления окружающей реальности. Функционирование метафоры в дискурсивном пространстве является предметом

актуальных исследований многих отечественных и зарубежных учёных, которые обращают особое внимание на способность метафоры служить не только номинативным, но и когнитивным инструментом коммуникации: называя ту или иную реалию, метафора задаёт определённый подход для её интерпретации и аксиологической оценки: Н.Д. Арутюнова [2], И.М. Кобозева [7], А.П. Чудинов [12], О.Л. Михалева [9], А.Н. Баранов [3], Дж. Лакофф, М. Джонсон [8], Д. Болинджер [4] и др.

В соответствии с классическим определением, предложенным Н.Д. Арутюновой, в статье метафора анализируется как «*механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некий класс предметов, явлений и т.п., для характеризации или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименование другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле «метафора» применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении*» [1, с. 296]. Особенности метафорических номинаций, активно функционирующих в медийной среде, исследуются в аспекте их *когнитивной* и *коммуникативно-дискурсивной* парадигмы. Метафора анализируется как способ познания и объяснения действительности, основанный на аналогии, как средство преобразования языковой картины мира, существующей в сознании носителей языка, и как социально-языковой феномен реальной коммуникации, которая всегда детерминируется конкретно-историческим моментом развития общества, его культурой.

Когнитивный подход к изучению метафоры одними из первых предложили Дж. Лакофф и М. Джонсон в классическом исследовании «Метафоры, которыми мы живём». В соответствии с их теорией, «наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер», и, следовательно, «*наши мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обусловливаются метафорой*» [8, с. 165]. Иначе говоря, метафора представляет собой некую универсалию человеческого сознания, ментальную операцию, позволяющую генерировать новые знания путём сопоставления с уже существующими. Метафоры организуют накопленный опыт, отображают и конкретизируют его, создавая тем самым новые реальности. При этом, утверждение Дж. Лакоффа и М. Джонсона применимо не только к области повседневной жизни, о которой они писали свой труд, но и к любой области специальных знаний, например, к политической, экономической, научной, медийной сферам: метафора как источник когнитивного содержания служит для понимания, концептуализации и структурирования новой реальности через параметры, уже существующие в сознании.

Хосе Ортега-и-Гассет, выдающийся испанский социолог и философ, рассматривая феномен метафоры с точки зрения логико-философской теории, особо подчеркнул её когнитивную силу: «*для метафоры нужно, чтобы мы осознавали её двойственность. Метафора служит не только наименованию, но и мышлению. Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. (…) Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далёким и ускользающим от нас понятиям*» [10, с. 68].

Метафора как когнитивная, ментальная, операция, основанная на аналогии, заложена непосредственно в системе человеческого мышления, это особый интеллектуальный сценарий, по которому строится процесс познания и категоризации знаний. Декларативное знание, которое человек получает из тезауруса, он усваивает сравнительно легко, выучивая в процессе обучения родному или иностранным языкам названия предметов, действий и понятий, их функционал. Большая часть декларативного знания является результатом принятого языковым коллективом освоения и осмысления окружающего мира, оно включено в его тезаурус, то есть эксплицировано. Процедурное же знание, полученное в ходе применения последовательного набора логических операций, приводящих его к тому или иному выводу, резолютивному или оценочному, нередко скрыто, оно имплицировано в виде определённых схем, по которым человек думает и действует. Каким образом он представляет себе и осознает совокупность всех черт и возможностей сложного понятия? Как правило, подключая всю имеющуюся у него релевантную информацию, которую он черпает из сложившейся в его сознании языковой картины мира, так или иначе сравнивая новое с тем, что уже стало частью его знаний и опыта, объясняя и осмысляя сложное через знакомое и понятное [3, с.2, 19-23]. Именно поэтому метафора как проявление аналоговых возможностей

человеческого мышления является основной ментальной операцией в процессе мыслительной деятельности человека, способом познания и категоризации действительности.

Особенности концептуализации мира во многом определяются национальным, социальным и личностным сознанием. История, религия, искусство, литература, климат, география и ещё целый ряд социальных и культурных факторов формируют национальную концептосферу, на которой основана картина мира народа, и определяют взаимодействие универсальных и специфических особенностей мировидения. Анализ ключевых понятий, концептуализирующих мировосприятие, накапливающих и транслирующих основные смыслы того или иного национального сообщества и образующих его концептосферу, позволяет выявить различия в мировоззрении, а, следовательно, избежать проблем, связанных с непониманием.

Осмысляя новое явление, человек обычно действует по определённому сценарию – стереотипной для той или иной культуры процедуре: знания процедуры не истинны и не ложны, они непосредственно впаяны в конкретную лингвокультуру (так называемые скрипты, не эксплицированные семантические связи, например, причинно-следственные), и представителям иных культур они могут казаться странными, нелогичными, ложными. Декларативные знания также зависят от обучения и общения с окружением, но в меньшей степени, чем делаемые из этого выводы и оценки. Воспринимая или продуцируя некий дискурс, человек опирается на свою ментальную модель, тесно связанную с его знаниями о мире как личности и как члена лингвокультурной общности. Эта модель включает как простые представления (например, *Август – самый жаркий месяц года*), так и причинно-следственные (*Если человек заболел, значит, его сглазили*), а также ценностные, аксиологические иерархии (*Жених – настоящий красавец, у него все зубы золотые*). Как нетрудно заметить, приемлемость этих утверждений далеко не универсальна. Чтобы понять, например, смысл испанской реплики *No tenía abuelita* (*У него не было бабушки*), необходимо знать, что в испаноязычной лингвокультуре это косвенная отрицательная оценка невоспитанного человека, а отнюдь не одобрение его неизбалованности и самостоятельности, вытекающая из российских представлений о роли бабушек в воспитании внуков.

Метафора как один из самых продуктивных механизмов создания новых смыслов в структуре языка и особенно в пополнении лексики повседневного и научно-терминологического уровней – субъективна, как и сам носитель языка: она соотносит разные сущности в его сознании безотносительно к реальным различиям и сходствам этих сущностей. Таким образом, языковая личность осваивает новые явления, оперируя уже имеющимися понятиями, творит свою языковую картину мира [6].

Современный человек в быстро меняющемся мире чувствует себя растерянным и беспомощным, поскольку векторы перемен постоянно смещаются, его ожидания часто не оправдываются, а прогнозы и объяснения происходящего настолько противоречивы, что порой трудно отделить реальные факты от сбивающих с толку разнонаправленных комментариев. Недаром время, в которое мы живём, получило название эпохи *постправды*, а потоки новостей несут нам с собой немало *фэйк-ньюс*. Это заимствованное из английского языка слово так свойственно именно нынешней медийной среде, что ещё не все языки успели изобрести собственный термин для его адекватного перевода: так, в русском языке мы пользуемся преимущественно англоязычным заимствованием, транслитерируя его русскими буквами, в то время, как испаноговорящее сообщество предпочитает заменять его на понятное им *noticias falsas.*

Научно-технический прогресс и стремительные социальные, экономические, политические трансформации окружающей действительности неизбежно приводят к необходимости создания метафорических номинаций для называния новых концептов и реалий нашей жизни. Метафора, которая, по образному утверждению Хосе Ортега-и-Гассета, «*удлиняет руку интеллекта*», как раз и является удобным когнитивным механизмом, позволяющим это сделать: «*Es la metáfora un suplemento a nuestro brazo intelectivo* (...) *merced a ella transponemos los límites de lo pensable*» [10, с. 68]. Метафора устанавливает логическую связь между двумя понятийными сферами: хорошо известной участникам коммуникации «*сферой-источником*» и новой концептуальной сферой – «*сферой-мишенью*» ([8], [7], [12]), требующей осмысления и объяснения. Метафоры задают аналогии и рождают ассоциации между разными группами понятий, обеспечивая концептуализацию какого-либо фрагмента действительности по аналогии с уже

сложившейся системой понятий и ценностей. Философ и исследователь Эммануэль Лискано (Emmánuel Lizcano) утверждает, что все концепты, к какой бы сфере знания они ни относились, метафоричны [18].

В качестве примера когнитивной метафоры могут служить номинации различных политических эпох или периодов. Достаточно вспомнить знаменитые в силу их широкого использования метафоры *холодная война* (исп. *guerra fría*) и *новая холодная война* (исп. *nueva guerra fría*), русские *перестройка* и *гласность* (в испанском медийном дискурсе эти слова преимущественно транслитерировались: *perestroika, glasnost*), испанские *destape, deshielo, desarrollismo,* и др. Яркой иллюстрацией служит русская метафорическая номинация *оттепель* (в испанских медиа – *ottepel/deshielo*), которая используется как неофициальное название периода в истории СССР, связанного с пребыванием у власти Н.С. Хрущёва и развенчанием культа личности Сталина. В испанской истории был собственный период, получивший название *deshielo* (букв. *таяние льда*): он наступил после смерти Ф. Франко и ознаменовал окончание эпохи авторитаризма и переход к глубоким демократическим переменам в стране. Метафоры *оттепель/deshielo* сохраняют сходную метафорическую образность и имеют общее понятийное ядро, но их концептуальное содержание различается, так как является национально-специфичным и обусловлено несовпадением конкретных политических реалий и задач, стоящих перед странами. Устойчивость метафорической системы за счёт когнитивных констант не исключает вариативности метафорических моделей в зависимости от социальных, национально-культурных, исторических параметров дискурсивного контекста.

Отметим, что когнитивная метафора, по образному выражению А.Н. Баранова, «*поставляет» мышлению список возможных альтернатив для разрешения проблемной ситуации*» [3, с. 168] и в медийном дискурсе играет роль инструмента мышления, иными словами, предопределяет направление развития мысли, и, следовательно, задаёт и вектор поведения или возможных действий. Так, *оттепель/deshielo,* сохраняющая образную сему *смягчение, ослабление напряжённости,* активно используется вне своего конкретного национально-исторического содержания как общее имя для целого ряда аналогичных ситуаций, например: *deshielo entre PP y PSOE – восстановление сотрудничества между НП и ИСРП, deshielo norteamericano-cubano – разморозка отношений между США и Кубой, deshielo mexicano-cubano de 1971-1973 – потепление в мексикано-кубинских отношениях.*

Когнитивные свойства метафоры позволяют не только именовать, но и моделировать реальность одной понятийной области с помощью концептов из другой, не связанной с ней напрямую сферой. Ключевым принципом метафоры является принцип *фиктивности – als ob – «как если бы»* – [11, с.30-52]: одна область познания заимствует понятие из другой области. Основой для использования принципа фиктивности является этно-социо-психолингвистическая компетенция говорящего, то есть личностный фактор. При этом принцип фиктивности снимает многие ограничения для сравнения, с этой целью может привлекаться сущность из любого «возможного мира». Выбор ограничен лишь воображением и опытом языковой личности, так называемым *личностным тезаурусом,* по терминологии Ю.Н. Караулова [6, с. 85]. Творя метафору, языковая личность, во-первых, допускает возможность подобия двух сущностей, во-вторых, контекстом с его эпистемическими и психологическими установками фокусирует те их свойства, на основе которых их можно сравнивать, и, в-третьих, пропускает, как бы сквозь фильтр, признаки и ассоциации нового понятия, которые совмещаются с буквальным.

Приведём в качестве примера интернет-термины, заимствованные их создателями из бытовой сферы и ориентированные не на профессионалов-программистов, а на весьма широкий круг пользователей: электронная *почта/ correo* electrónico; электронный *адрес/ dirección* electrónica; электронный *почтовый ящик/ buzón* electrónico; *банк* данных/*banco* de datos; *база* данных/*base* de datos; *иконка/icono о ícono;* меню/ *menú*; окно/*ventana*; компьютерная *мышь/ratón; вирус, антивирус/ virus, antivirus* и др. Одной из прагматических установок создателей этой терминологии изначально была необходимость подобрать универсальные и как можно более простые для осознания метафоры, с целью моделирования новой понятийной области и введения в оборот очень большого числа будущих пользователей из различных стран мира совершенно новых знаний об информационных технологиях, ставших основой научной революции в области информатики и информации. Интересны и метафоры, которые не имеют научно-терминологического значения, но используются

в медийном дискурсе для понятийного обозначения Интернета, акцентируя те или иные стороны этого сложнейшего технологического изобретения: глобальная *сеть/red* global; всемирная *паутина/telaraña* global; *лабиринт/laberinto, киберпространство/ciberespacio,* цифровая *магистраль, шоссе/carretera, autopista* digital, информационный *океан/océano* de información и др.

В медийном дискурсе особую роль играет коммуникативная значимость метафоры как средства передачи информации. С помощью метафор сложная для восприятия информация подаётся в более удобной и понятной форме, например: *brotes verdes* del desarrollo económico/букв. *зелёные побеги* – возобновление экономического роста; *fondo paraguas/зонтичный фонд,* то есть фонд с дифференцированным размещением средств, что позволяет защитить их от рисков и легко менять структуру инвестиционного портфеля; *empresas pantalla/* букв. *компании-ширмы,* подставные фирмы; *apocálipsis financiero/финансовый апокалипсис; maquillaje financiero/*букв. *финансовый макияж,* приукрашивание финансовой отчётности; *teléfono inteligente/* букв. *умный телефон,* смартфон; *burbuja inmobiliaria/мыльный пузырь на рынке недвижимости, hipoteca basura/* букв. *мусорная ипотека,* необеспеченный ипотечный кредит. Краткость, образность и точность подобных номинаций являются необходимым условием для передачи специальных, в данном случае экономических, знаний в рамках медийного дискурса, адресованного очень широкому кругу людей, имеющих совершенно разный образовательный и интеллектуальный уровень. Отметим особо, что нередко удачный метафорический компонент порождает продуктивную модель для создания целого ряда аналогичных концептов-терминов из различных сфер реальности, объединённых общим метафорическим смыслом. Приведём примеры: *burbuja* – букв. *мыльный пузырь,* то есть, неоправданный высоко рисковый рост активности в какомлибо виде деятельности: *burbuja* tecnológica, *burbuja* bitcoin, *burbuja* bursátil, *burbuja* de las telecomunicaciones, *burbuja* de Internet, *burbuja* del alquiler, *burbuja* especulativa, *burbuja* política, *burbuja* redes sociales, etc.; или *basura* – букв. *мусор*, иными словами, то что не приносит ожидаемой пользы: crédito *basura*, comida *basura*, archivos *basura*, generación/gente *basura*, televisión *basura*.

Метафора, в силу своей когнитивной и коммуникативной специфики, является удобным дискурсивным инструментом для манипулирования общественным сознанием в медийном пространстве. Прагматический потенциал метафоры позволяет программировать именно тот ракурс восприятия действительности, который соответствует интересам и намерениям адресанта: «*Если предположить, что всё мышление является метафорическим, тогда всегда найдётся кто-нибудь, желающий помочь нам думать, подсказывая метафору, которая соответствует его взглядам, его постоянным представлениям о мире или временному стремлению к личному преимуществу*» [4, с. 32].

Это хорошо видно на примере концепта *posverdad – постправда,* пришедшего в другие языки из англоязычного медийного и политического пространства. В 2004 году вышла в свет книга американского социолога Ральфа Кейса (Ralph Keyes) «*Эра постправды*» [16]. Позже, в 2010 году, журналист Дейвид Робертс (David Roberts) использовал сочетание *политика постправды,* (post truth politics), характеризуя политиков, отрицающих изменения климата, несмотря на их научную очевидность, не оставляющую места сомнениям [22]. Однако только в 2016 году *post truth* стало словом года, по версии составителей британского Оксфордского словаря [подробнее см. 20]. Новый концепт соответствует определённому типу общественной, политической и дискурсивной культуры, при которой игнорируется объективность реальных событий, а информация основывается не на фактах, а на личных эмоциях, убеждениях и оценках. Неудивительно, что феномен *posverdad/постправды* стал частью медийной культуры информационного общества, в котором манипулирование массовым сознанием является одной из главных целей политических акторов. В немалой степени этому способствовали социально-политические события 2016 года: референдум о пребывании Великобритании в ЕС и скандальные выборы президента США.

Концептуальная метафора *posverdad – постправда* в полной степени согласуется с эпохой развития высоких технологий, эпохой Интернета. Интернет даёт возможность пользователю вести параллельную реальной жизнь в виртуальном пространстве. Реальное и виртуальное сливается в одно целое, поэтому не удивительно, что ложь может восприниматься как полуправда в мире придуманном. Мир воображаемый и мир реальный пересекаются в сознании, и та *постправда, которую легко и беззаботно при-*

нимаешь в виртуальной реальности, в реальной жизни, сквозь призму эмотивности, также может восприниматься как истина со всеми вытекающими последствиями.

Скорость (в ущерб достоверности), с которой в информационном обществе появляются и исчезают новости, огромное количество публикаций, точность которых не проверяется, особенно в социальных сетях, – все это та благодатная среда, в которой родился и активно функционирует концепт *posverdad – постправда.* В когнитивном плане массовая аудитория настроена на постоянный поиск сенсации, независимо от того, насколько надёжен источник этой информации и насколько она соответствует реальности. Испанский академический словарь (DLE) предлагает следующую трактовку концепта posverdad: «*distorsión deliberada de una realidad que manipula creencias y emociones con el fin de influir en la opinión pública y en actitudes sociales*» [13] – *преднамеренное искажение реальности для манипулирования убеждениями и эмоциями с целью оказать влияние на общественное мнение и социальное поведение* (зд. и далее перевод авторов).

В условиях современной социально-политической реальности метафора *posverdad – постправда* в когнитивном пространстве медийного дискурса оказалась очень востребованной для категоризации нового социального феномена, то есть общественной ситуации, когда истина теряет свою объективность, интерпретируется в контексте определённой политической обстановки и трансформируется, исходя из того, что выгодно говорить в конкретный момент. Философский аспект понятия posverdad – постправда, таким образом, кроется не в том, чтобы отделить истину от лжи, а в том, чтобы установить условия, при которых решается, что считать истинным, а что ложным, создавая тем самым некую альтернативную реальность. Не случайно, почти одновременно с *постправдой* в англоязычном медийном дискурсе появилось и стало словом 2017 года (по мнению составителей толкового словаря английского языка Collins English Dictionary) понятие *fake news,* сразу же ассимилированное национальными дискурсивными практиками, *noticias falsas* в Испании, *фейк ньюс, фейковые (фальшивые) новости* в России, например. Его когнитивное содержание сводится к обозначению ложной, часто сенсационной информации, которая распространяется под видом новости, что в полной мере соответствует эпохе, когда эмоции оказываются значительно важнее, чем истина.

В условиях, когда реальность и вымысел легко меняются местами, обе метафоры стали продуктивными для образования целого ряда аналогичных номинаций, сохраняющих соответствующий когнитивный признак: ***posmentira*** – *la insistencia en la aseveración falsa, pese a los desmentidos fiables; y la descalificación de quienes la contradicen* [14] – настойчивое навязывание ложного утверждения, несмотря на наличие надёжных опровержений, и дискредитация тех, кто этому противоречит; ***pospolítica*** – *aquella en que los hechos objetivos influyen menos en la formación de las decisiones públicas, que los pensamientos y creencias basados en los prejuicios, las obsesiones o las falsedades* [15] – политика, в которой объективные факты в меньшей степени влияют на формирование публичных решений, чем мысли и убеждения, основанные на предрассудках, навязчивых или ложных идеях; ***posdemocracia*** – *una forma de degradación de la democracia que se resume en la idea de que la democracia no funciona bien sino a la manera del desencanto, obedeciendo los intereses de las élites gobernantes en detrimento a las aspiraciones de la ciudadanía* [21] – состояние усталости и разочарования в обществе, когда демократия, сохраняя внешние признаки, утрачивает своё основное содержание, подчиняясь воле элит, действующих в собственных интересах вразрез с интересами большинства граждан; ***poscensura*** – *sistema represivo que no requiere leyes ni estado censor, y que impone sus prohibiciones infundiendo el miedo a ser catalogados como traidores a quienes se manifiestan al margen de la tesis dominante* [24] – репрессивная система, которая не основана на законе или цензуре и направлена против тех, кто не разделяет доминирующего в обществе мнения и потому считается предателем.

Компонент *falso* как часть метафорических номинаций также активно функционирует в испанской медийной среде, тиражируя новые номинации: *medios falsos/фейковые медиа,* то есть масс-медиа, создающие и распространяющие фейковые новости; *cuentas falsas/фейковые аккаунты* – анкеты в социальных сетях, представляющие несуществующего человека; *números falsos/фейковые номера* – виртуальные телефонные номера, с помощью которых можно отправлять, получать, переадресовывать звонки или сообщения, регистрироваться на форумах и в соцсетях, не сообщая настоящего номера; *fotos falsas/*

фейковые фотографии – фото-подделки, изображения несуществующих людей и др. А в русском медийном дискурсе наряду с прилагательным *фейковый* (от англ. *fake*) активно используется концепт *фейк*, который очень быстро ассимилировался, субстантивировался и употребляется как самостоятельная номинация, обозначающая любую подделку, фальсификацию, несуществующую ситуацию или событие, выдаваемое за подлинное.

Используя экспрессивно окрашенные наименования и подтекст, человек создаёт средства эмоционального воздействия, призванные вызвать у адресата запрограммированный эффект переживания, рассчитанный не на разум, а на чувства. При создании метафоры действуют две модальности: взгляд на объект сквозь призму эталонного для данного социума образа, символа или стереотипа и отношение к этому образу как результат переживания говорящим субъектом своего отношения к нему. Поэтому из всех тропов метафора наиболее эффективна по силе эмотивного воздействия. Французский социолог Пьер Бурдье, исследующий концептологию социального пространства, подчёркивает, что «*метафора даёт возможность изменить социальный мир, меняя представление об этом мире, которое вовлечено в создание его реальности*» [5, с. 34]. В этом состоит манипулятивная сила метафоры, которая особым образом вербализирует окружающую нас реальность, создаёт нужный вектор её осмысления, восприятия и интерпретации.

Таким образом, в медийном дискурсе метафорические номинации, обладающие особым когнитивным и коммуникативным потенциалом, функционируют не столько как классические риторические фигуры именования, но и как особая мыслительная практика, создающая возможность моделировать действительность и генерировать новые знания. При этом метафора как «дискурсивная практика» [3] выполняет важнейшую роль, так как именно она задаёт структуру социально-политической концептуализации и аргументации, она всегда социально-культурно и ситуативно обусловлена единством языковых и экстралингвистических факторов, взаимодействующих в определённом дискурсивном контексте. Именно это свойство метафоры определяет её активное функционирование в медийном дискурсе: «*La metáfora (...) es, quizá, el aspecto más apasionante de la vida de la lengua, de sus cambios, de sus interferencias, de su "ebullición" constante. Nada tiene, pues, de extraño que esté tan representada en el lenguaje periodístico*» [19, p. 173]. – Метафора представляет собой, пожалуй, самый захватывающий аспект жизни языка, его изменений, его интерференций, его постоянного и бурного развития. Поэтому нет ничего удивительного в том, что она так широко представлена в публицистическом дискурсе.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь // под ред. В.Н.Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.296.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 368 с.
4. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 23-44.
5. Бурдье П. Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действенности / пер. с фр. А. Бикбокова // Логос. 2003. № 4-5(39). С. 33-41.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007. 267 с.
7. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: УРСС, 2004. 256 с.
9. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68-81.
11. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция //Метафора в языке и тексте. М: Наука, 1988. С. 26-52.
12. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Монография. Екатеринбург: Урал. Гос. Пед. университет, 2001. 238 с.
13. Diccionario de la lengua española Versión electrónica de la 23ª edición. 23.1 – Actualización diciembre 2017. Documento disponible en: www.rae.es/obras-academicas/diccionarios/diccionario-de-la-lengua-espanola (Consulta: 23 de julio de 2018)

14. Grijelmo A. El arte de la manipulación masiva. Documento disponible en: https://elpais.com/elpais/2017/08/22/opinion/1503395946_889112.html (Consulta: 24 de julio de 2018)
15. Gutiérrez-Rubi A. Posverdad & Pospolítica. Documento disponible en: https://www.gutierrez-rubi.es/2017/05/10/posverdad-pospolitica/ (Consulta: 28 de julio de 2018)
16. Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. N. Y.: St. Martin's Press, 2004. 320 p.
17. Larionova M., Romanova G. Léxico profesional en un texto mediático: enfoque pragmacognitivo en la enseñanza del EFE // Estudios sobre el léxico. Puntos y contrapuntos. Series: Linguistic Insights - Volume 205: Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien. 2016. P. 451- 498.
18. Lizcano E. (2006). Metáforas que nos piensan: Sobre ciencia, democracia y otras poderosas ficciones. Madrid: Ediciones. Bajo Cero / Traficantes de sueños. 274 p. Documento disponible en: https://www.traficantes.net/sites/default/files/pdfs/Metaforas%20que%20nos%20piensan-TdS.pdf (Consulta: 25 de julio de 2018)
19. Martínez Hernando B. Lenguaje de la prensa. Madrid: Eudema, 1990.
20. Oxford Dictionaries. Available at: https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth (Accessed 24 July 2018)
21. Ranciere J. Universidad Paris VIII Democracia y Post-democracia. Documento disponible en: www.bdigital.unal.edu.co/20725/1/16918-53113-1-PB.pdf (Consulta: 24 de julio de 2018)
22. Roberts D. Post truth politics. Documento disponible en: https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/ (Consulta: 27 de julio de 2018)
23. Romero Gualda M.V. El español en los medios de comunicación. Madrid, Arco/Libros, 1993. 72 p.
24. Soto Ivars J. De la posverdad a la poscensura: obsesionados con no ofender. Documento disponible en: www.elmundo.es/papel/historias/2017/04/30/5901ea48268e3e2c078b45c3.html (Consulta: 24 de julio de 2018)

Сведения об авторах:

Ларионова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России. Научная специализация: романские языки, когнитивная лингвистика, дискурсивные исследования, межкультурная коммуникация, культурология. E-mail: larionova.m@list.ru.

Романова Галина Семёновна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры испанского языка МГИМО МИД России. Научная специализация: романские языки, когнитивная лингвистика, дискурсивные исследования, социолингвистика, межкультурная коммуникация, культурология.
E-mail: gromanova.home@gmail.com.

COGNITION AND COMMUNICATION: METAPHOR IN THE SPANISH MEDIA DISCOURSE

Marina V. Larionova, Galina S. Romanova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

The Abstract: *The process of thinking and the process of cognition inevitably include metaphorization as one of the ways of conceptualization of the reality, when new and unknown things are thought through categories of already known. Metaphor as a mental operation based on analogy, represents a universal category of thinking. Nevertheless, metaphors are part of a national cultural worldview. The stability of the metaphorical system due to cognitive constants does not exclude the variability of metaphorical models that depend on social, national-cultural, historical and other parameters of the discursive context. The key principle of metaphor is the principle of fictitiousness - als ob - as if: one area of knowledge borrows the concept from another area. Cognitive properties of metaphors allow not only to name, but also to model the reality; therefore in media discourse the functional load of the metaphorical nominations is very high. Scientific and technological progress and the speed that operates social, economic and political transformations of the surrounding reality leads to inevitable creation of metaphors for naming new concepts and realities of our life.*

In the article, metaphor as a special cognitive model and a way of modeling the reality is investigated from the point of view of cognitive and communicative approaches, on the example of the materials of the Spanish media discourse.

Key Words: *Spanish language, discourse, media discourse, cognitive metaphor, concept, mental operations, communication*

References

1. Arutyunova N.D. Metafora [Metaphor]// Lingvisticheskii e`ntsiklopedicheskii slovar` [Linguistic encyclopedic dictionary]// pod red. V.N. Iarceva. M.: Sovetskaia e`ntsiklopediia, 1990. P. 296.
2. Arutyunova N.D. Iazy`k i mir cheloveka [Human language and world]. M.: Yazy`ki russkoi kul`tury`, 1999. 896 p.
3. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuiu lingvistiku [Introduction to Applied Linguistics]: Uchebnoe posobie. Izd. 4-e, ispr. i dop. M.: Knizhny dom «LIBROKOM», 2013. 368 p.
4. D. Bolindzher, Istina – problema lingvisticheskaia [Truth is a linguistic problem]// Yazyk i modelirovanie socialnogo vzaimodeistviia [Language and modeling of social interaction]. M.: Progress, 1987. P. 23-44.
5. Burde P. Opisyvat i predpisyvat. Zametki ob usloviiakh vozmozhnosti i granitsakh politicheskoi deistvennosti [Describe and prescribe. Notes on the conditions of possibility and the limits of political effectiveness]/ per. s fr. A. Bikbokova // Logos. – 2003. № 4-5(39). P. 33-41.
6. Karaulov Yu.N. Russkii iazyk i iazykovaia lichnost` [Russian language and linguistic personality]. 6-e izd. M.: Izd-vo LKI/ URSS, 2007. 267 p.
7. Kobozeva I.M. Lingvisticheskaia semantika [Linguistic semantics]. M.: Editorial URSS, 2000. 352 p.
8. Lakoff G., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhiviom [Metaphors We Live By]. M.: URSS, 2004. 256 p.
9. Mikhaleva O.L. Politicheskii diskurs: Specifika manipuliativnogo vozdeistviia [Political Discourse: The Specificity of Manipulative Impact]. M.: Knizhny dom «LIBROKOM», 2009. 256 p.
10. Ortega-y-Gasset J. Dve velikie metafory [Two Great Metaphors]//Teoriia metafory [Theory of Metaphors]. M.: Progress, 1990. P. 68-81.
11. Teliya V.N. Metafora kak model smysloproizvodstva i eio ekspressivno-otsenochnaia funktsiia [Metaphor as a model of sense production and its expressive-evaluative function] //Metafora v iazyke i tekste [Metaphor in language and text]. M., Nauka, 1988. P. 26-52.
12. Chudinov A.P. Rossiia v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991-2000) [Russia in the metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Monografiia. Ekaterinburg: Ural. Gos. Ped. universitet, 2001. 238 p.
13. Diccionario de la lengua española Versión electrónica de la 23ª edición. 23.1 – Actualización diciembre 2017. Documento disponible en: www.rae.es/obras-academicas/diccionarios/diccionario-de-la-lengua-espanola (Consulta: 23 de julio de 2018)
14. Grijelmo A. El arte de la manipulación masiva. Documento disponible en: https://elpais.com/elpais/2017/08/22/opinion/1503395946_889112.html (Consulta: 24 de julio de 2018)
15. Gutiérrez-Rubi A. Posverdad & Pospolítica. Documento disponible en: https://www.gutierrez-rubi.es/2017/05/10/posverdad-pospolitica/ (Consulta: 28 de julio de 2018)
16. Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. N. Y.: St. Martin's Press, 2004. 320 p.
17. Larionova M., Romanova G. Léxico profesional en un texto mediático: enfoque pragmacognitivo en la enseñanza del EFE // Estudios sobre el léxico. Puntos y contrapuntos. Series: Linguistic Insights - Volume 205: Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien. 2016. P. 451- 498.
18. Lizcano E. (2006). Metáforas que nos piensan: Sobre ciencia, democracia y otras poderosas ficciones. Madrid: Ediciones. Bajo Cero / Traficantes de sueños. 274 p. Documento disponible en: https://www.traficantes.net/sites/default/files/pdfs/Metaforas%20que%20nos%20piensan-TdS.pdf (Consulta: 25 de julio de 2018)
19. Martínez Hernando B. Lenguaje de la prensa. Madrid: Eudema, 1990.
20. Oxford Dictionaries. Available at: https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth (Accessed 24 July 2018)
21. Ranciere J. Universidad Paris VIII Democracia y Post-democracia. Documento disponible en: www.bdigital.unal.edu.co/20725/1/16918-53113-1-PB.pdf (Consulta: 24 de julio de 2018)
22. Roberts D. Post truth politics. Documento disponible en: https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/ (Consulta: 27 de julio de 2018)
23. Romero Gualda M.V. El español en los medios de comunicación. Madrid, Arco/Libros, 1993. 72 p.
24. Soto Ivars J. De la posverdad a la poscensura: obsesionados con no ofender. Documento disponible en: www.elmundo.es/papel/historias/2017/04/30/5901ea48268e3e2c078b45c3.html (Consulta: 24 de julio de 2018)

About the authors:

Marina Larionova – Ph.D. Philology, Associated professor of Spanish Department at Moscow State Institute of International Relations. Scientific specialization: Romance languages, Cognitive linguistics, Discursive research, Cross-cultural communication, Cultural science. E-mail: larionova.m@list.ru.

Galina Romanova – Ph.D. Philology, Professor lecturer of Spanish Department at Moscow State Institute of International Relations. Scientific specialization: Romance languages, Sociolinguistics, Cognitive linguistics, Discursive research, Cross-cultural communication, Cultural science. E-mail: gromanova.home@gmail.com.

* * *

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-35-48

ЯПОНСКИЕ КОННЕКТОРЫ С УСТУПИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

С.В. Чиронов

Московский государственный институт международных отношений
119454, Москва, проспект Вернадского, 76

В статье с опорой на корпусные данные рассматриваются три выразительных средства современного японского языка, передающие уступительное значение (понимаемое как противоречие ожидаемому ходу событий вследствие вмешательства фактора-препятствия): (sore) demo; nimokakawarazu; noni, представленные в различных структурных вариантах в рамках единой парадигмы для сходных единиц японского языка. Несмотря на относительно объёмную литературу по вопросу, задача сплошного комплексного описания данных слов в их дискурсивном функционале пока не решена. Мы анализируем наличное пропозициональное содержание пар ситуаций, составляющих противоречие, параметры коммуникативной ситуации, точечно используется сравнительно-подстановочный метод.

Особенностью данной работы является использование теоретических наработок отечественной лингвистики в аналогичной сфере, позволяющее, в частности, выявить или уточнить за единицами ряд универсальных семантико-прагматических дискурсивных коннекторов: масштаб противоречия, вовлечённость говорящего, оценочность, текстовая ориентация. Выявленные семантико-прагматические характеристики трёх коннекторов согласуются с тремя типами ментальной (и вербальной) реакции на противоречие в целом: интеллектуалистская (выход на новый уровень через снятие противоречия); нормативная (консервация существующего порядка при отторжении конфликта); эмоциональная (апеллирует к субъективному состоянию субъекта, столкнувшегося с противоречием).

Ключевые слова: *японский язык, дискурс, коннекторы, уступительность, корпусные данные*

И в дидактическом, и в практическом плане одним из наиболее сложных разделов языковой системы, где и пользователю, и обучающемуся, да и педагогу приходится действовать во многом вслепую, полагаясь на интуицию и языковой опыт в большей степени, чем на чёткие теоретические основы, остаётся надфразовый, дискурсивный уровень построения и функционирования речевых произведений. Не исключение в этом и такой относительно исследованный из «восточных» языков, как японский, где отдельные разработки как у отечественных, так и зарубежных авторов [3; 33] пока не складываются в полную, внутренне непротиворечивую картину. В таком контексте данная работа является частью более обширной программы исследований, нацеленных на системное описание дискурсивных явлений современного японского языка с применением релевантного аналитического инструментария в первую очередь отечественной лингвистики.

Одно из важнейших средств достижения когезии текста и организации дискурса [5] являются коннекторы – обширный класс единиц, выражающих семантические отношения между отрезками текста различной протяжённости [18; 21]. Анализу коннекторов посвящена обширная литература на материале различных языков [6; 9; 14], в том числе сопоставительные исследования [10], см. также детальное изложение истории

вопроса в [10], обзоры работ в [4; 7; 10]. Существенен критерий, по которому связуемые элементы (реляты), то есть аргументы коннектора, должны представлять собой вербализованные или имплицитные пропозиции, выражаемые как предложениями (клаузами), так и целыми их группами или, напротив, «свёртками» (до словосочетаний и слов). Сообразно с таким функционалом и валентностью коннекторы более разнородны морфологически, нежели традиционно выделяемый класс союзов, и включают (с учётом особенностей языковых систем) союзные частицы, союзные наречия, адвербиалы (в основном сентенциального плана).

Значительное расширение, которое претерпевает класс объектов анализа в таком понимании, пожалуй, неизбежно с учётом реальных отношений синонимии на функциональном уровне. Притом, видимо, универсальный характер приобретает тенденция к тому, чтобы наиболее востребованные и частотные единицы переживали наиболее интенсивное семантическое развитие (включая, конечно, грамматикализацию и прагматикализацию) [23], дробились и специализировались. Среди подклассов коннекторов это особенно чётко проявляется в зоне противительности с прилегающими к ней областями сопоставления, добавления и развития аргументации [26]. С учётом сказанного ниже рассматривается лишь фрагмент семантической области противопоставления (противительности), близкий к традиционно выделяемой категории уступительности. В него мы – ad hoc для целей данной работы – включаем единицы *<demo>, <nimokakawarazu>, <noni>*. Сразу оговоримся о такой черте, последовательно проявляющейся на всём массиве японских коннекторов, как возможность проявления в нескольких структурных вариациях, образующих парадигму: 1) в конце протазиса (А1), оказывающегося в сочинительных отношениях с аподозисом (А2), или в одном из двух видов в начале независимого А2 – (2) в изоляции либо же (3) с анафорическим *sore (soredemo, sore-nimokakawarazu, sorenanoni).* Системность такого «ментального дейксиса» вызывает в уме параллели из других языков, в том числе русского («*несмотря на то, что* А1, А2» = «А1. *Несмотря на это* А2», ср. также англ. *therefore,* франц. *pourtant*, нем. *dabei*), хотя морфологической универсалией назвать его нельзя: так, китайские союзные частицы 却*què* и 则*zé* [8, с. 81] едины в структурном проявлении независимо от позиции перед сказуемым А2 или перед вторым из однородных членов простого предложения. Ввиду количественной избыточности, а также определённых трудностей вычленения данных по типу (1) мы ограничиваемся здесь лишь двумя последними типами – (2) и (3). Дополнительно сужается наша область внимания за счёт исключения варианта (2) для *demo* как получающего нетривиальное семантическое расширение, выводящее его далеко за пределы зоны уступительности [31].

Необходимо сказать, что возможны и комбинации операторов уступительности с «общими» противительными коннекторами – также достаточно распространённое явление, см. рус хотя А1, но А2, а также китайские конструкции различной степени факультативности и 虽然А1 可是А2 = *suīrán* А1 *kěshì* А2 и 尽管А1还是А2= *jǐnguǎn* А1 *háishì* А2. Такие комбинации также рассматриваются в статье.

Стержневая семантика уступительности сводится к нарушению причинно-следственной связи или «нарушению нормы» [2; 4], то есть противоречию ментальной схемы (сценария) и реальности: «обычно если А1 то не А2, но имеет место А2». Тем самым, можно считать, происходит аннуляция презумпция «не А2», формируемая на стороне адресата на основе А1 – откуда и название «канцеллятивы» для данного типа коннекторов [22]. При этом участником ситуации (назван он в конкретном речевом произведении или нет – другой вопрос) становится Препятствие» А3, связанное с А2 каузальной зависимостью [10; 11; 13; 16; 17]. Разнообразие уступительных конструкций обосновывается возможностью разграничить довольно тонкие оттенки, среди которых выделяются как семантические, так и прагматические [10; 15]. К первым относятся «внутренние» характеристики двух ситуаций и их соотношения: степень противоречия/несовместимости ситуаций (напр. *в то же время* – совмещение невозможно, *тем не менее* – возможно); соотношение «силы» ситуаций-участников (напр. для *всё равно* препятствие особенно сильно); причина нейтрализации А1 и наступления А2 (дополнительные, побочные обстоятельства» *всё-таки, всё же,* vs. воля субъекта в *всё равно*); временная соотнесённость (*в то же время* синхронно, всё равно перспективно); однородность ситуаций (для *в то же время*). Разделяются также источники и степени активированности пресуппозиций, аннулируемых А2: так, англ. *nevertheless* не может противоречить эксплицитному содержанию А1

(direct message) [24], устойчивость (длительность) представлений о каузальной связи A1 и A2 и противоречия с ней (рус. *таки*, ср. яп. *yahari*). Прагматические критерии выделяются в плане значимости противопоставления с точки зрения речевой ситуации: фокусировка внимания на A1 или A2; отношение говорящего (A2 как «утешение» за нежелательное A1 в *zato*); степень его заинтересованности («небезразлично» в *всё равно, всё-таки, всё же,* ср. «объективно» для *тем не менее, в то же время*); роль в полемике («мягкая» *всё-таки,* ср. «жёсткая») и вообще коммуникативные намерения говорящего в целом (как континуум от «обратить внимание» адресата до «победить в споре, оставив за собой последнее слово» – [15, с.38]), а также прагматический статус релятов [ИМ].

Мы ставим своей целью максимально приложить этот арсенал к японскому материалу. Для этого была выбрана секция газетных текстов общедоступного корпуса письменных источников современного японского языка [29] в сегменте, максимально приближенном к синхронному (размещённые сейчас выборки относятся к периоду 2000-х гг.). Этот выбор обусловлен, с одной стороны, относительным разнообразием текстов, доступных в японской газете, включая помимо новостных и аналитических рубрик также письма читателей, фрагменты художественной прозы, записи устных высказываний в различных ситуациях общения, рекламные объявления. С другой стороны, публикации в газетах характеризуются определённым консерватизмом и высокой степенью контроля текста, что отсекает некоторые маргинальные проявления языковой игры, эксперимента в художественной литературе, различные языковые новации и аномалии в интернет-среде (по этой же причине можно утверждать, что даже по прошествии некоторого времени данные по служебным элементам будут оставаться валидными для синхронного состояния языка, в отличие, например, от гораздо более интенсивных изменений в лексиконе [12]). Задачей на будущее, особенно важной с учётом дискурсоорганизующей роли коннекторов, остаётся, таким образом, проследить за особенностями их функционирования в отдельных типах японоязычного дискурса.

1. Позиция *soredemo* в предложении позволяет причислить его к союзным наречиям: допустимые слоты для него – начало A2 или начало группы сказуемого в нём (в том числе перед вторым из противопоставляемых однородных предикатов). Как и союзные частицы, союзные наречия выражают связь предложений лексически, не связывая их синтаксически.

Среди примеров выделяется ряд таких, где имеет место скалярное сопоставление «силы» или «веса» факторов A1 и A3, особенно ясное при обсуждении непосредственно численных значений:

来年の飛散量を「東北以外は前年ほどの飛散量はない。西日本ではかなり減るが、**それでも**平年並み」と予想する // *прогноз количества пыльцы таков: кроме региона Тохоку объёмов, сравнимых с прошлым годом, не будет. В западной Японии количество заметно уменьшится, но* ***всё равно*** *останется на уровне среднего по годам* («Кавакита симпо» 26.12.2001) [29]. Здесь A3 не эксплицировано, но выводимо из предшествующего контекста: общее количество пыльцы на западе страны в предыдущем году было необычно высокое – настолько, что значительное уменьшение от этого уровня всё ещё не оказывается ниже нормы.

Сходный эффект наблюдается в предложениях, где вскрывается кажущееся противоречие. Это проявляется в введении в A2 показателей, так или иначе ослабляющих вес этой «стороны» в «споре» факторов:

与えられた時間はあまりに少なく、「迷っている時間もないほど」という。**それでも**引き受けたのは、「火中のクリを拾い、期待に応えてきた」自負があるからだ。// *Времени было слишком мало, «даже некогда сомневаться» – вспоминает он. И если* ***тем не менее*** *он и взялся за работу, то только потому что была уверенность в себе: «привык уже таскать каштаны из огня, подстраиваясь под запросы (людей)»* («Иомиури» 27.04.2003) [29].

Трактовку через скалярное сопоставление факторов в этом примере подкрепляет относительная природа характеристики «слишком» в A1 – «слишком КАКОЙ, чтобы ЧТО», где ЧТО = «принять оптимальное взвешенное решение» (т.е., вероятно, отказаться). Получается, что будь у действующего лица больше времени, опыт стремительных поступков для героя эпизода мог бы ещё и не перевесить.

Подкрепление схемы с сопоставлением веса причин находим в использовании в A1 деинтенсификаторов, как бы понижающих тот «порог», который должно преодолеть A3. Так, в примере ниже использование в A1 интенсификатора (например, zenzen) привело бы к странности высказывания:

ひと通りの守備位置をこなしているから、さほど心配する必要はない。**それでも**１０日から１７日までの自主トレーニング、１８日からのキャンプを通じ、ある“作業// *Команда в целом провела необходимую подготовку, так что особых причин волноваться нет. И* ***тем не менее*** *(предстоит ещё) кое-какая «работа», например самостоятельные тренировки с 10 по 17-е число, а также сборы с 18-го* («Иомиури» 22.02.2003) [29].

Аналогичный эффект даёт появление в А2 контрфактивных и слабофактивных глаголов пропозициональной установки:

終戦後は、生きていくことすら困難に思われた時代でした。**それでも**新宿の劇場ムーランルージュには、活気にあふれた芝居好きの人材が再び集まり始めました// *В му эпоху, после войны выжить уже казалось непростым делом. И* ***тем не менее*** *в театр «Мулен-Руж» в Синдзюку снова потянулись увлечённые любители драматургии…* («Хоккайдо симбун» веч. вым. 15.06.2001) [29]. Преодолеть мнимое положение вещей А1 (из которого следует не-А2 «людям не до театра»), конечно, проще, так что ситуация разрешается в пользу А2.

Несколько иной тип логической связи демонстрирует следующий пример, где не-А2 (прекращение переработок) будто бы напрямую не следует из А1 (общее улучшение климата на рабочем месте). Скорее, чем о презумпции, можно говорить об инферентивном выводе из ситуации, делаемом на основе экстраполяции одних свойств ситуации из обычно скоррелированных с ними других – в духе максим о склонности обыденного сознания человека «растягивать» как благоприятные, так и неблагоприятные ситуации, додумывать их до «логического конца» [10; 16]:

いま働いている施設は休憩時間や有給休暇が確保され、はるかに働きやすい。「**それでも**多少はサービス残業がある。これを機に業界全体が変わっていけばと思う// *В учреждении, где я сейчас работаю, выдерживается рабочее время и оплачиваемый отпуск, и работать там куда легче. Но* ***притом*** *в той или иной степени остаются переработки. Вот бы хорошо, чтобы это стало началом для изменения ситуации во всей отрасли!* («Асахи симбун» 4.02.2003) [29].

Наши выкладки относительно этого примера подтверждает и использование в А2 рематического *ga.* Оно показывает, что презумпция о существовании переработки была начисто отметена в результате действия механизма «выпрямления» картины происходящего. Если бы здесь было контрастно-тематическое *wa*, то *soredemo* было бы неприемлемо, а для введения сопоставительной клаузы (по действию очень похожей на рус. а) хватило бы «универсального» противопоставительного *ga*. В том же ключе допустимо интерпретировать и функционирование в А2 деинтенсификатора *tashoo-wa = в той или иной степени:* с точки зрения глобального подхода к ситуации в отрасли даже частичное несоответствие норме (додуманной как абсолютно комфортная рабочая среда) рассматривается в дальнейшем тексте как повод приложить усилия к изменению ситуации. Таким образом, в данном примере по-новому проявляется свойство *soredemo* как канцеллятива, аннулирующего одни «побочные» семантические эффекты, возникающие вокруг высказывания, в угоду другим.

Ещё одна возможная линия анализа *soredemo* – в уточнении природы каузальной зависимости, связывающей в обыденных представлениях говорящего А1 и не-А2. Как показывают примеры, такая зависимость не абсолютна, а носит вероятностный характер. Иными словами, мы находимся в мире не линейно детерминированном, а многовариантном:

１点を先行された。その後も押し気味に試合を進めたが、どうしても１点が遠かった。**それでも**仙台のサポーターは大きな声援を送り続けた。// *… на одно очко обошли. Потом опять команда вела напористую борьбу, но ей несмотря ни на что постоянно не хватало одного балла. И* ***тем не менее*** *болельщики команды из Сэндаи продолжали громко поддерживать её* («Коти симбун» 1.04.2002) [29]. («Банальная логика» здесь усматривается в том, что болельщики, расстроенные плохой игрой, могли снизить градус своей поддержки – что, конечно, было лишь одним из возможных сценариев их поведения, который говорящий избирает, чтобы оттолкнуться от него, описывая ситуацию, которая реально имела место в действительности).

Как видно из примеров, слову свойственно употребление в контекстах с высокой заинтересованностью говорящего [НОСС]. Такая заинтересованность, или вовлечённость, может быть двух типов. Первый – эмоциональный, более пассивный, когда скрытая от понимания «поломка» привычных представлений вызывает у субъекта живую реакцию. В некоторых примерах это напрямую вербализуется в ближайшем контексте:

チームは開幕試合で敗北。堀選手も二度と甲子園には出られなかった。**それでも**卒業時、ロッテのドラフト指名を受けた。会見での素直な驚きと、喜びあふれる表情が// *На матче-розыгрыше команда проиграла, и Хори дважды не попал к «Косиэн». **Тем не менее** он был вызван для игр в «Лотте». На конференции его удивление, переполненное радостью выражение лица…* («Ниси-нихон симбун» 3.06.2005) [29].

Второй тип – вовлечённость интеллектуальная, более активистская, когда умственные усилия мыслящего субъекта направлены на вскрытие механизма, сулящего переменить привычные представления. Наиболее выпукло это проявляется в примерах с использованием *soredemo* в вопросе (в примере ниже сразу за вопросом, на который приходится пик интеллектуального напряжения, мы видим и как разворачивается логика, подготавливающая ответ):

// 今は造船所で船内清掃をしている。**それでも**、なぜ店を続けるのか。「なぜ生きているんでしょう。働いて食べて寝て、それだけ？ // *Сейчас он чистит суда на верфи. **И всё равно** не закрывает магазин – почему же? «А почему человек живёт? Работа, еда, сон – только для этого?»* («Асахи симбун» 17.10.2004)

Иным образом расставляются акценты, если вопрос риторический. Интересуясь, правда ли произойдёт событие, автор не только оставляет для себя «щёлочку» возможности понять мотивы действий (описываемого) субъекта, но, как в примере ниже, ещё и «дорисовывает», собственно, ту самую логику, которая должна была по идее гарантировать положение дел не-А2. В нашем примере, таким образом, фактически не только ставится под вопрос, но изначально конструируется, или во всяком случае формулируется презумпция (в данном случае – некие общие понятия международного права, мировые «правила игры»). Перед нами манипулятивный приём, достойный политически нагруженной газетной статьи, да ещё и в газете из региона с, пожалуй, самым сложным отношением к деятелю предложения – США. Поиск причины А3, остающийся за рамками статьи, – и есть, видимо, главная перлокутивная цель пассажа:

仮にイラク側が無条件の査察再開受け入れを表明すれば、「**それでも**武力行使に踏み切るのか」という問いが国際社会から米国に突き付けられる。// *Если, предположим, иракцы объявят о безоговорочном принятии инспекций, то у международного сообщества возникнет вопрос к Вашингтону: и что же, вы **всё равно** пойдёте на применение силы?* («Рюкю симбун» 29.08.2002) [29].

Указанные два типа «завязки» говорящего на суть противоречия в описываемой ситуации пересекаются с довлеющими типами самих этих ситуаций, в которых противоречие проявляется. Вообще, в рассмотренных пока примерах употребления *soredemo* фактор А3, как мы видели, языкового выражения не получает, оставаясь на положении наименее приоритетного компонента ситуации (А3=0) – тогда как А1 очевидным образом должна непременно быть выражена в непосредственно предшествующем куске текста. Однако это верно не всегда:

最後まで運動量衰えず　本来のつなぐサッカーはできなかった。羽黒は**それでも**勝った。選手の動きが最後まで落ちなかったのが勝因だ。// *Нехватку тренировок не удалось преодолеть, и на прежний уровень футбола Хагуро так и не вышел. Но **всё равно** он победил. Профессиональная хватка спортсмена не подвела – вот в чём было дело.* («Кавакита симпо» 31.12.2004)

Даже в контекстах, где Препятствие А3 скрыто от умственного взора субъекта, оно явно продолжает увлекать его. В примере ниже этот намечающийся сдвиг в развитии мысли скоррелирован с полным букетом перечисленных нами особенностей, включая слабофактивный предикат, деинтенсификатор и подробное описание эмоций – всё это призвано облегчить слом прежних представлений (правда, автор останавливается на полпути, лишь указывая на связь эффекта произведения с его автором):

この歌はさしたる出来とは思えないが、**それでも**だしぬけに天上から降ってくる「罪はふかきか」という一句が強く目に焼きつけられて離れないれず、その茫然たるおどろおどろしさにおいてはやはり茂吉ならではのものである。// *Стих вроде бы не так уж и здорово написан, но **тем не менее** внезапно, с потолка появляющаяся строчка «как глубок мой грех» так и горит перед глазами, неотвязно. И в этом смутном мистическом ужасе – вся сила Мокити (Сайто) как поэта.* («Майнити» 27.07.2003) [29].

В использовании *soredemo* просматриваются два устойчивых ситуативных шаблона. Первый описывает сопротивление природной среды идеям или действиям человека-субъекта когниции:

がんが前立腺の周囲に広がっていればホルモン剤の注射や飲み薬を使う。**それでも**進行するがんには抗がん剤も使われる。// *При распространении рака в окрестностях простаты*

внутривенно и перорально применяется гормонотерапия. В случаях, когда развитие рака ***тем не менее*** *продолжается, используются антираковые препараты* («Иомиури» 22.01.2003) [29].

Строго говоря, приведённый пример не содержит прямого указания на интерес автора к причинам, почему первый вид терапии не работает. Но абсурдно было бы утверждать, что в описываемом мире науки эта проблема самим своим появлением автоматически не «ставится на учёт» с перспективой дальнейшего наблюдения и разрешения.

Другой шаблон включает волевые действия человека вопреки среде:

そんな思いが頭をよぎると、つらい。**それでも**、自分の人生を振り返り、「一つ失敗しても、何にもならんことはないよ」と自信を持って…// *Когда такие мысли лезут в голову, очень тяжело. Но* ***тем не менее,*** *оглядываясь на свою жизнь, я черпаю уверенность в том, что единожды оплошав, ещё нельзя считать, что всё пропало* («Ниси-нихон симбун» 28.12.2003) [29].

Этот случай, конечно, открыт для оценочных суждений – с вектором оценок в диапазоне от «проблематично» до «положительно»:

笠原監督は「相手の方が力が上だった」と素直に完敗を認めた。それでも「選手たちは一生懸命、９回を戦ってくれました」とねぎらいの言葉を続けた。// *Тренер Касахара откровенно признал полное поражение: «противник в этот раз был сильнее». Но* ***при этом*** *не забыл и пару слов похвалы в адрес своих подопечных: «Ребята боролись изо всех сил, выдержали девять встреч»* («Коти симбун» 14.08.2004) [29].

Приведённая закономерность в распределении контекстов между двумя обозначенными типами не оказывает прямого влияния на их характеристику по параметру фактивности. Имеется в виду, что в ситуациях со свободным выбором действия субъектом отсутствие предрешённого исхода воспринимается как само собой разумеющееся. Но даже в высказываниях об уже имевших событиях говорящим как будто бы предполагается некоторый набор исходов, которые теоретически могли бы иметь место, но во всяком новом случае не дали бы A2 (пока, скажем, не появился бы новый фактор, укрепляющий A1 до такого уровня, когда Препятствия A3 оказалось бы недостаточно для того, чтобы его преодолеть). В этом *soredemo* приближается к рус. *всё равно,* описываемому как «перспективное» в противоположность «синхронному» *в то же время,* ср. яп. *-to dooji-ni.*

Случаи совмещения *soredemo* с противительными союзами в газетных текстах почти отсутствуют, однако примеры из других разделов корпуса в целом подтверждают наши наблюдения. Уникальны для трёх коннекторов коллокации с типичным «алтайским» союзом (завершает A2 в квазифинитном оформлении – без показателей вежливости, «как-бы-инфинитив») *monono*. Логично объяснить это такой чертой этого союза, как слабый уровень противоречия между A1 и A2 [30]. С этим согласуется «конкурентное», а не «непримиримое» соотношение между A1 и A2 в *soredemo*. В примере ниже противоречие между ними носит скалярный, а не абсолютный характер (чем больше конкретных деталей известно – тем яснее серьёзность положения):

詳しい検査結果は話されていない**ものの、それでも**検査室のただならぬ緊張感から、母は事態の深刻さを感じとっていただろう。// *Детали анализов не сообщаются, но* ***тем не менее*** *мать, наверное, догадалась о серьёзности положения из необычного напряжения в лаборатории* (Дз. Морицу «Всем дочерям, ухаживающим за матерями» 1997) (A3 выделено подчёркиванием).

Идея скалярной зависимости перекликается с временной увязкой между двумя процессами – один из них пошёл, но пока не достиг достаточного уровня для того, чтобы запустился второй:

近年、顕著な減少傾向が見られる**ものの、それでも**日本で胃ガンを発症する人は、１０万人当たり８０人前後に達します。// ***Хотя*** *в последние годы наблюдается отчётливая тенденция к их уменьшению, но* ***тем не менее*** *в Японии число заболевающих раком желудка достигает 80 человек на тысячу* («Всё о раке» 2005) [29].

Видим мы и примеры с коррекцией неверной установки, основанной на недостаточности или недостоверности доступных субъекту данных. Здесь следом «борьбы» двух гипотез в уме субъекта является наречие *sasuga-ni,* сигнализирующее соответствие вывода ранее имевшимся представлениям [19]. Пример интересен доскональным описанием всего ментального процесса, в результате которого установки субъекта проходят подтверждение или коррекцию под воздействием разноплановых сенсорных данных:

ロシア機を眺めていた。ボーイング７４７を見慣れた目には、いくぶん小さく見える**ものの、それでも**すぐ近くまで迫ってくるとさすがに巨大で、陸に打ちあげられたクジラが這ってくるよう… // *Смотрел на российские*

самолёты. ***Хотя*** *глазу, привычному к «Боингам-747», они казались маленькими, но стоило самолёту приблизиться, как всё же он оказался огромным, как будто к вам подползает поднятый на сушу кит* (А. Наруми «Бадисур» 2005) [29].

Сочетания *soredemo* с «универсальным» противительным ga носят другой характер – все они заострены на выпячивание А3, вплоть до перестройки фразы таким образом, чтобы Препятствие попало в рематический фокус:

人部屋で一部屋一泊四、五千円から。食事は別料金で、決して安いイメージはない。**が、それでも**人気なのは、海外にばかり憩い求めてきた台湾人が、驚きとともに再発見した自らの土地の美しい一面だからかもしれない。// *Ночлег в комнате на одного – от 5000 иен. Еда за отдельную плату, дешёвым такой отдых не кажется.* ***Но*** *причина, почему* ***несмотря на это*** *место популярно, – вероятно, в том, что тайванцы, привыкшие отдыхать за границей, с удивлением открыли для себя красоту своей земли* («Рюкю симпо» 19.04.2004) [29].

В другом примере наслоение *ga* и *soredemo* показывает, что вклад второго слова в смысл всей фразы состоит именно во введении идеи конкурирующих факторов, которая осталась бы неясной, ограничься автор лишь ga как индикатором противоречия или сопоставления:

傘を手にしての観察となった**が、それでも**サンショウクイ、ヒヨドリ、キジバトが姿を見せ、参加者を楽しませた。// *Экскурсия получилась под зонтиками,* ***но и при этом*** *посетителей порадовали своим появлением серый личинкоед, рыжеухий бульбуль и большая горлица.* («Рюкю симпо» 16.05.2001). Возможно отнести *soredemo* не к противостоянию событий «экскурсия под дождём» и «посетители радовались», а к противоречию между «шёл дождь» (инференция из А1) и «птицы показались» – в этом случае сохраняется ранее отмеченная закономерность скалярного соотношения, так как, несомненно, поведение птиц зависит скорее от силы, чем от самого абсолютного факта дождя.

Единственный пример сочетания с союзом *tada* (тип примыкающий к инициали А2) остаётся несколько неясным, что можно сравнить с эффектом русского «слабопротивительного» *притом*:

「審査員に女性や一般人を入れるべきだ」など映画関係者に不満の声は絶えない。**ただ、それでも**映像の垂れ流しを防ぎ、社会的影響を考慮した年齢区分は、一様に必要性を認めている。// *В мире кино не прекращаются призывы ввести в жюри больше женщин и простых граждан.* ***Правда, при всём при том*** *с учётом влияния кино на общество и необходимости как-то организовать материал все едины в признании необходимости разделения режиссёров на возрастные группы* («Майнити» веч. вып. 2.03.2004) [29] (очевидно, автор сравнивает две идеи в довольно широкой рамке с точки зрения их нацеленности на реформирование судейской системы или сохранение статус кво – тогда получается, что между ними как будто разыгрывается некое суммарное количество очков по этому параметру).

2. Если *soredemo* типичным образом употребляется в контекстах, где противоречие ведёт к пересмотру представлений говорящего о мире и в этом плане ориентировано скорее на когнитивный эффект, то *nimokakawarazu*, напротив, характерно для контекстов, где говорящий не готов поступиться логикой «А1 – значит, не-А2». Возникающее противоречие рассматривается как аномалия, и всё высказывание делается в убеждении о необходимости восстановить статус кво – что может составлять и импликатуру (скажем, вопроса-упрёка), и презумпцию. Это, среди прочего, сопровождается негативными оценками по адресу А2, тогда как А1, наоборот, всячески усиливается подчёркиванием его незыблемости, интенсификаторами:

拘置状態では、議員としての責務を果たせないのは自明の理だ。**それにもかかわらず**他の議員と同額の二千万円近い歳費を手にすることは疑問だ。// *Совершенно очевидно, что, находясь под арестом, обязанности депутата он исполнять не может. Возникает сомнение: почему он* ***несмотря на это*** *должен в таком случае продолжать получать вознаграждение, как другие депутаты, в размере около 2 млн иен в год?* («Ниигата ниппо 1.07.2003) [29].

Незыблемость, нерушимость А1 как нормы может особо подчёркиваться – в противовес как минимум вызывающим подозрения мотивам деятеля, пытающегося его нарушить:

制度上は合併を覆すことができない**にもかかわらず**、住民投票を実現させたのは、地方自治法に基づいて新青森市から分離•独立する運動の弾みにしたいと考えたからだ。// *Проведение голосования* ***невзирая на*** *то, что по существующему порядку отменить слияние городов уже невозможно, объясняется желанием придать импульс движению за отсоединение от вновь образованного города Аомори.* («Асахи симбун» 29.03.2005) [29].

Усилителем является и квантификация действия (аспектуальный оператор множественности):

現地の団体支部からは「今回だけは拘束されずに自由に投票したい」との声が相次いだ。**にもかかわらず**、橋本派は…これまでの手法を繰り返し、予備選で劣勢でも国会議員投票で逆転しようと、人事手形を切る// *От местных отделений посыпались просьбы разрешить им голосовать свободно без ограничений. Но невзирая на это фракция Хасимото… воспроизводит старые методы, мобилизуя кадры чтобы добиться победы даже не набрав большинства на праймериз* («Коти симбун» 24.04.2001) [29].

Впрочем, как уже видно из примеров, интенсификация А1 носит характер риторического приёма, гиперболы. Реально количественного «соревнования» А1 с А2, как в *soredemo*, не происходит, а речь идёт о бинарной оценке событий. Идеальное приложение для такого «чёрно-белого» взгляда – юридические, морализаторские тексты с категоричной оценкой событий:

委員会（パネル）は今年２月、新日本製鉄、ＮＫＫ、川崎製鉄が米商務省の調査に協力したにもかかわらず、米国が反ダンピング関税を課したのはＷＴＯ協定違反に当たるとして…// *На том основании, что действия США, наложивших антидемпинговые пошлины* ***невзирая на*** *факт содействия расследованию Минторга со стороны компаний «Синниттэцу», «Эн-Кей-Кей» и «Кавасаки стил» в феврале этого года, составляют нарушение соглашений ВТО, комиссия…* («Майнити» 25.07.2001) [29].

Маркеры оценочности «рассыпаны» по тексту и работают как на лексическом, так и на грамматическом уровне, см. форму описания бездействия *-yoo-to shinai = и не собирается:*

両国ともに異常な金融政策から脱却する条件は整いつつある。**それにもかかわらず**、動こうとしない。政府も超金融緩和の継続を後押ししている。// *Постепенно складываются условия для совместных усилий обоих правительств по отходу от ненормальных кредитно-денежных мер. Но* ***несмотря на это*** *никаких мер не предпринимается и близко. Экономику продолжают накачивать сверхдешёвыми деньгами.* («Майнити» 2.11.2003)

Нередко негативная оценка событий уже ясна из контекста. В таких случаях *nimokakawarazu*, с семантической точки зрения тавтологичное этому компоненту, составляет своего рода требование политкорректности, тогда как более «бесцветный» противительный союз (без этого дежурного негодования) выглядел бы попыткой оправдать недопустимое:

日本では一九七〇年代の「買春ツアー」が批判を浴びた**にもかかわらず**、その後も性風俗産業などで多くの外国人女性が商品として扱われている。// *В Японии такие «эротические туры» стали объектом критики в 1970-е, но* ***несмотря на это*** *секс-индустрия и позже продолжает использовать иностранок как живой товар* («Тюгоку симбун» 4.03.2005) [29].

Само по себе препятствие А3 осуществлению привычной логической схемы «А1 – следовательно, не-А2» в данном случае мало интересует говорящего, так как мириться с «неправильным» А2 он не собирается. В немногих примерах с описанием наблюдаемой ситуации (но никогда не действий человека), где оно вербализуется (выделено подчёркиванием), союзное выражение оказывается полностью взаимозаменимо с soredemo:

トヨタ自動車本体が輸出車の部品を米国などの現地生産に切り替えている。**にもかかわらず**同社の生産が好調なのは「トヨタが販売に力を入れている小型車クラスで、新車種が出るたびにＡＴが採用されている」ためだ。// *«Тойота моторс» перенесла производство запчастей к своим экспортным моделям в США и другие страны-импортёры. То, что* ***невзирая на это*** *производство в головной компании не падает, связано с продвижением автоматизации при выводе на рынок каждой новой малолитражки, на которые делается основная ставка в стратегии продаж* («Хоккайдо симбун» 26.07.2002) [29].

Слом логики действий субъекта (от А1 к не-А2) объясняется такой причиной А3, которая сама по себе связана с общественным порицанием и тем самым как бы не признаётся «уважительной»:

私は姉さんを殺そうとしたかもしれない。**にもかかわらず**そんな私を丸ごと受け入れてくれるのは、共犯者の泉にいさんだけだった。// *Ведь может быть, что я пытался убить сестру. И безоговорочно принял меня* ***несмотря на это*** *только один брат Идзуми, который был моим сообщником* («Ниси-нихон симбун» 30.01.2001) (замена на soredemo породила бы эмпатию с Идзуми, а здесь автор говорит об отношении к себе с максимальным отстранением), ср. 完成がコンペティション応募の締め切りに間に合わない**にもかかわらず**、コンペで上映したいという映画祭側の強い意向で、一切を伏せたままサプライズ上映された北野武監

督… // *Сильное желание организаторов, чтобы фильм был показан* ***невзирая на*** *неготовность ленты на момент окончания приёма заявок на конкурс, пересилило все остальные соображения, и показ ленты Китано стал сюрпризом фестиваля* («Майнити» веч. вып. 28.09.2005) [29] (описывается экстраординарная ситуация, явно не вызывающая у авторов заметки особого энтузиазма; более того, речи об изменении впредь существующего порядка вовсе не идёт).

Дефокусацию А3 подтверждает и ориентация коннектора в тексте, где рассуждения автора идут совсем в другую сторону, нежели поиск причин:

誘拐事件で犯人が現金をものにした例はほとんどない。割に合わない犯罪なのだ。**にもかかわらず**、同種事件は後を絶たない。最近では十月、東京•板橋で小一男児が誘拐された。八月に… // *Примеров, когда похититель получал выкуп, почти нет. То есть, похищение с экономической точки зрения себя не оправдывает.* ***И тем не менее*** *количество преступлений не сокращается. Недавно, в октябре в Итабаси, Токио, был похищен мальчик. В августе…* («Кобе симбун» 1.12.2001) [29].

Отрицательное значение параметра «вовлечённость», интереса говорящего к природе А3 приводит к расхождению прагматических эффектов в агентивных конструкциях с *soredemo* и с *nimokakawarazu*. В первом случае допускается идея «преодоления препятствия ради какой-то рациональной причины» (которую надо отыскать), во втором поведение субъекта заведомо классифицируется как необъяснимое, нерациональное или неправильное. Так, в примере ниже при замене коннектора на soredemo появилось бы ощущение, что за действиями властей стоят некие соображения, которые, скорее всего, были бы представлены позже в тексте:

家族や周辺住民にまで及ぶ危険性について、国は遅くとも一九七六年に把握していた。**にもかかわらず**、有効な対策を講じていなかったことが明らかになったのだ。// *Об опасности для семьи и соседей власти знали ещё с 1976 года.* ***И тем не менее****, как выяснилось, ничего не делали* («Коти симбун» 22.07.2005)

Большая синтаксическая свобода *nimokakarawazu* имеет, видимо, свою семантико-прагматическую подоплёку. Так, именной актант, при котором коннектор морфологически выступает сложным послелогом, можно трактовать как «свёртку» от бытийных предложений (А1 = N: «подлежащее-из-контекста является N» / «имеет место N»). Очевидно, что истины, заявляемые таким образом, в отсутствие всяких модальных операторов, представляются говорящему несомненными и как таковые не подлежат оспариванию (интересно, кстати, что в русском допустимость таких «свёрток» меньше, по крайней мере, они неприемлемы в предложениях идентификации):

両生類**にもかかわらず**、水のない場所に卵を産みつけるカエル// ***Несмотря на то****, что лягушка является земноводным, она откладывает икру и не в воде* («Тюгоку симбун» 9.12.2001) [29] – *soredemo* создало бы здесь причудливый эффект, будто у лягушки есть некий тайный резон так поступать; в то же время принадлежность животного к классу не ставится под сомнение.

3. Новую комбинацию некоторых упоминавшихся параметров представляет случай ***noni***. Данный союз, существующий в формах финали А1, инициали изолированного А2, а также в А2 с анафором *sore*, подробно описан в литературе [1; 25; 27; 28; 31], поэтому мы лишь бегло остановимся на некоторых случаях его использования в примерах из газет. Вообще говоря, для классического газетного текста как такового он скорее нехарактерен (вхождений в корпусе из новостных статей нет) ввиду его откровенного эмоционального заряда (А2 «психологически неприемлемо» [26]). Данные корпуса подтверждают статистические тенденции, по которым *noni* занимает лишь 10-е место среди противительных коннекторов в редакторских колонках, тогда как в редакционных и новостных статьях он не фигурирует вовсе [26, с. 82]. Но небольшое число примеров в корпусе таки находится именно в силу речевого разнообразия в газетных публикациях, включая цитирования, заимствования, а также пафос пропагандистской риторики:

改革が始まって三年あまり。参院選という土俵が整い、行司の軍配も返った。**それなのに**、肝心の力士は互いにそっぽを向き、張り手は空を切り続けている感じがする。// *Уже три года прошло с начала реформ. На татами верхней палаты парламента всё готово к поединку, уже колышется веер судьи.* ***Но как же так?*** *Сами сумоисты отвернулись друг от друга и будто впустую рубят руками воздух* («Иомиури» 1.07.2004) [29].

Эмоциональная составляющая *noni* предполагает определённую раскованность говорящего в реакции на положение вещей либо необычное, либо не устраивающее его [32]. В обоих случа-

ях речь идёт о крушении привычных для него представлений (в этом сходство с *soredemo*). Однако на следующий шаг интеллектуальной истории индивида, предполагающую их коррекцию, семантический горизонт этого коннектора не распространяется. Вместо этого субъект как бы тормозится на первой стадии, фокусируясь на протестной реакции, чем-то сходной с выделением тепла при торможении тела в физике. В плане выражения это проявляется в нагнетании драматизма путём использования интенсификаторов как в A1, так и в A2. Это «завышение ставок» в конкуренции пропозиций нужно как предлог уйти от снятия противостояния. В первую очередь «укрепляется» A1 – как плацдарм, который говорящий не хочет сдавать (в этом сходство с *nimokakawarazu*):

オシアンクルの姿が見えた。今度は頭の中に無数の言葉がひしめいているようであった。**それなのに**、オシアンクルの前に立つと一つも言葉が出てこない。// *Показался Осьянкур. Только что в голове вертелись бесчисленные слова.* ***А тем не менее*** *стоит оказаться перед ним – как уже ни слову не слететь с языка.* («Асахи симбун» 23.07.2002), ср.

これまでにたった二度しか食べたことがない。**それなのに**、心をとらえて離さない菓子がある。ハルヴァ。// *До сих пор один-единственный раз пробованная,* ***а тем не менее*** *крепко захватившая сердце и не отпускающая его сласть. Халва!* («Иомиури» 29.07.2002) [29].

То, что «повышение градуса» здесь часто является сугубо риторическим, внешним эффектом, понятно при взгляде на суть противоречия, которое часто вовсе не может быть квантифицировано (действует по принципу «или всё – или ничего», как и с *nimokakawarazu*). Здесь имеет место не «торг» в попытке разобраться, как с *soredemo*, а скорее «махание руками после драки»:

私も大好き。なんかさりげなく主張せずでもかわいらしく咲いてるもんね。**なのに**どうしてあんな名前がついたのかしら // *Я их очень люблю. Цветут так незаметно, очень мило. И почему только (****несмотря на это****) их так назвали?* («Киото симбун» 19.04.2001) (чуть утрированный эмоциональный «выхлоп» – оттого, что когнитивный дискомфорт автора вообще не может быть снят).

Особенность контента печатных СМИ, видимо, определяет подавляющее доминирование контекста первого типа из указанных для данного коннектора – любопытство, наигранное недоумение. Это полностью укладывается в функции газетных изданий – просветительскую и развлекательную. Второй же тип – «недовольные стенания» или «выяснение отношений» – лишь изредка прокрадывается на страницы газет, притом в основном в виде цитат:

「危険」は必ずしも「全壊」ではない。「**なのに**混同され、補修可能な建物が多数、壊されることになった」との声もあった。// *«Опасно» ещё не значит «разрушено». Но, как поговаривали, «****тем не менее*** *всё смешали в одну кучу и многие здания, которые можно было отремонтировать, в результате снесли».* («Кобе симбун» 30.06.2004) (прямая речь), ср.

神だの人生だのについてあれこれいってたんだろう。**なのに**、いまじゃあ、影も形もありやしない。みんな、どこへ行っちまったんだか。// *Говорил и о боге, и о жизни, о том, о другом.* ***Ну и что сейчас?*** *Ни тени ни облачка же не осталось. Куда же всё делось?* («Асахи симбун» веч. вып. 11.01.2001) [29]. (пересказ, устная речь)

Ещё одна типологическая особенность газетного текста состоит, по всей видимости, в тенденции к разделению A1 и A2 в два изолированных предложения (что для устной речи несвойственно). При этом принцип, по которому A1 должно быть контекстно определённой (известной) информацией и первым по приоритетности актантом, принимающим на себя фокус всего высказывания [27], а A2 может, соответственно, опускаться, на данные разновидности конструкций, оказывается, не распространяется. Таким образом, раздробление предложений нужно не только для достижения большего риторического эффекта от «рубленых» фраз, но и для возможности повышения компактности текста за счёт плотного следования цепочки рем:

右から左に、赤の他人に渡されちゃ、たまったもんじゃありません。**なのに**父ときたら、おまえは心が狭いっていうんです// *Да как тут стерпишь, если всё уходит направо да налево, к чужим людям?* ***А*** *отец вот знай попрекает, что, мол, я скуп* («Ниси-нихон симбун» 20.07.2005).

При всей внешней неготовности говорящего принять необходимость коррекции своих установок (его протестная тактика перед неотвратимым сходна с уже описанной нами для наречия недоверчивого принятия входящей информации *masaka* [20]) высказывания на *noni*, как и с *soredemo*, никогда не бывают терминальными. Рассуждения за ними остаются сфокусированы на противоречии и в конечном итоге нацелены на его разрешение:

所得は部下の若者より遥かに少ない。会社での権限は小さく、家庭での居場所も小さい。**なのに**責任だけは取らされる。男は黙って背中で語るなんてもうカッコつけていられないのだ。// *Доход на порядок меньше, чем у младших подчинённых. Полномочия в компании ограниченные, в семье не спрячешься. А* ***при этом*** *ответственность будь добр неси. Да я уже не могу больше притворяться, чтобы вот так всё обиняками!* («Майнити» 24.12.2001) [29].

Обобщим сказанное. Три рассмотренных нами коннектора представляют собой три типовых варианта осмысления единой схемы уступительности, состоящей в существовании некого контрфактора-помехи осуществлению ожиданий говорящего. Вместе с тем это ещё и три «портрета» разных типов реакции когнитивного субъекта на противоречие.

В случае *soredemo* мы имеем дело с интеллектуалистским подходом, стремящимся к повышению адекватности картины мира через её коррекцию на основе новых входящих данных. Здесь в представление о мире изначально закладывается противоречивость событий, возможность коррекции установок. Противоречивые факторы взвешиваются на «аптекарских весах» по принципу состязательности («меряются силой», как в рус. *тем не менее* [15, с. 40]), причём речевая модель рутинно подлаживается под возможность преодолеть препятствие и выйти к новой «правде» (деинтенсификация и ослабление A1). С другой стороны, деятель-агенс, способный переступить через рамки поведенческого шаблона, оценивается положительно и вызывает интерес к мотивам своего поведения. Интеллектуальный интерес говорящего к содержанию пропозиции определяет высокую степень вовлечённости, степень противоречия понижается.

В случае *nimokakawarazu* сложившаяся картина мира является для автора незыблемой. Её слом вызывает неприятие и в конечном итоге должен быть обращён назад, а нарушитель, оцениваемый как безрассудный и даже преступный, образумлен или наказан – ср. «бескомпромиссное» отношение для ряда русских коннекторов [15, с. 40]. Если *soredemo* отсылает к миру вероятностей и свободной воли, то здесь всё происходящее жёстко детерминировано, ср. англ. *nevertheless* vs. *regardless/notwithstanding*. К этому случаю вполне применима логика разделения противопоставлений «жёстких» (энциклопедических, внеязыковых) и «мягких» (связанных с языковой картиной мира) [2], по которой «мягкость» оказывается, среди прочего, связана ещё и с «широтой» или «горизонтом» (scope) сопоставления [15]. Неудивительно, что *nimokakawarazu* в исследованных примерах описывает отступление от очень конкретного, чаще всего – задокументированного положения.

Наконец, над *noni* довлеет не разум, а эмоции – недовольство и протест против слома привычных представлений. Сила перлокутивного воздействия этого коннектора происходит из того факта, что речь идёт (подобно *nimokakawarazu* и в отличие от *soredemo*) опять-таки о «сбое» в «жёстких» (реальных) закономерностях (отсюда – высокая сила противоречия и степень вовлечённости). Говорящий потому и возмущается, напоказ цепляется за старое (степень полемичности высока!), что догадывается: его уже не удастся восстановить. Таким образом, если дополнить схему уступительной ситуации актантом (избыточным, но допустимым для выпуклости описания) «основание, почему должно быть не-A2» (своего рода контрфорс к Препятствию A3), то можно сказать, что для *soredemo* им станут «привычные представления», для *nimokakawarazu* «нормы», а для *noni* – эмоциональная привязка к комфортности стабильной картины мира.

Разумеется, подобные прагматические статусы единиц явно «уходят корнями» в семантику тех единиц, из которых они сформировались. Энклитик *demo*, чьим производным является *soredemo*, не несёт, в отличие от *nimokakawarazu*, признака фактивности управляемой пропозиции. Возможность такого употребления сохраняется и для деривата – в рассуждениях о будущем или не прояснённой на момент речи ситуации в прошлом или настоящем. В остальных случаях неоднозначность исхода переосмысливается как установка на избежание прямого конфликта, санкционирующая поиск «другой рамки». В свою очередь, в *nimokakawarazu* за счёт введения универсального квантора *mo* имеет место своеобразная эскалация отношения говорящего, описываемого послелогом-«прекурсором» *nikakawarazu*, означающим независимость от условия. Ригидность рамки к некому, ситуативно ещё не определённому параметру, реинтерпретируется как неприятие вновь привходящей ситуации вообще.

В описанном качестве коннекторы становятся маркерами самих типов текстов, в которых они встречаются: а) интеллектуальный (восходит к идеационной функции языка по М. Хал-

лидею, имеет прямое отношение к институту публичной дискуссии), б) нормативный (регулятивный – постулирующий или применяющий доктрину, включая различные типы публичных оценок) и в) эмоциональный (интерперсональный, при перенесении из «микрообщения» в сферу «высоких» дебатов сигнализирующий об имеющей место эксплуатации эмоций адресата). Это деление достаточно широко, чтобы быть представленным и в относительно компактной языковой области – газетных текстах, рассмотренных у нас.

Список литературы

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка (в 2-х кн.) М.: Наталис, 2008. Т. 1. 464 с.
2. Апресян В.Ю. Уступительность как системообразующий смысл //Вопросы языкознания. 2006. №. 2. С. 85-111.
3. Басс И.И. Проблемы современного японского языкознания. Лингвистика текста. СПб.: СПГУКИ, 2004. 371 с.
4. Берзина Г.П. Функционально-семантическое поле уступительности в современном немецком языке. Дисс. … к. филол. н. Новосибирск, 2002. 189 с.
5. Гаврилова Н.В. К вопросу о роли коннекторов в организации дискурса // Семантические и прагматические аспекты языковых единиц и речевых структур. Тезисы докладов: Институт языкознания АН СССР, 1987. С. 5-6.
6. Голубева Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке. Нижний Новгород. Поволжье, 2010. 318с.
7. Голубева Н.А., Зуева Е.В. К понятию коннектора в лингвистике // Язык и культура. 2017, №40 [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-ponyatiyu-konnektora-v-lingvistike (дата обращения: 1.02.2019)
8. Горелов. В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989. 318 с.
9. Горшкова В.Е.. Коннекторы градации в современном французском языке. Автореф. дисс. канд. фил. н. М., 1995. 24 с.
10. Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Автореф. дисс. … д.филол.н. М., 2001. 54 с.
11. Иоанесян Е.Р. Семантика русских противительных союзов но и только. 2014 [Электронный ресурс] URL = http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2014_06/3.pdf (дата обращения 15.6.2018)
12. Лингвокультурная эволюция Японии в информационном обществе: Погружение в новую реальность. Коллективная монография. Филиппов А.В., Ибрахим И.С. (ред.) СПб., Изд-во ВВМ. 2018. 274 с.
13. Мальчуков А. Л. Наблюдения над семантикой и типологией противительных конструкций //Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В.С. Храковского. Отв. ред. А.П. Володин. М.: Знак, 2004. С. 268-283.
14. Молчанова С.Е. Функционально-семантическое поле дискурсивных коннекторов в современном английском языке. Автореф. дисс. … к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2006. 19 с.
15. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
16. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М. 1989. 266 с.
17. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.
18. Урысон Е. В. Союзы, коннекторы и теория валентностей. Доклад на Международной конференции по компьютерной лингвистике Диалог-2012 (30 мая - 3 июня 2012). [Электронная публикация], 20 с. http://www.dialog-21.ru/media/1368/146.pdf (дата доступа: 12.12.2018)
19. Чиронов С.В. Модальные слова категорической достоверности в японском языке (апостериорная оценка) / С.В. Чиронов // Новый взгляд. Международный научный вестник. - 2016. - №11. - С.153-168.
20. Чиронов С.В. Прагматика выражений удивлённого переспроса в японском языке. // С.В. Чиронов// Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2015. - № 11 (2). - С. 198-203.
21. Beaugrande, R. & Dressler, W. Introduction to Text Linguistics. London; New York: Longman, 1981
22. Bell D.M. *Nevertheless, still* and *yet*: Concessive cancellative discourse markers. Journal of Pragmatics, 42-7. 2010. P. 1912-192
23. Bybee J. Language, Usage and Cognition. Cambridge University Press, 2010. 262 p.
24. Fraser B. Contrastive discourse markers in English // Jucker A. H. and Yael Z. (eds.) Discourse Markers. Description and Theory. Amsterdam: John Benjamins, 1998. P. 301–326
25. 池上素子.「のに」・「ながら」・「ものの」・「けれども」の使い分けについて.北海道大学留学生センター紀要 (Икэгами М. О различении *noni, nagara, monono* и *keredomo*. Труды центра студенческих обменов ун-та Хоккайдо) 1997. С. 18-29
26. 石黒圭et al.『接続表現のジャンル別出現頻度について』一橋大学留学生センター紀要, (Исигуро К. и др. О союзных выражениях в текстах различных жанров. Записки центра студенческих обменов ун-та Хитоцубаси) №12, 2009. С. 73-85
27. 今尾ゆき子「条件表現各論「 ガ/ケレド/ノニ/クセニ/テモー談話語用論からの考察ー」日本語学 (Имао Ю. Дискурсивные функции *ga, keredo, noni, demo.* Нихонгогаку) 1994. С. 13-18
28. 内田安伊子「接続語 ～日本語文法３～」(Утида А. Союзные слова – лекции по японской грамматике №3) [Электронный ресурс] URL = http://web.ydu.edu.tw/~uchiyama/bunpo/conj.pdf (дата обращения 18.6.2018)
29. 現代日本語書き言葉平均コーパスKOTONOHA [Электронный ресурс] URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения 18.6.2018)

30. 佐竹久仁子「 ~もので/ーものの/ーものを.日本語学 (Сатакэ К. *Monode, monono, monoo.* Нихонгогаку) №1, 1986. С. 3-10
31. 中里理子「逆接確定条件の接続助詞ーガ•ノニ•モノノ•テモ•ナガラについてー」言語文化と日本語教育 (Накадзато М. Фактивные противительные союзные частицы *ga, noni, monono, demo, nagara.* Нихон-бунка то нихонго) №13, 1997. С.160-170
32. 文型辞典（編　ジャマシイグループ）東京、くろしお出版 (Словарь выражений японского языка. Ред.: Группа Дзямасии. Токио, Куросио) 1998. 693 p.
33. メイナード泉子 K. 談話表現ハンドブックー日本語教育の現場で使える(Мэйнард Сэнко К. Путеводитель по дискурсивным выражениям – для использования в преподавании японского языка. Токио, Куросио) 2005. 505 с.

Сведения об авторе:

Чиронов Сергей Владимирович – к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО. Сфера научных интересов — лингвистическая прагматика, теория дискурса, когнитивная лингвистика, проблемы лексической семантики. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru.

CONCESSIVE CONNECTORS IN JAPANESE

S.V. Chironov

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

The Abstract: *This paper uses corpus data in an attempt at a combined description of three concessive connectors in contemporary Japanese – (sore)demo; nimokakawarazu; noni. Concessives are interpreted as markers of a contradiction to expectations arising out of an interfering counterforce – thus, cancelling a presupposed "normal consequence of events". The three markers, viewed in the specific paradigm characteristic of the Japanese connectors, are analyzed in respect to their semantic and discourse functions. These signal procedural meanings relevant to the construal of the contradicting situations or states of affairs, parameters of the communicative situation.*

The main thrust of the present work lies in the application of Russian-based methods of linguistic analysis to the Japanese material. In this way we are able to pick some (presumably universal) pragmasemantic features for discursive connectors, including scale of contradiction, involvement of the speaker, assessiveness, and text orientation. In fact, the three connectors appear to portray roughly three distinct linguistic attitudes to a challenge that a discovered contradiction is – mentalist (correct one's position to find a solution), normative (conserve status quo, forestall conflict), and emotional (manipulate, appealing to one's subjective state).

Key Words: *apanese language, discourse, connectors, cancellatives, corpus data.*

References

1. Alpatov V.M., Arkad'ev P.M., Podlesskaia V.I. Teoreticheskaia grammatika iaponskogo iazyka [Reference grammar of Japanese, in 2 vol] M.: Natalis, 2008. vol. 1. 464 p.
2. Apresyan V.Yu. Ustupitel'nost' kak sistemoobrazuyushchii smysl [Concessivity as systemic meaning] // Voprosy yazykoznaniya. 2006. no. 2. p. 85-111.
3. Bass I.I. Problemy sovremennogo iaponskogo iazykoznaniia. Lingvistika teksta. [Issues in contemporary Japanese linguistics. Text linguistics]. St. Petersburg, SPGUKI, 2004. 371 p.
4. Berzina G.P. Funkcional'no-semanticheskoe pole ustupitel'nosti v sovremennom nemetskom iazyke [Funtional-semantic field of concessivity in modern German]. Candidate thesis, Novosibirsk, 2002, 189 p.
5. Gavrilova N.V. K voprosu o roli konnektorov v organizatsii diskursa // Semanticheskie i pragmaticheskie aspekty iazykovykh edinits i rechevykh struktur. Tezisy dokladov [On the role of connectors in discourse structure. In: Semantic and pragmatic aspects of language units. Paper abstracts]. Bulletin in linguistics, Academy of science of the USSR, Moscow, 1987, p. 5-6.
6. Golubeva H.A. Grammaticheskie pretsedentnye edinitsy v sovremennom nemetskom iazyke [Grammatical precedence in modern German]. Nizhnii Novgorod. Povolzh'e, 2010. 318 p.
7. Golubeva N.A., Zueva E.V. K ponyatiiu konnektora v lingvistike // Iazyk i kul'tura [On the notion of connector in linguistics. In: Language and Culture]. 2017, №40 [Internet publication] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-ponyatiyu-konnektora-v-lingvistike (accessed on: 1.02.2019)

8. Gorelov. V.I. Teoreticheskaia grammatika kitaiskogo iazyka [Reference grammar of Chinese]. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 318 p.
9. Gorshkova V.E. Konnektory gradatsii v sovremennom frantsuzskom iazyke [Graduality connectors in modern French]. Abstract of candidate thesis. Moscow, 1995. 24 p.
10. Ioanesyan E.R. Semantika russkikh protivitel'nykh soiuzov no i tol'ko [Semantics of Russian contrastive conjunctions NO and TOLKO] 2014 [Internet publication] URL = http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2014_06/3.pdf (accessed on 15.6.2018)
11. In'kova-Manzotti O.Yu. Konnektory protivopostavleniia vo francuzskom i russkom iazykah [Contrastive connectors in French and Russian]. Abstract of Doctoral thesis. Moscow, 2001. 54 p.
12. Filippov A.V., Ibrahim I.S. (ed.) Lingvokul'turnaia evoliutsiia Iaponii v informatsionnom obshchestve: Pogruzhenie v novuiu real'nost'. Kollektivnaia monografiia [Linguacultural evolution of Japan – deeper into the new reality. Collected works]. S. Peterburg. VVM Publishers, 2018. 274 p.
13. Mal'chukov A. L. Nablyudeniia nad semantikoi i tipologiei protivitel'nykh konstruktsii //Tipologicheskie obosnovaniia v grammatike. K 70-letiiu professora V.S. Hrakovskogo [Observations on the typology of contrastive constructions. Typological bases of grammar – zeitschrift for 70th anniversary of prof. Hrakovsky]. Ed. A.Volodin. Moscow, Znak, 2004. p. 268-283.
14. Molchanova S.E. Funkcional'no-semanticheskoe pole diskursivnykh konnektorov v sovremennom angliiskom iazyke [Functional-semantic field of discourse connectors in modern English]. Abstract of Candidate thesis. Rostov-na-Donu, 2006. 19 p.
15. Novy ob"iasnitel'ny slovar' sinonimov russkogo iazyka / [The new explanatory dictionary of Russian synonyms – gen. ed. Y.D. Apresyan], 2nd ed. Moscow-Vienna: Iazyki slavianskoi kul'tury: Venskii slavisticheskii al'manakh. 2004. 1488 p.
16. Sannikov V.Z. Russkie sochinitel'nye konstruktsii: semantika, pragmatika, sintaksis [Russian coordinative conjunctions – semantics, pragmatics, syntax]. Moscow, Nauka 1989. 266 p.
17. Uryson E.V. Opyt opisaniia semantiki soiuzov [An essay in description of conjunctions]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011. 336 p.
18. Uryson E. V. Soiuzy, konnektory i teoriia valentnoctei. Doklad na Mezhdunarodnoi konferentsii po komp'yuternoi lingvistike Dialog-2012. [Conjunctions, connectors and valence theory. Papers of the International conference on computer linguistics Dialog-2012, May 30 – June 3, 2012]. [Internet publication] URL = http://www.dialog-21.ru/media/1368/146.pdf (accessed 12.12.2018)
19. Chironov S.V. Modal'nye slova kategoricheskoi dostovernosti v iaponskom iazyke (aposteriornaia otsenka) (Modal words of absolute veracity –backward assessment) in: Novy vzgliad. International scientific almanac. 2016. No 11. p. 153-168.
20. Chironov S.V. Pragmatika vyrazhenii udivlionnogo peresprosa v iaponskom iazyke [Pragmatics of expressions of surprised confirmation in Japanese]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki 2015. No. 11 (2) p. 198-203.
21. Beaugrande, R. & Dressler, W. Introduction to Text Linguistics. London; New York: Longman, 1981
22. Bell D.M. *Nevertheless, still and yet:* Concessive cancellative discourse markers. Journal of Pragmatics, 42-7. 2010. P. 1912-192
23. Bybee J. Language, Usage and Cognition. Cambridge University Press, 2010. 262 p.
24. Fraser B. Contrastive discourse markers in English // Jucker A. H. and Yael Z. (eds.) Discourse Markers. Description and Theory. Amsterdam: John Benjamins, 1998. P. 301–326
25. 池上素子.「のに」・「ながら」・「ものの」・「けれども」の使い分けについて.北海道大学留学生センター紀要 (Ikegami M. On the distinction of NONI, NAGARA, MONONO and KEREDOMO. Papers of student exchange center. university of Hokkaido) 1997. p. 18-29
26. 石黒圭et al.『接続表現のジャンル別出現頻度について』一橋大学留学生センター紀要 (Ishiguro K. et al. On conjunctions in texts of different genres. papers of student exchange center, Hitotsubashi university) №12, 2009. C. 73-85
27. 今尾ゆき子「条件表現各論「 ガ/ケレド/ノニ/クセニ/テモー談話語用論からの考察ー」日本語学 (Imao Y. Discourse functions of GA, KEREDO, NONI, DEMO. Nihongogaku) 1994. p. 13-18
28. 内田安伊子「接続語 ～日本語文法 3 ～」(Uchida A. Conjunctions– lectures on Japanese grammar, vol. 3) [Internet publication] URL = http://web.ydu.edu.tw/~uchiyama/bunpo/conj.pdf (accessed on 18.6.2018)
29. 現代日本語書き言葉平均コーパス(Corpus of written sources in contemporary Japanese) KOTONOHA [Internet publication] URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (accessed on 18.6.2018)
30. 佐竹久仁子「 ~もので/ーものの/ーものを.日本語学 (Satake K. Monode, monono, monoo. Nihongogaku) vol 1, 1986. p. 3-10
31. 中里理子「逆接確定条件の接続助詞ーガ•ノニ•モノノ•テモ•ナガラについてー」言語文化と日本語教育 (Nakazato M. Factive adversary conjunctions noni, monono, demo, nagara. Nihon-bunka to nihongo) No 13, 1997. p.160-170
32. 文型辞典（編 ジャマシイグループ）東京、くろしお出版 (Dictionary of Japanese grammar models. Ed. Jamashii Group. Tokyo, Kuroshio) 1998. 693 p.
33. メイナード泉子 K. 談話表現ハンドブックー日本語教育の現場で使える(Maynard Senko K. Guidebook on Japanese discourse expressions – for use in teaching Japanese. Tokyo, Kuroshio) 2005. 505 p.

About the author:

Sergey Vladimirovich Chironov – PhD in Linguistics, Assistant Professor, Head of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian linguistics, MGIMO. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru.

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-49-54

ПРОБЛЕМЫ ПЕРСИДСКО-РУССКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

М.А. Амири

Гилянский университет,
Исламская Республика Иран, 4199613776, г. Решт, пр. Персидский залив

Неуклонно расширяющиеся международные контакты выявляют особую значимость изучения и перевода различного рода документации и юридических текстов. Этот достаточно сложный процесс сопряжён с целым рядом проблем, с которым сталкивается переводчик. Проблемы перевода юридических текстов усугубляются несоответствием правовых систем обществ, в основе которого лежат социальные, культурные, этнические, религиозные и другие различия, оказывающие непосредственное влияние на правовую систему и, как следствие, юридическую терминологию языка. В данной статье рассматриваются проблемы персидско-русского перевода юридических текстов, имеющих культурно-религиозную специфику. В последнее время ирано-российские отношения развиваются особенно активно. В связи с этим особую актуальность приобретает перевод текстов юридического характера, к числу которых относятся документы, удостоверяющие личность, регулирующие брачно-семейные отношения, вопросы наследования и т.п. Персидско-русский перевод данных документов вызывает множество вопросов и проблем ввиду своего культурно-религиозного характера. Проблемы обостряются отсутствием специализированных словарей, баз данных и электронных ресурсов. В настоящей статье представлены некоторые пути решения указанных проблем, а также даны практические рекомендации на примере перевода брачного договора.

Ключевые слова: *юридический перевод, проблемы перевода, брачный договор, персидско-русский перевод, юридическая терминология*

Юридический перевод по праву можно назвать одним из самых трудных видов перевода, вызывающих множество проблем для переводчиков. Для того, чтобы выполнить качественный перевод юридического текста, переводчик должен обладать не только обычными навыками перевода, но и обширными знаниями в области права, а также соответствия юридической терминологии исходного языка и языка перевода. «Юридический перевод не может быть осуществлён корректно без использования специальных познаний в соответствующей области права, без знания специфики конкретного вида правоотношений» [12, с. 12].

Тексты юридического характера родственных языков или близких по правовой системе государств обладают высокой степенью переводимости. При этом степень переводимости отдельных юридических текстов, тесно связанных с религиозными и культурными аспектами жизни того или иного народа, оказывается крайне низкой. В данных случаях переводчику невозможно передать значения отдельных терминов без дополнительных комментариев.

Юридическая манера изложения отличается особым формализмом, проявляющимся в многосложных предложениях, специфической терминологии и специальных оборотах речи. Однако точный перевод юридической документации не обусловлен лишь совершенным владением терминологией и правилами составления подобного рода текстов. Помимо этого, перевод-

чику нужно обладать ещё и превосходным знанием культурной специфики обществ, на языки которых осуществляется перевод.

«Правовые понятия и нормы могут быть выражены только посредством языка» [11, с. 35]. Как быть, если язык перевода не способен в точности передать все тонкости юридической терминологии исходного языка ввиду отсутствия эквивалентных или по крайней мере приблизительных по значению слов?

Проблема перевода юридических текстов с персидского языка на русский язык исследована недостаточно, что крайне затрудняет выполнение таких переводов. Также, в персидском языке существует большое количество текстов официально-делового стиля, которые до сих пор не переведены на русский язык.

Тексты юридического характера должны иметь «клишированную форму, а информация, содержащаяся в них, должна оформляться раз и навсегда установленным образом, согласно строгим конвенциям» [1, с. 282]. Но определённых конвенций для персидско-русского перевода юридических текстов, к сожалению, не существует.

Отсутствие специальных юридических словарей, сборников или электронных ресурсов, посвящённых персидско-русскому переводу текстов юридического характера, затрудняет задачу перевода и вынуждает переводчика искать свои пути решения данной проблемы. Причём если переводчик не обладает достаточными познаниями в культурно-религиозной сфере носителей персидского языка, его решения окажутся ошибочными.

Стиль языка юридической документации канцелярский, то есть содержит обилие клише, архаичную лексику, имеет сложный громоздкий синтаксис [2, с. 92]. Это в полной мере можно отнести к юридической документации Ирана. При этом персидский язык права изобилует заимствованными из арабского языка конструкциями и словосочетаниями. Поэтому дополнительным и крайне необходимым условием качественного перевода является знание арабской грамматики и правовой терминологии.

Одна из основных проблем перевода в целом заключается в том, чтобы максимально полно и точно передать значение переводимого текста средствами языка перевода. Однако не следует забывать о том, что «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника. Задача переводчика заключается в том, чтобы сделать эту эквивалентность как можно более полной» [4, с. 11].

Основная проблема при этом заключается в том, что перевод терминов юридического характера всегда представляет собой передачу значений из одной правовой системы в другую. Между тем, право уходит своими корнями в национальную культуру, в результате чего «наблюдаются существенные различия в правовых системах стран, принадлежащих даже к одной правовой семье» [7, с. 351]. Именно подобного рода различия и вызывают трудности при переводе.

Каждое государство имеет свою юридическую систему. Язык каждого народа содержит присущие только ему юридические термины. Своеобразие любого национального языка права обусловлено его неразрывной связью с соответствующей правовой системой государства. Язык права отражает специфику присущей данной стране юридической системы, зачастую не имеющей аналогов в других странах, и таким образом создаёт трудности для переводчика.

Чаще всего трудности перевода возникают в случаях, когда переводимый текст относится к области, в которой национальная специфика юридической системы отражена в полной мере. Это процессуальное право, семейный кодекс, административное устройство.

Заметим, что вопросы личного статуса (брачно-семейные и наследственные отношения) в Иране регулируются мусульманским правом (шариатом). К числу подобного рода документов и относится брачный договор.

Так как Иран является исламским государством и религия глубоко интегрирована в общественную и политическую жизнь страны, официальные документы начинаются со слов суры Аль-Фатиха, первой суры Корана: [бисмиллāhир-рāhмани-р-рāhим] – «Во имя Аллаха милостивого и милосердного». Однако перевод данной суры в официальных документах обычно опускается.

Составляемый в Иране брачный договор начинается с арабского изречения «*ховā-ль муаллиф бāйн-аль-гулуб*», что в переводе означает «Он (Господь) – тот, кто примиряет (объединяет) сердца». Очевидно, что указание перевода данного изречения не является обязательным.

На персидском языке брачный договор называется «*сāнāде эздевāj*», что в буквальном переводе означает «документ о браке». Здесь переводчик должен выбрать наиболее подходящий

по смыслу и содержанию перевод наименования данного документа.

Как утверждал В. Гумбольдт, «каждый язык выражает понятие (пусть даже и немного) иначе, чем другой. Два языка – два мировидения. Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения её» [6, с. 349]. Так и само понятие брачного договора отличается в русском и персидском обществах и, как следствие, языках.

Брачный договор в России – это соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. В пункте 1 статьи 41 Семейного Кодекса РФ говорится, что брачный договор может быть заключён как перед вступлением в брак (в таком случае он приобретает юридическую силу с момента государственной регистрации брака), так и в любое время, пока люди состоят в браке (в таком случае он является заключённым с момента его нотариального удостоверения) [9]. Брачный договор может действовать на протяжении брака и может быть расторгнут в любой момент по взаимному соглашению супругов.

Брачный договор в Иране представляет собой официальный документ, удостоверяющий факт заключения брака между супругами. Ввиду этого он составляется только во время бракосочетания. Это своего рода Свидетельство о заключении брака, к которому прилагается перечень условий, при которых супруга (а не супруг) вправе подать на развод. Ввиду этого брачный договор вручается супруге, дабы она могла воспользоваться им в указанных в документе случаях для получения развода.

Таким образом, первой проблемой, с которой сталкивается переводчик, является выбор подходящего термина для перевода наименования документа: «Свидетельство о заключении брака» или «Брачный договор»? Ни один из этих терминов не соответствует в полной мере форме и содержанию составляемого в Иране документа о бракосочетании. Тем не менее из двух вариантов мы отдаём предпочтение термину «Брачный договор» как наиболее подходящему, так как по своему содержанию он превосходит свидетельство о заключении брака.

В иранском брачном договоре указываются паспортные данные, адреса места жительства, вероисповедание и профессии супругов, а также паспортные данные свидетелей бракосочетания. Далее указывается «махр» (*mähp*) – имущество, предоставляемое супругом супруге при заключении брака – и перечень условий, при которых супруга имеет право подать на развод. Каждое из условий подписывается супругами.

При переводе любого документа юридическая терминология должна быть чёткой, а формулировки не должны содержать неясности или двусмысленности. Однако не всегда легко найти эквивалент какому-либо фиксированному сочетанию или встретившемуся термину. «Главным образом, проблемы у переводчика текста юридической направленности возникают из-за того, что в языке перевода отсутствуют словесные конструкции, которые достаточно точно могли бы описать термины исходного языка» [3, с. 27]. Так, упоминаемый в брачном договоре *махр* или *садак* не имеет эквивалента в русском языке. Точный размер или стоимость махра не определены. Размер махра определяется по обоюдному согласию супругов. Не существует ограничений и для вида махра. Махром может служить всё, что имеет материальную, социальную или прочую ценность. Это может быть золото, серебро, недвижимость, наличные деньги, бытовая техника, паломничество в Мекку и даже обучение Корану.

В большинстве случаев махр иранских невест составляет экземпляр Священного Корана определённой стоимости, зеркало и пара подсвечников, ветвь сахара-кандиса, а также определённое количество отчеканенных в Иране золотых монет. Количество монет может соответствовать году рождения невесты, количеству сур Корана, количеству имамов или просто определяться по согласию супругов или чаще их родителей.

Махр должен выплачиваться супругом при первом требовании супруги. Однако обычно выплата махра является для супруги гарантом того, что в случае развода она получит от супруга определённую сумму денег.

Очень часто слово «махр» ошибочно переводится как «калым». Переводчику необходимо знать, что калым – это выкуп за невесту, который выплачивается семье невесты.

Изучая проблемы, с которыми сталкивается переводчик терминов юридического текста, отметим, что известный немецкий юрист Э. Рабель предупреждал о «бесконечных проблемах, возникающих при сравнительном изучении различных правовых систем, в частности при овладении иностранным языком и подъязыком права, подготовке литературного аппарата, проникновении в дух иностранного права, что по-

зволяет судить об отдельной правовой норме только во взаимосвязи с правовой системой в целом» [8, с. 41].

Так и при переводе иранского брачного договора мы сталкиваемся с проблемой сравнения российской и иранской правовых систем.

В составляемом в Иране брачном договоре оговариваются условия, при которых супруга вправе подать на развод. В тексте брачного договора говорится, что супруг предоставляет супруге доверенность без права отзыва и с правом передоверия, чтобы она в случае возникновения описанных в договоре обстоятельств могла обратиться в суд и получить развод. Одним из таких обстоятельств является отказ супруга от выплаты нафаги. «Нафага» (*нäфäґе*) – это ежедневные расходы и потребности супруги. Это понятие распространяется на питание, жилье, одежду, средства домашнего обихода, лечебные расходы, путешествия, а также обслуживающий персонал в случае, если супруга привыкла или нуждается в обслуге.

Подписывая брачный договор, супруг обязуется обеспечить жену нафагой. В противном случае она вправе подать на развод.

«Нафага» обычно переводится как «алименты». Алименты – это «денежные средства, которые – в соответствии с определёнными статьями закона – регулярно выплачиваются на содержание несовершеннолетних или нетрудоспособных членов семьи лицами, находящимися с ними в родственных отношениях» [10].

Как видим, значение слова «алименты» не соответствуют значению слова «нафага». Алименты выплачиваются на содержание несовершеннолетних или нетрудоспособных членов семьи, но никак не на содержание супруги. Кроме того, алименты на ребёнка выплачиваются в случае развода, в то время как нафага выплачивается супругом в браке.

Учитывая указанные несоответствия значений этих двух слов, представляется наиболее правильным транскрибировать слово «нафага» и дать развёрнутые пояснения в скобках.

В любом языке существуют специфические устойчивые словосочетания, не имеющие полного соответствия в других языках. Наличие подобного рода слов и словосочетаний в тексте юридического характера делает перевод ещё более проблематичным.

Подобно прочим специализированным сферам, юридический перевод сопряжён с некоторыми дополнительными трудностями ввиду необходимости переводчику обладать совершенными знаниями в исследуемой области для того, чтобы «выстроить предложения в логически связанный текст без противоречий и недопонимания» [5, с. 78].

В составляемом в Иране брачном договоре упоминается брачная «хутба». Хутба – это проповедь, которая произносится (обычно имамом) в мечети во время пятничного богослужения и некоторых праздников [13].

Под понятием «хутба» в брачном договоре подразумевается брачная проповедь или молитва, зачитываемая нотариусом конторы регистрации браков от имени брачующихся.

При этом в тексте брачного договора мы встречаем ещё два термина, вызывающие сложность при переводе: «тäрäф-е иджаб» и «тäрäф-е гäбул». Это тот случай, когда переводчику не обойтись без знания грамматики арабского языка. Слова «иджаб» и «гäбул» на арабском языке означают «предложение» и «согласие», а термины переводятся как «предложившая сторона» и «принявшая сторона». В исламской юриспруденции эти термины применяются при заключении любого рода договора. Брачный договор не составил исключения. Сторонами этого договора являются супруг и супруга. Однако вопреки мнению, которое может сложиться на первый взгляд, «предложившей стороной» или стороной, сделавшей предложение, является вовсе не супруг, а отец или опекун невесты, предлагающий жениху взять эту девушку в жёны. А супруг, соответственно, оказывается стороной, принявшей предложение отца или опекуна невесты.

Как видим, заключаемый в Иране брачный договор в корне отличается от брачных договоров, присущих России и другим странам. Изобилие арабо-исламской терминологии затрудняет перевод и вынуждает переводчика давать необходимые пояснения к незнакомым русскоязычному читателю словам.

Переводчик должен понимать, что текстовым конвенциям персидского языка присущ культурно-религиозный характер, чего нельзя сказать о конвенциях русского языка. Ввиду этого языковые конструкции юридических текстов персидского языка не имеют и не могут иметь точных эквивалентов в языке перевода. Таким образом, переводчик обязан найти в языке перевода (в данном случае русском языке) наиболее подходящие конструкции, имеющие аналогичные функции. В случае отсутствия указанных конструкций в языке перевода переводчику не-

обходимо дать развёрнутые комментарии к переводимым понятиям.

Также переводчику необходимо избегать перевода исламских фраз и изречений, не имеющих прямого отношения к переводимому тексту. Составление специализированных словарей, создание единой базы данных, а также интернет-ресурсов, где переводчики могли бы обмениваться опытом, может способствовать существенному улучшению качества персидско-русского перевода юридических текстов.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Academia, 2006. 282 с.
2. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. 184 с.
3. Алимов В. В. Юридический перевод. Практический курс. Английский язык. М.: Ком Книга, 2005. 160 с.
4. Бархурдаров Л.С. Язык и перевод. М., 1975. 240 с.
5. Гамзатов М. Г. Техника и специфика юридического перевода: Сб. статей. СПб., 2004. 184 с.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
7. Панкратова Е.А. Особенности межкультурной коммуникации специалистов юридического профиля // Языки профессиональной коммуникации : матер. междунар. науч. конф. / отв. ред. Е.И. Голованова. Челябинск: ЧГАКИ, 2003. 351 с.
8. Рабель Э. Задачи и необходимость сравнительного правоведения / пер. с нем.; под науч. ред. проф. Б.М. Гонгало. Екатеринбург: Рос. шк. частного права (Уральское отделение), 2000. 48 с.
9. Семейный кодекс РФ. Режим доступа: http://rulaws.ru/Semeynyy-kodeks/Razdel-III/Glava-8/Statya-41/ (Дата обращения: 20.06.2018).
10. Толковый словарь Ефремовой. 2012 Режим доступа: https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/260321.html (Дата обращения: 20.06.2018).
11. Томсон Г.В. Курс юридического перевода (гражданское и торговое право). М.: МГИМО, 2004. 170 с.
12. Федотова И.Г. Юридические понятия и категории в английском языке. Обнинск, 2000. 431 с.
13. Энциклопедический словарь. Режим доступа: http://tolkslovar.ru/h2531.html (Дата обращения: 02.06.2018).

Сведения об авторе:

Амири Маниже Алиаскеровна – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка, Гилянский университет (г. Решт, ИРИ). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика русского языка, переводоведение, лингвокультурология, лексикология. E-mail: arveen@mail.ru.

PROBLEMS OF PERSIAN-RUSSIAN LEGAL TRANSLATION ON THE EXAMPLE OF MARRIAGE CONTRACT

Manizhe A. Amiri

University of Guilan,
Islamic Republic of Iran, 4199613776, Rasht, the Persian Gulf ave.

The Abstract: *The ever-expanding international contacts reveal a great importance of studying and translating various kinds of documents and legal texts. This rather complicated process involves a number of problems that a translator needs to overcome. The problems of legal texts translation are aggravated by the discrepancies between the legal systems of societies with social, cultural, ethnic, religious and other differences underlying them that find their reflection in different legal terminology systems. This article deals with the problems of Persian-Russian translation of legal texts with cultural and religious specifics. Recently, Iranian-Russian relations have been developing really actively. In this regard, the translation of legal texts, which include documents of identity, marriage and family relations regulations, inheritance, etc., is of particular relevance. The Persian-Russian translation of these documents raises many questions and problems due to its cultural and religious nature. Problems are exacerbated by the lack of specialized*

dictionaries, databases and electronic resources. This article presents some ways of solving these problems, as well as practical recommendations on the example of the translation of marriage contracts.

Key Words: *legal translation, translation problems, marriage contract, Persian-Russian translation, legal terminology*

References

1. Alekseyeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to translation studies]. M.: Academia. 2006. 282 p.
2. Alekseyeva I.S. Tekst i perevod. Voprosy teorii [Text and translation. Theory]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniia [International relations]. 2008. 184 p.
3. Alimov V. V. Iuridicheskiy perevod. Prakticheskiy kurs. Angliyskiy iazyk [Legal translation. Practical course. The English language]. M.: Kom Kniga. 2005. 160p.
4. Barkhudarov L.S. Iazyk i perevod [Language and translation]. M. 1975. 240 p.
5. Gamzatov M. G. Tekhnika i spetsifika iuridicheskogo perevoda [Technique and specifics of legal translation]: Sb. Statey [collected papers]. SPb. 2004. 184 p.
6. Gumboldt V. Izbrannye trudy po iazykoznaniiu [Selected works on linguistics]. M.: Progress. 1984. 400 p.
7. Pankratova E.A. Osobennosti mezhkulturnoi kommunikatsii spetsialistov iuridicheskogo profilia [Features of intercultural communication of legal specialists] // Iazyki professionalnoi kommunikatsii [Languages of professional communication]: mater. mezhdunar. nauch. konf. [Proceedings of the international scientific conference] / otv. red. [executive editor] E.I. Golovanova. Chelyabinsk : ChGAKI. 2003. 351 p.
8. Rabel E. Zadachi i neobkhodimost sravnitelnogo pravovedeniia [Objectives and necessity of comparative law] / per. s nem. [translation from German]; pod nauch. red. prof. [under the scientific editorship of Professor B.M. Gongalo]. Ekaterinburg: Ros. shk. chastnogo prava (Uralskoye otdeleniye) [Russian school of private law (Ural branch)]. 2000. 48 p.
9. Semeiny kodeks RF [The Family Code of the Russian Federation]. Available at: http://rulaws.ru/Semeynyy-kodeks/Razdel-III/Glava-8/Statya-41/ (accessed 20 June 2018).
10. Tolkovy slovar Efremovoi [Explanatory dictionary of Ephremova]. 2012 Available at: https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/260321.html (accessed 20 June 2018).
11. Tomson G.V. Kurs iuridicheskogo perevoda (grazhdanskoe i torgovoe pravo) [Legal translation course (civil and commercial law)]. M.: MGIMO. 2004. 170 p.
12. Fedotova I.G. Iuridicheskie poniatiia i kategorii v angliyskom iazyke [Legal concepts and categories in English]. Obninsk. 2000. 431 p.
13. Entsiklopedicheskiy slovar [Encyclopaedic dictionary]. Available at: http://tolkslovar.ru/h2531.html (accessed 02 June 2018).

About the author:

Manizhe A. Amiri – PhD, Assistant Professor of Department of the Russian Language, University of Guilan (Rasht, Islamic Republic of Iran). Spheres of research and professional interest: Russian grammar, translation studies, cultural linguistics, lexicology. E-mail: arveen@mail.ru.

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-55-62

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛАКУН В ДИСКУРСЕ ООН

О.А. Егорова, А.А. Погонина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются особенности перевода лакун в дискурсе Организации Объединённых Наций (ООН), выявляются методы их элиминации с учётом характерных особенностей дискурса ООН. Подчёркивается наличие тесной связи между лакунами, неологизмами, терминами, профессионализмами и неосвоенными заимствованиями. Приводится классификация лакун данного дискурса и наиболее распространённые методы их элиминации. Исследование проводится в русле классической теории перевода.

В работе делается общий вывод о том, что особенности дискурса ООН определяют специфику представленных в нём лакун и способы их элиминации при переводе. В ходе исследования выявлены наиболее распространённые типы лакун, наиболее и наименее употребляемые методы их перевода. Результаты данной работы могут в будущем стать основой для дальнейших исследований дискурса ООН, проблем перевода текстов этого дискурса, а также лакунологии в целом.

Результаты проведённого исследования могут оказаться полезными студентам, изучающим теорию и практику перевода; практикующим переводчикам, желающим сдать профильный экзамен для устройства на работу в международную организацию, а также преподавателям, ведущим обучение соответствующим дисциплинам.

Ключевые слова: *лакуны, Организация Объединённых Наций, перевод, теория перевода, способы элиминации лакун, лакуны-термины, лакуны-неологизмы, лакуны-составные слова*

Лакуны и лакунарность привлекают внимание лингвистов с начала 1950-х годов XX века. Наибольший интерес учёных всегда вызывали культурологический и когнитивный аспекты лакунарности. В связи с этим в качестве материала для исследований использовались в основном тексты художественного и публицистического стилей. Достаточно, например, вспомнить работу С.И. Влахова и С.П. Флорина «Непереводимое в переводе» [2].

Несмотря на это в текстах других функциональных стилей и дискурсов можно также найти немало лакун, интересных для переводчика с теоретической и практической точек зрения. Именно поэтому для данного исследования в качестве материала были выбраны *малоизученные* тексты ООН. Они подлежат переводу на шесть языков, в том числе русский, что позволяет изучить методы, используемые переводчиками ООН, для элиминации лакун при переводе с английского на русский язык.

Объект настоящего исследования – тексты организаций системы ООН, предназначенные для письменного и синхронного перевода. **Предмет исследования** – использующиеся при переводе таких текстов методы элиминации лакун.

Цель исследования заключается в выявлении основных методов элиминации лакун с учётом специфики дискурса ООН в условиях письменного и синхронного перевода.

Теоретическую базу данного исследования составили концепции отечественных специалистов в области теории перевода, культурологии, когнитивистики, лексикологии [1, 2, 4, 5, 9].

В качестве материала использовались тексты дискурса ООН, предназначенные как для письменного, так и для синхронного перевода. Всего было проанализировано 89 примеров из более 40 источников. В рамках исследования были применены следующие методы: метод произвольной выборки и статистического анализа, а также метод выявления лакун путём сравнения текстов на исходный язык (ИЯ) и переводной язык (ПЯ).

В своей работе для выявления лакун мы пользовались определением Л.С. Бархударова, использовавшего термин «случайная лакуна»: «единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка» [1, с. 95]. Как поясняет термин Леонида Степановича Д.И. Ермолович: «…случайная лакуна… должна относиться не к специфическому понятию, а к понятию, концептуально известному носителям языка перевода, но не имеющему в нём словарного обозначения» [7]. Наиболее актуальным для изучения особенностей перевода лакун в текстах ООН оказался именно такой подход (а не, скажем, культурологический Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной [5] или предметный С.И. Влахова и С.П. Флорина [2]).

Для того чтобы наиболее полно изучить особенности перевода лакун ООН, необходимо сначала дать лингвистическую характеристику дискурсу этой организации.

Результаты исследования показали, что тексты ООН можно условно разделить на две группы: **рабочие документы ООН** (мы использовали, в частности, «Обзор доклада о торговле и развитии» за 2012, 2015, 2016 и 2017 годы), предназначенные для письменного перевода, и **речи**, произносимые главами государств и правительств на Генеральной Ассамблее, на которой обычно осуществляется синхронный перевод (например, нами были проанализированы выступления Генерального секретаря ООН Антонио Гуттериша, действующего президента США Дональда Трампа, экс-президента США Барака Обамы, премьер-министра Великобритании Терезы Мэй).

Первые в подавляющем большинстве случаев можно отнести к **официально-деловому стилю, дипломатическому подстилю**. Его главными характеристиками являются точность изложения, стандартизированность, отсутствие эмоциональности и экспрессивности, частое использование специальной терминологии и канцеляризмов.

Речи на Генеральной Ассамблее можно отнести к **ораторскому гиперстилю**. Он отличается от традиционного публицистического тем, что в нём прослеживается традиционная связь с «разговорно-бытовым стилем, сохраняя его определённые черты» [12]. В частности, возможно употребление разговорной лексики, фразеологических оборотов, что обусловлено желанием оратора оказать на свою аудиторию эмоциональное воздействие.

Дискурс ООН является **институциональным дискурсом**, то есть дискурсом определённого общественного института, представляющего собой «сложный феномен культуры в его духовном и материальном выражении» [6] и сочетает в себе особенности дипломатического, политического и научного дискурсов. Это, в свою очередь, указывает на **интердискурсивность** таких текстов, то есть «способность дискурса манифестировать свои базовые системообразующие признаки в нетипичной для него ситуации (которая по внешним признакам относится к другому типу дискурса); расширять свои границы, «проникать» в другой дискурс» [6]. Иными словами, в таких текстах присутствует терминологическая лексика из самых разных областей человеческого знания, лакунизированные фразеологические обороты, авторские неологизмы и т.п.

Такие характерные черты дискурса ООН, в частности политическая составляющая, налагают на переводчика ограничения, особенно в том, что касается точности.

Кроме того, лакуны в дискурсе ООН имеют две важные особенности: они тесно связаны с неологизмами и терминами. В частности, Н.И. Дзенс [3] прямо называет термины и неологизмы «временными лакунами». По мнению В.Н. Комиссарова, большинство слов, возникающие в языке сегодня – «это термины, отражающие появляющиеся новые понятия экономики, «особое внимание обращают на себя новообразования в лексике политического дискурса» [10].

Рассмотрим сначала лакунизированные **термины**. Многие англоязычные термины являются для русского языка лакунами, и для обеспечения эквивалентности перевода их необходимо передавать средствами терминологической системы русского языка.

В среде специалистов сегодня не существует общепризнанного определения понятия «тер-

мин». Так, термину может даваться следующая дефиниция: «специальное слово или выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной среде или профессии», «имя с оттенком специального (научного) его значения, уточняемого в контексте какой-либо теории или отрасли знания».

Такие разночтения позволяют нам рассматривать в данном исследовании не только классические термины, но и так называемые «**ключевые слова**» – «слово, которое связано с определённой политической темой, имеет ограниченное употребление во временном, социальном и локальном аспектах» [10]. А.П. Чудинов, в свою очередь, пишет о словах «обозначающих соответствующие узловые точки и ценности» [13]. Я.А. Нестерова, Т.В. Чернуха полагают, что «многократно повторяющийся контекст обретает системную силу, которая конденсирует наиболее актуальный текстовой смысл, превращая его в термин, выступающий в роли символа» [8].

Следует отметить, что такие ключевые слова могут быть выражены не только терминами, но и единицами общеупотребительной лексики, неологизмами и в процессе перевода становиться лакунами. Нередки случаи, когда такое ключевое слово является одновременно и неологизмом, и лакуной, и термином, что, конечно, представляет для переводчика особую сложность.

Такие псевдо-термины представляют особый интерес, поскольку, если в случае с настоящими терминами, переводчик может использовать специальные словари, то лакунизированные ключевые слова обычно недостаточно отражены в англо-русских словарях. Современные электронные ресурсы предлагают большое количество неосвоенных заимствований в качества вариантов перевода, и поиск удачной формулировки может занять у переводчика долгое время.

Проблема перевода лакунизированных терминов связана также с использованием или отказом от использования в тексте языка перевода (ПЯ) **профессионализмов**. Профессионализм – это слово, «распространённое в разговорной речи людей какой-то профессии, специальности, но не являющееся строгим научным обозначением понятия» [11]. Многие английские лакунизированные термины не имеют общепринятых вариантов перевода, понятных неспециалистам, но существует вариант их перевода, ограниченный профессиональной средой.

Так, например, при создании русскоязычной версии официального сайта МАГАТЭ переводчики столкнулись со следующей переводческой задачей. Один из подразделов сайта называется “b-roll”. Поскольку этого слова нет в словаре OALD, то приведём определение из англоязычной версии Википедии: “In film and television production, B-roll, B roll, B-reel or B reel is supplemental or alternative footage intercut with the main shot” [14]. В среде российских журналистов существует подобное явление, и для его обозначения используется слова «флоты» или «окна». Подобные профессионализмы от описательного варианта перевода выгодно отличает их краткость: в данном случае это важно, поскольку речь идёт о названии раздела, и желательно, чтобы оно было односложным. Тем не менее значение слов «флоты» и «окна» будет понятно и узнаваемо только для журналистов, поэтому использовать их в тексте переводного языка (ПЯ) не представляется возможным. По этой причине было принято решение в качестве официального варианта перевода использовать вариант «исходный видео-материал».

На таком примере можно увидеть, что часто для перевода термина с исходного языка (ИЯ) на переводной язык (ПЯ) приходится использовать словосочетание, не являющееся термином в переводном языке (ПЯ) и не воспринимающееся как таковое читателем текста переводного языка (ПЯ). Тем не менее основная задача переводчика – сделать текст переводного языка (ПЯ) понятным читателю, то есть обеспечить межкультурную коммуникацию, не нарушая при этом норм языка перевода. Основная задача термина заключается в том же самом. Если целевая аудитория текста будет знакома с русскоязычным профессионализмом, тогда переводчик имеет право его использовать. В случае с переводом сайта МАГАТЭ целевая аудитория предельно широка, следовательно, вариант перевода должен также быть понятен любому читателю, владеющему русским языком.

Наоборот, если текст переводного языка (ПЯ) предназначен для специалистов, то переводчик может остановить свой выбор на профессионализме и перевести, например, лакунизированный термин “to outage reserve capacity” профессионализмом «останов»:

As an active participant in the High-level Group on the Security of the Supply of Medical Radioisotopes, Australia also encouraged Member States to ensure that ageing management of re-	В качестве активного участника Группы высокого уровня по надежности поставок медицинских радиоизотопов Австралия призывает также государства-члены к тому, чтобы

actors was conducted with due attention to the principles of full-cost recovery, to **outage reserve capacity** and to minimization of the use of HEU.	управление старением реакторов осуществлялось с уделением должного внимания принципам полного возмещения расходов, обеспечению мощностей на случай **останова реакторов** и минимизации применения ВОУ.

Связь лакун и неологизмов особенно ярко проявляется в речах, произносимых на Генеральной Ассамблее. В этом заключается одна из характеристик ораторского гиперстиля: использование средств речевой выразительности для привлечения внимания слушателя. В таких речах нам встретились узуальные и неузуальные неологизмы (которые уже по самой своей природе для переводного языка (ПЯ) являются лакунами).

Например, в своём выступлении на 72-й сессии Генеральной Ассамблее ООН Д. Трамп использовал следующий **политический окказионализм**:

Rocket Man is on a suicide mission for himself and for his regime.	**Человек, одержимый ракетами**, ставит перед собой и своим режимом самоубийственную задачу.

В данном исследовании мы столкнулись с ещё одним аспектом перевода лакунизированных неологизмов: **освоенными и неосвоенными заимствованиями**.

As happened in 2008−2009, a fallout in a major developed economy financial market could induce significant reversal in financial flows as part of a new round of **deleveraging**.	Как уже происходило в 2008–2009 годах, негативные явления на финансовом рынке одной из развитых стран могут вызвать обращение вспять значительной части финансовых потоков в рамках нового раунда **снижения долговой нагрузки**.
To enhance the understanding of gender issues among staff and increase their ability to include gender considerations in their analytical and technical cooperation work, UNCTAD is carrying out training programmes on **gender mainstreaming** for different groups of staff.	Для улучшения понимания гендерных вопросов сотрудниками ЮНКТАД и расширения их возможностей учитывать гендерные аспекты в своей аналитической деятельности и в работе по оказанию технической поддержки, ЮНКТАД проводит для разных групп сотрудников обучающие программы по **обеспечению всестороннего учёта гендерной проблематики**.

Говоря о заимствованиях вообще, нужно отметить, что перед нами встаёт непростой выбор: передавать ли лакуну, лакунизированный неологизм или термин кратким и ёмким заимствованным словом или использовать иногда довольно многословный описательный перевод. На такой вопрос нет однозначного ответа, однако наше исследование показало, что переводчики ООН в целом стремятся избегать неосвоенных заимствований. Так, при переводе речей на Генеральной Ассамблее, относящихся к ораторскому гиперстилю, использование заимствований в целом более приемлемо, чем в рабочих текстах ООН по экономической или ядерной тематике.

В ходе работы были проанализированы 89 примеров из более 40 источников – текстов организаций системы ООН и были выявлены следующие типы лакун в дискурсе ООН: лакуны-термины (29 примеров), классические лакуны (22 примера), лакуны-составные слова (11 примеров), контекстуальные лакуны (12 примеров), лакунизированные устойчивые выражения (10 примеров) и стилистические лакуны (5 примеров).

Группа **лакун-терминов** включает в себя как настоящие лакунизированные термины, так и ключевые слова (см. выше). Например:

Классическими лакунами мы называем такие лакуны, которые характерны не только для дискурса ООН. Далее рассматриваются примеры и возможные подходы к переводу такого типа лакун. Например:

Experience has also shown that harsh **crackdowns** and heavy-handed approaches are counterproductive.	Опыт также показывает, что **затягивание гаек** и жёсткие подходы контрпродуктивны.

Ещё один интересный вид лакун, встретившийся нам в нашем исследовании, – лакуны-составные слова. Часто переводчики сталкиваются с морфемами “-side”, “-driven”, “-centered” в разных сочетаниях, что позволяет выявить наиболее удобные варианты перевода, употребляемые в разных контекстах.

We have launched a new **victims-centered approach** to preventing sexual exploitation and abuse.	Мы приняли **новый подход, в рамках которого основное внимание уделяется жертвам**, с тем, чтобы предотвращать сексуальную эксплуатацию и злоупотребления.
Our Declaration was appropriately titled: “The Millennium Development Goals” and they were **time-bound and target-driven**.	Наша декларация была уместно озаглавлена «Цели развития тысячелетия», и в её рамках были **поставлены чёткие сроки и цели**.

This owes much to the adoption of expansionary **demand-side policies**.	Это во многом обусловлено **политикой стимулирования спроса**.

Контекстуальные лакуны – это выражения, состоящие из нескольких лексических единиц, которые по отдельности не являются лакунами, но в сочетании не имеют краткого полного варианта перевода. Например, глагол "to retreat" в большинстве случаев не является лакуной, однако в составе словосочетания "to retreat inwardly" может рассматриваться как таковая.

The rich must resist the temptation to **retreat inwardly** at this time, as this can shut down the global economic engine.	Сегодня богатые страны должны противостоять искушению **сосредоточиться на внутренних делах**, поскольку это может привести к выключению глобального экономического двигателя.

В дискурсе ООН достаточно широко распространены **лакунизированные устойчивые выражения**:

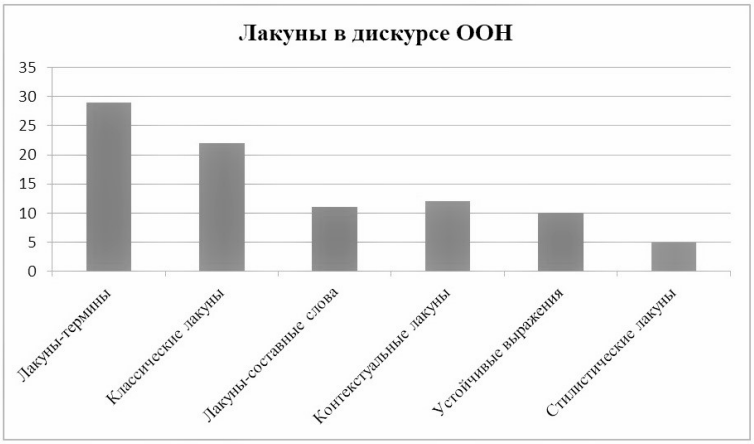
Back in mid-2014, following a prolonged period of crisis management, there seemed to be a sense of "**business as usual**" returning to policy circles.	В середине 2014 года после продолжительного «чрезвычайного» периода в политических кругах появилось чувство, что **жизнь возвращается в нормальное русло**.
In America, we do not seek to impose our way of life on anyone, but rather **to let it shine** as an example for everyone to watch.	В Америке мы не стремимся никому навязывать наш образ жизни, скорее мы хотели бы, чтобы он **говорил сам за себя** и был примером для всех.
If we are to address the challenge they pose, we need to devise mechanisms for **bringing industry inside the ten**t.	Если мы хотим ответить на вызов, который они собой представляют, нам необходимо разработать механизмы **для осуществления контроля в этой отрасли**.

Стилистические лакуны связаны с желанием автора текста оказать на получателя сообщения определённое воздействие. Эта цель может достигаться путём введения в текст исходного языка (ИЯ) неологизма (окказионализма), стилистическими приёмами. Такие лакуны характерны в основном для выступлений на Генеральной Ассамблее:

Rogue regimes represented in this body not only support terrorists but threaten other nations and their own people with the most destructive weapons known to humanity	**Нерадивые режимы**, представленные в этом органе, не только поддерживают террористов, но и угрожают другим странам, собственному населению самыми разрушительными видами вооружений, известными человечеству.
It has turned a wealthy country with a rich history and culture into an economically depleted **rogue state** whose chief exports are violence, bloodshed, and chaos.	Богатейшая страна с богатейшей культурой и историей превратилась в экономически обнищавшее **государство-изгой**, главный предмет экспорта которой – насилие, кровопролитие и хаос.

Результаты исследования показали следующее: самым распространённым типом лакуны оказалась лакуна-термин, что можно объяснить стремлением текстов ООН к большей точности и обилием ключевых слов. Наименее распространённой стала стилистическая лакуна, поскольку художественная выразительность для текстов ООН, относящихся к дипломатическому стилю, не характерна: все примеры были взяты из текстов ораторского гиперстиля (см. Таблицу 1).

Таблица 1

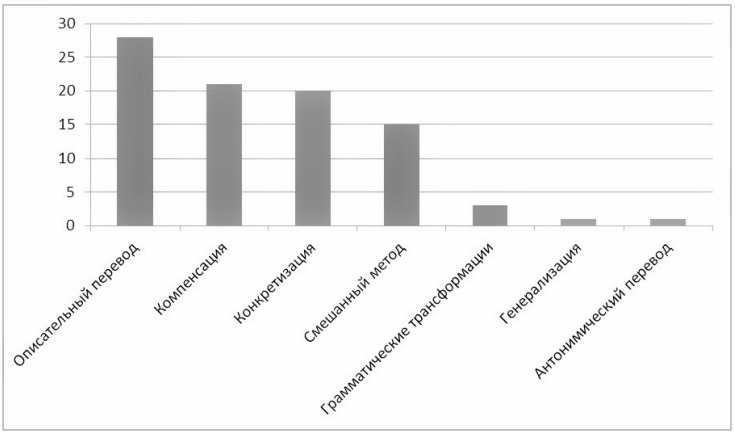


Источник: таблица составлена на основе данных, полученных в ходе исследования

Самым широко используемым методом элиминации лакун в текстах дискурса ООН оказался описательный перевод и конкретизация (см. Таблицу 2). Такой результат связан, прежде всего, со строгими требованиями к точности перевода такого рода текстов. Кроме того, в них можно встретить большое количество терминов, опорных слов, неологизмов, что требует от переводчика как можно более полной передачи всего смыслового наполнения лакун. Такие методы, как добавление, опущение, калькирование, транскрипция и транслитерация, не использовались. Следует также отметить, что описательный перевод в виде внутритекстовых, затекстовых или подстрочных сносок при переводе текстов ООН также не применяется.

Таблица 2

Методы элиминации лакун

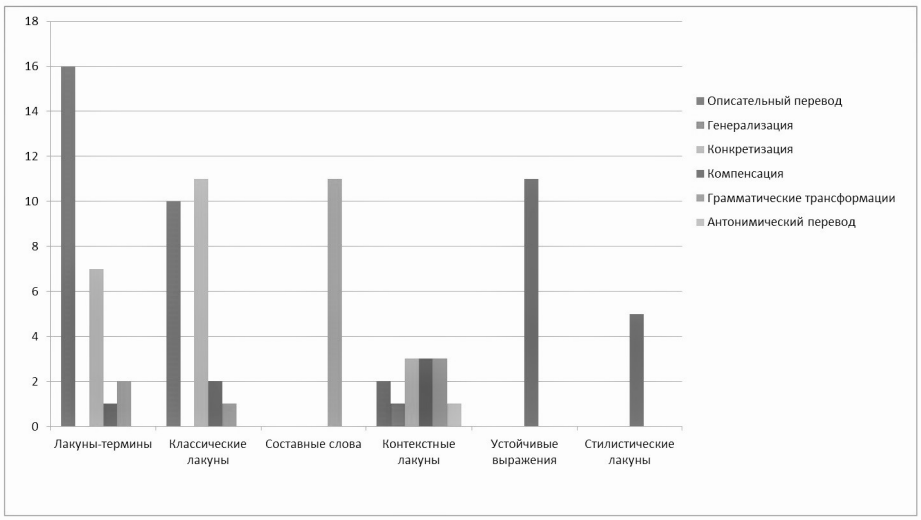


Источник: таблица составлена на основе данных, полученных в ходе исследования

Лакуны-термины и классические лакуны чаще всего элиминировались при помощи метода описательного перевода и конкретизации, что связано с повышенными требованиями к точности их перевода (см. Таблицу 3). Лакуны-составные слова элиминировались путём грамматических трансформаций, что можно объяснить различиями в грамматическом строе русского и английского языков. Контекстные лакуны представляют собой самую разнообразную по грамматическому наполнению группу, поэтому здесь использовались все доступные переводчику методы. Лакунизированные устойчивые выражения и стилистические лакуны по определению нельзя передавать без внесения значительных изменений, поэтому переводчики в основном использовали приём компенсации.

Таблица 3

Соотношение типов лакун и видов переводческих трансформаций



Источник: таблица составлена нами на основе данных, полученных в ходе исследования

Таким образом, тип переводческой трансформации, употребляемой для элиминации лакуны, должен соответствовать её типу, а также не противоречить требованиям к её передаче в текстах ООН.

По результатам исследования можно дать переводчикам следующие рекомендации. Во-первых, при элиминации лакун не допускаются неточности и искажения смысла, необходимо полностью передавать коммуникативные намерения автора. Во-вторых, в переводе текстов ООН нужно соблюдать нормы русского языка и узуса: следует по возможности избегать неосвоенных заимствований и профессионализмов. В-третьих, в качестве основного метода элиминации лакун рекомендуется использовать описательный перевод.

Данная работа не претендует на полное освещение вопроса, тем не менее она является значительным вкладом в изучение проблемы перевода лакун в дискурсе международных организаций, что имеет важное практическое значение. Результаты данного исследования могут быть использованы переводчиками и студентами, занимающимися практикой и теорией перевода, а также стать основой для будущих исследований лакун в дискурсе МО, в частности в их связи с терминами и неологизмами.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975. 240 с.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. Изд.3-е, испр. и доп. М.: «Р.Валент», 2006. 448 с.
3. Дзенс Н. И., Перевышина И. Р., Кошкаров В. А. Теория и практика перевода: учеб. пособие. СПб.: Антология, 2007. 559 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: курс лекций / В.Н. Комиссаров. М.: Изд-во Панина, 2006. 192 с.
5. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 144 с.
6. Волкова Т.А. Дискурсивнокоммуникативный подход к моделированию процесса перевода // Известия ВГПУ. 2011. №5. С.51-54.
7. Ермолович Г.Д. Наш перевод, вперёд лети! В лакуне остановка [Электронный ресурс]. URL: www.yermolovich.ru/lakunaunabridged.pdf
8. Нестерова Я. А., Чернуха Т. В. Термин и терминология. Политическая лексика // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2008. №2. С.226-236.
9. Питина С.А. Когнитивная лингвистика и смежные лингвистические науки о взаимодействии языка и мышления // Вестник ЧелГУ. 2013. No24 (315). С.35-37.
10. Попова Т.Г., Таратынова Н.В. Политический Текст и его лексические особенности // Rhema. Рема. 2012. №3. С.90-97.
11. Сердобинцева Е. Н. Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. №27. С.396-401.
12. Фирстов М.С. Ораторский гиперстиль в системе функциональных стилей // Вестник МГЛУ. 2014. №8 (694). С.89-97.
13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 254 с.
14. Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Main_Page, свободный. Загл. с экрана.

Сведения об авторах:

Ольга Анатольевна Егорова – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: гендерная лингвистика, проблемы английской лексикологии, актуальные вопросы изучения общественно-политического дискурса и языка СМИ, фонетика, интонология. E-mail: dream_01@mail.ru.

Алина Александровна Погонина – студентка второго курса магистратуры «Подготовка переводчиков для международных организаций», МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: теория перевода, дискурс ООН, когнитивная лингвистика. E-mail: pogonina.alina6742@gmail.com.

PECULIARITIES OF TRANSLATION AND INTERPRETATION OF LACUNAS IN THE UN DISCOURSE

Olga A. Egorova, Alina A. Pogonina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

The Abstract: *The article reviews the peculiarities of translation and interpretation of lacunas in the UN discourse and enumerates methods of their elimination in line with the UN discourse restrictions. The article offers recommendations and practical advice to interpreters and translators. It highlights the connection between lacunas, terms, professionalisms, neologisms and loanwords in the UN discourse. The article provides a classification of UN lacunas and the ways of eliminating them. The research is conducted within the classical theory of translation. The paper concludes that the peculiarities of the UN discourse define the specific features of UN lacunas and methods of their elimination in translation. The paper discovers the most widely-spread types of lacunas, the most and the least popular methods of their translation. The findings may become the foundation for further research of the UN discourse, text translation problems, as well as studying lacunas in general. The research may be of use to students, interpreters and translators, and teachers.*

Key Words: *lacunas, the United Nations Organization, translation, interpretation, translation and interpretation theory, ways of eliminating lacunas, lacunas-terms, lacunas-neologisms, lacunas-compounds*

References

1. Barkudarov L.S. Yazyk y perevod [Language and translation]. M.: 1975, 240 p.
2. Vlakhov S.I., Florin S.P. Neperevodimoe v perevode [The untranslatable in translation]. M.: R.Valent, 2006. 448 p.
3. Dzens N.I., Perevyshina I.R., Koshkarov V.A. Teoria y praktika perevoda [Theory and practice of translation] S. Petersburg, 2007. 559 p.
4. Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie: kurs lektsy [Modern translation science: lecture course]. M.: Izdatelstvo Panina, 2006. 192 p.
5. Markovina I.Y., Sorokin Y.A. Kultura y tekst. Vvedenie v lakunologiiu [Culture and text. The Introduction to lacunology]. M.: GEOTAR-Media, 2008. 144 p.
6. Volkova T.A. Diskursivnokommunikativny podkhod k modelirovaniiu protsessa perevoda [Discourse-communicative approach to translation models]. Izvestia VGPU, 2011. No.5. P.51-54.
7. Ermolovich G.D. Nash perevod, vpered leti! V lakune ostanovka [On, my translation! But beware lacunas]. URL: www.yermolovich.ru/lakunaunabridged.pdf
8. Nesterova Y.A., Chernukha T.V. Termin y terminologiia. Politicheskaia leksika [Terms and terminology. Lexis of politics]. Izvestiia TulGU. Gumanitarnye nauki, 2008. No.2, P.226-236.
9. Pitina S.A. Kognitivnaia lingvistika y smezhnye lingvisticheskie nauki o vzaimodeistvii iazika y mishleniia [Cognitive linguistics and related linguistics sciences on the relation between language and reason] // Vestnik ChSU. 2013. No.24 (315) P.35-37.
10. Popova T.G., Taratynova N.V. Politichesky tekst y ego leksicheskie osobennosti [Political text and its lexical peculiarities]. Rhema, 2012. No.3, P. 90-97.
11. Serdobintseva E.N. Professionalismy v sisteme spetsialnoi leksiki y sisteme natsionalnogo iazyka [Professional words in the system of specialized lexis and national language]. Izvestiia PGU, 2012. No.27, P.396-401.
12. Firstov M.S. Oratorsky giperstil v sisteme functsionalnykh stiley [Orator's hyperstyle in the system of functional styles]. Vestnik MSLU, 2014. No.8 (694). P.89-97.
13. Chudinov A.P. Politicheskaia lingvistika [Political linguistics]. M.: 2006. 254 p.
14. Wikipedia, the free encyclopedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Main_Page

About the authors:

Olga A. Egorova – PhD in Linguistics, Senior Lecturer at English Language Department No.1, MGIMO, Moscow. E-mail: dream_01@mail.ru.

Alina A. Pogonina – second-year student at the Master's programme "Training Translators and Interpreters for International Organizations", MGIMO, Moscow. E-mail: pogonina.alina6742@gmail.com.

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-63-69

УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ «РУССКИЙ ЯЗЫК» В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Р.Р. Замалетдинов, З.Ф. Юсупова, К.З. Закирьянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Башкирский государственный университет,
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32

В статье рассматривается специфика обучения русскому языку как родному и как неродному в системе языковой подготовки. Эта специфика определяется тем, что при одинаковом содержании учебного предмета «Русский язык», пути усвоения языковых единиц и формирования речевых навыков у носителей и неносителей языка происходит по-разному. В связи с этим рассматриваются проблемы мотивационного, содержательного характера. Авторы приходят к выводу, что усвоение второго языка сопровождается усвоением новой языковой картины мира. Взаимосвязанное изучение языка и культуры способствует в конечном итоге формированию билингвальной личности, способной использовать средства русского и родного языков с учётом специфики национальных культур. Обосновывается необходимость и целесообразность разработки разных методик обучения русскому языку как родному и как неродному, а также важность создания специальных учебников русского языка для носителей и неносителей русского языка. Авторы убеждены, что в современных условиях необходима разработка национально-ориентированных учебников русского языка, учитывающая специфику родного языка учащихся, тем более что в некоторых национальных республиках работа по данному направлению ведётся давно.

Ключевые слова: *русский язык, родной язык, неродной язык, лингвистическое образование, методика обучения русскому языку, языковая картина мира, учебники русского языка, билингвальная личность*

Учебный предмет «Русский язык» занимает одно из центральных мест в учебных планах всех типов образовательных организаций, и отводится на его изучение большое количество часов. Единый государственный экзамен (ЕГЭ) по русскому языку при завершении обучения относится к числу обязательных для всех выпускников. Объясняется такое место учебного предмета «Русский язык» в общей системе лингвистического образования статусом русского языка и его практической ролью в жизни народов Российской Федерации.

В многонациональной и многоязычной стране Российской Федерации русский язык занимает особое место: фактически он является основным языком среди множества других, наделён особыми полномочиями, пользуется большим авторитетом и спросом, постоянно востребован и защищён Основным законом – Конституцией страны. Согласно законам о языках, принятых в нашей стране (см., например [7-9, 12]), языки всех народов, населяющих территорию Российской Федерации, политически и юридически равноправны. Но по выполняемым обществен-

ным функциям среди всех других языков огромной страны русский язык в силу объективных исторических, экономических, политических и культурных условий стал первым среди равноправных. Он приобрёл особый статус – избран в качестве государственного языка Российской Федерации и выполняет функцию языка-посредника, с помощью которого представители разных национальностей, носители разных языков и культур, свободно вступают в языковые контакты между собой.

Русский язык выполняет прежде всего консолидирующую (объединяющую) функцию: обеспечивая языковую коммуникацию, взаимопонимание и сотрудничество разноязычных народов, он объединяет всё население страны в одно гражданское общество; обслуживает каждого гражданина страны во всех сферах его жизнедеятельности. Выполняя множество общественных функций (ни один язык в РФ не выполняет столько общественных функций, сколько выполняет русский язык), он регулирует нормальную жизнедеятельность страны и обеспечивает мирное сосуществование разноязычных народов в одном государстве.

В этих условиях свободное владение русским языком является обязательным и практически необходимым для всех граждан РФ, независимо от их национальной принадлежности. В соответствии с такой установкой определяется общность (единство) задач в преподавании учебного предмета «Русский язык» в различных образовательных организациях. По-видимому, именно этим фактором объясняются и оправдываются единые требования к выпускникам образовательных организаций по русскому языку. Хотя содержание экзамена и критерии оценивания заданий одинаковы для всех, в целом совпадает содержание обучения русскому языку, общие также цели и задачи обучения – формирование языковых, коммуникативных, лингвистических и культуроведческих компетенций, не одинаковы механизмы овладения и условия пользования русским языком учащимися – носителями и неносителями русского языка. Механизм овладения родным и вторым (или иностранным) языками разный: родной, то есть первый язык, усваивается легче и лучше по сравнению со вторым языком. По мнению киргизского методиста П.И. Харакоза, это объясняется следующим образом: «...родной язык – первый, а неродной – второй; после того как первый (родной) уже безраздельно материализовал сознание человека в своих языковых формах, второй язык воспринимается сознанием учащегося как нечто чуждое ему, чему нужно специально и напряжённо учиться, с трудом переоформляя своё сознание» [13, с.12-13].

В основе трудностей усвоения неродного (чужого) языка лежит *различие языковой картины мира* народов, говорящих на разных языках.

Мысль о различии языковой картины мира разных народов впервые высказал Вильгельм фон Гумбольдт. Он утверждал, что «разные языки являются разными мировидениями» [3, с. 172]. Согласно этой теории, различия между языками заключаются не просто в отличии языковых средств, используемых в процессе коммуникации, а в выражении духа народа, его культуры.

По утверждению Ю.Д. Апресяна, каждый естественный язык отражает «определённый способ восприятия мира» [1, с. 38], поэтому носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих родных, национальных языков. Значит, под «языковой картиной мира» подразумевается национальная языковая картина мира, отражённая средствами конкретного национального языка. По этому поводу О.А. Корнилов рассуждает: «... нет просто языковой картины мира – это абстракция, реально нигде не существующая; реально существуют и могут анализироваться лишь языковые картины мира конкретных национальных языков» [10, с. 113].

Национальная картина мира прослеживается в несовпадении предметных образов, лежащих в основе образования понятий у разных народов, и в разных способах выражения этих понятий. Эту специфику вкратце можно объяснить следующим образом.

Национальная специфика языковой картины мира обнаруживается на всех уровнях языковой системы, но особенно выпукло она представлена в лексике, фразеологии, афористике (см., например, [14-15]). Как известно, усвоение лексики и грамматики неродного языка предполагает одновременно и овладение знаниями и представлениями о культуре народа изучаемого языка. Дело в том, что язык и культура настолько тесно взаимосвязаны, что предполагают друг друга, не существует один без другого, воспринимаются как две данности одного целого. Такая тесная взаимосвязь языка и культуры проявляется в том, что вся культура живёт и развивается в «языковой оболочке», отражается в языке [4, с.

14]. Соответственно нельзя рассматривать язык в отрыве от культуры, а культуру – в отрыве от языка. Как отмечают современные исследователи, изучение неродного, или второго языка, позволяет формировать у обучающихся новое видение окружающей действительности и представление национальной культуры, которая отражается в языке [5; 10; 14].

Взаимосвязанное изучение языка и культуры способствует в конечном итоге формированию билингвальной личности. Такая личность в состоянии пользоваться средствами обоих языков в соответствии с отражаемой ими языковой картиной мира и национальной культурой [2, с. 76].

Таким образом, в результате изучения русского языка как неродного формируется билингвальная личность, способная строить коммуникацию на двух языках, использующая языковые средства двух национальных культур (русского и родного).

Как видно из вышеизложенного, существенно отличается функционирование языка в сознании монолингва и билингва. Соответственно учебная дисциплина «Русский язык», имеющая общее содержание и общую конечную цель обучения, представляет собой два совершенно разных варианта одного учебного предмета, отличающихся принципами отбора языкового (теоретического и дидактического) материала, используемыми учебно-методическими пособиями и т.д.

Носители владеют русским языком практически, поэтому в преподавании русского языка ставится задача усвоения системы языка, его законов и норм, теоретического осмысления устройства языка, овладения навыками грамотного письма, развития речи и повышения культуры речи, т.е. ставится задача формирования у обучающихся лингвистической компетенции, задача формирования полноценной языковой личности, способной свободно пользоваться языковыми средствами в речевой практике во всех сферах жизнедеятельности.

Неносители изучают русский язык как неродной (или как иностранный), когда им ещё практически не владеют (или владеют очень слабо), поэтому ставится в первую очередь задача практического овладения средствами русского языка для их использования в процессе русскоязычный речевой коммуникации, а задача формирования языковой и лингвистической компетенций, теоретическое осмысление практического языкового материала идёт одновременно с усвоением структуры языка; поэтому поставленная задача в учебном процессе реализовывается через работу по практическому овладению русским языком как средством общения.

Отличие психологических механизмов овладения русским языком как родным и как неродным, несовпадение функционирования русского языка в условиях наличия или отсутствия русскоязычной речевой среды диктуют необходимость разработки национально-ориентированной методики обучения русскому (как второму, неродному) языку. Речь идёт о совершенно разных методиках, хотя имеется в них немало общего. Каждая из них имеет свою специфику.

Методика обучения русскому языку как родному имеет богатую, уже более чем двухвековую историю; достигнутые успехи поистине велики; разработаны в этой области теоретические положения и накоплен богатый практический опыт; в настоящее время интенсивно ведутся поиски новых, более эффективных методов, приёмов и средств обучения, отвечающих требованиям сегодняшнего дня, использующих современные достижения информационно-коммуникационных технологий и т.д.

Методика обучения русскому языку как неродному в Российской Федерации стала усиленно и целенаправленно разрабатываться сравнительно недавно – с середины прошлого, XX столетия, хотя само направление методической науки (преподавание русского языка в национальной аудитории) имеет уже более вековую историю. За этот период сделано в этой области очень много, достигнуты огромные успехи. Благодаря обучению русскому языку по этой методике выпускники овладевают русским языком настолько, что могут успешно сдать ЕГЭ по русскому языку наряду с носителями русского языка (задания ЕГЭ и критерии оценивания их едины), продолжать обучение в высших образовательных организациях страны на русском языке, трудиться в много-(разно) язычном коллективе, свободно общаясь между собой на русском языке. Много сделали и делают в этой области методисты и преподаватели русского языка. В национальных регионах страны созданы научные труды, разработаны методические рекомендации по изучению отдельных разделов русского языка, найдены принципы эффективного преподавания русского языка, например: принципы учёта особенностей родного языка обучающихся, коммуникативной (речевой) направленности обучения, функциональности,

текстоцентрический принцип и ряд других. Заимствуется всё положительное из методики обучения русскому языку как иностранному.

За последние полтора-два десятилетия внимание к проблемам преподавания русского языка значительно усилилось: появляются фундаментальные научные труды в этой области, проводятся научно-практические конференции, посвящённые актуальным проблемам преподавания русского языка нерусским, издаются и специальные сборники статей по преподаванию русского языка как неродного, обсуждаются вопросы преподавания русского языка нерусским и на курсах повышения квалификации учителей и т.д. В этом контексте становится весьма актуальной и проблема создания учебников русского языка нового формата. В учебном процессе учебник должен способствовать практическому овладению русским языком, являться первоосновой в обучении русскому языку нерусских обучающихся.

Как уже было сказано, различны механизмы усвоения родного и неродного языков. Значит, различается (должна различаться) и методика обучения русскому языку как родному и как неродному, или как иностранному. Соответственно отличаются и учебники русского языка для разных категорий обучающихся: для первых – это учебник родного языка, для вторых – учебник неродного / иностранного языка.

Отличие учебников русского языка для русской и для нерусской аудитории находит отражение во всём: и в отборе языкового материала, и порядке (последовательности) его подачи, и в объёме сообщаемых теоретических сведений, и в их комментариях, и в характере заданий и упражнений, и в их системе, и в подборе дидактического материала к упражнениям и т.д. Даже трудно представить одинаковую эффективность обучения русскому языку как родному и как неродному по единым учебникам.

В национальных республиках Российской Федерации имеется богатый положительный опыт создания учебно-методических комплексов по русскому языку (например, Республики Башкортостан, Татарстан, Саха-Якутия и др.). Каждый компонент учебного комплекта имеет своё целевое назначение, в соответствии с которым имеет своё содержание и свою структуру (подробнее см. об этом: [6; 11; 16-19]).

Качество и уровень подготовки выпускников национальных республик говорит о том, что эти учебники вполне могут помочь выпускникам в овладении русским языком как в письменной, так и в устной речи на достаточно высоком уровне. Разумеется, с позиций требований современной образовательной парадигмы что-то в этих учебниках устарело и они нуждаются в обновлении и дальнейшем совершенствовании содержания, структуры и методического аппарата. На их основе можно создать оригинальные учебники нового поколения, отвечающие современным требованиям образовательного пространства. Можно создать такую систему учебников русского языка, которая обеспечит в конечном итоге свободное практическое владение русским языком как средством общения и вооружит учащихся теоретическими знаниями о русском языке в объёме, достаточном для формирования научного представления о системе русского языка как лингвистической дисциплины. Все изложенное позволяет сделать следующий вывод:

Русский язык в нашей многонациональной и многоязычной стране функционирует: 1) как средство внутринационального общения (это его основная функция – родной, национальный язык русского народа) и 2) как средство межнационального общения народов РФ, как язык-посредник (вторая, не менее важная, чем первая, коммуникативная функция). В соответствии с указанными двумя функциями русский язык обслуживает миллионы людей разных национальностей – носителей разных языков и разных культур в разных жизненных ситуациях и в разных условиях речевой коммуникации. В этих условиях практическое овладение русским языком как языком-посредником для речевой коммуникации становится жизненной необходимостью для нормального сосуществования разноязычных народов в одном государстве. Для одних он родной язык, для других – неродной, и соответственно возможности и пути овладения им неодинаковы. В целях укрепления занимаемых позиций русского языка в масштабе Российской Федерации и в мире необходимо предпринимать конкретные меры по совершенствованию его преподавания как родного и как неродного, по реализации возможностей практического овладения им, включая подготовку педагогических кадров и учебных пособий.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Воробьев В.В., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: Учебное пособие: Элективный курс для 10-11 классов школ гуманитарного профиля. М.: Ладомир, 2006. 286 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1986. 452 с.
4. Зайнуллин М.В., Зайнуллина Л.М. Общие проблемы лингвокультурологии: Курс лекций. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 206 с.
5. Замалетдинов Р.Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. Казань: Магариф, 2009. 351 с.
6. Закирьянов К.З. Современный учебник русского языка для нерусских школ: каким он должен быть // Вестник Башкирского университета. 2017. Том 22. № 4. С. 1131–1140.
7. Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (от 24.07.1998 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998, № 31.
8. Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» (от 21.01.1999 г.). Уфа, 1999.
9. Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республики Татарстан». Казань: Тат.кн.изд-во, 2005. 68 с.
10. Корнилов О.А. Языковая картина мира как производные национальных менталитетов: Учебное пособие. 4-е изд-е. М.: КДУ, 2014. 348 с.
11. Сабаткоев Р.Б. Учебник как основное средство обучения русскому языку в школе // Роль учебно-методических комплектов по русскому языку в реализации межъязыковых и межкультурных связей: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 29-30 ноября 2006 г.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. С. 20-22.
12. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (от 07.06.2005 г.). М., 2005.
13. Харакоз П.И. Основы методики обучения русскому языку в киргизской восьмилетней школе. Изд-е 3-е. Фрунзе: Мектеп, 1983. 352 с.
14. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. Уфа: Изд-во БГПУ, 2000. 285 с.
15. Хайруллина Р.Х. Лингвистика межкультурных коммуникаций: Курс лекций. Уфа: Изд-во БГПУ, 2005. 138 с.
16. Шакирова, Л.З. Методика преподавания русского языка (на материале национальных школ) / Л.З. Шакирова, Р.Б. Сабаткоев. С.Пб: Просвещение; Казань: Магариф, 2003. 352 с.
17. Юсупова З.Ф. Лингвометодические основы обучения русскому языку как неродному в школе: конец XX и начало XXI в.: монография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 162 с.
18. Юсупова З.Ф., Шакурова М.М. Методическое освещение результатов билингвального анализа русского и татарского языков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2017. № 6. С. 117-121.
19. Husnutdinov D. H., Yusupova Z. F., Shakurova M. M., Yusupov A. F., Mirzagitov R. H. Practical aspect of comparative research on the material of the Russian and Tatar Languages: XIX-XXI centuries // Journal of Language and Literature. 2016. Vol. 7. № 2. P. 191-194.

Сведения об авторах:

Замалетдинов Радиф Рифкатович – доктор филологических наук, профессор института филологии и межкультурной коммуникаци Казанского федерального университета. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, сопоставительное языкознание, история и закономерности функционирования татарского и русского языков, билингвизм, теория и методика обучения татарскому языку.
E-mail: director.ifmk@gmail.com.

Закирьянов Кабир Закирьянович – доктор филологических наук, профессор – филологический факультет БашГУ. Сфера научных интересов: современный русский язык, теория и практика обучения русскому языку, сопоставительное языкознание, билингвизм. E-mail: farni@rambler.ru.

Юсупова Зульфия Фирдинатовна – кандидат педагогических наук, доцент института филологии и межкультурной коммуникаци Казанского федерального университета. Сфера научных интересов: теория и практика обучения русскому языку, методическое наследие, сопоставительная грамматика в лингвометодическом аспекте, межкультурная коммуникация, прикладная лингвокультурология. E-mail: Usupova.Z.F@mail.ru.

SCHOOL SUBJECT «RUSSIAN LANGUAGE» IN THE MODERN SYSTEM OF LINGUISTIC EDUCATION

Radif Zamaletdinov, Zulfiya Yusupova, Kabir Zakiryanov

Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation

Bashkir State University
32 Zaki Validi Str., Ufa, 450076, Russian Federation

The Abstract: *The article deals with the specifics of teaching Russian as a native language in the Russian school and as a non-native language in non-Russian schools. This specificity is determined by the fact that with the same content of the subject "Russian language", the ways of mastering language units and the formation of speech skills in native and non-native speakers are different. In this regard, the problems of motivational and informative character are considered. The authors conclude that the assimilation of the second language is accompanied by the assimilation of a new linguistic picture of the world. The interrelated study of language and culture ultimately contributes to the formation of a bilingual person capable of using the means of Russian and native languages, taking into account the specifics of national cultures. The necessity and expediency of the development of various methods of teaching Russian as a native and as a non-native language, as well as the need to create special textbooks of the Russian language for Russian and non-Russian schools are considered. The authors are convinced that in modern conditions it is necessary to develop nationally oriented textbooks of the Russian language, taking into account the specifics of the native language of students, especially because in some national republics work in this direction has been conducted for a long time.*

Key Words: *the Russian language, non-native language, non-Russian schools, linguistic education, methods of teaching Russian language, language picture of the world, textbooks of Russian language, bilingual personality*

References

1. Apresyan, Yu. D. Obraz cheloveka po dannym iazyka: popytka sistemnogo opisaniia [The image of a person according to the language: an attempt to describe the system] / / Issues of linguistics. 1995. No 1. p. 37–67.
2. Vorobyov, V. V., Sayakhova, L. G. Russkii iazyk v dialoge kul'tur: Uchebnoe posobie: Elektivnyi kurs dlia 10-11 klassov shkol gumanitarnogo profilia [Russian language in the dialogue of cultures: textbook: Elective course for 10-11 grades of schools of humanitarian profile]. M.: Ladomir, 2006. 286 p.
3. Humboldt, V. Iazyk i filosofiia kul'tury [Language and philosophy of culture]. M.: Progress. 1986. 452 p.
4. Zainullin, M. V., Zaynullina, L. M. Obshchie problemylingvokul'turologii: Kurs lektsii [General problem.alanvasuthavan: a Course of lectures]. Ufa: RITS Bashgu. 2008. 206 p.
5. Zamaletdinov, R. R. Teoreticheskie i prikladnye aspekty tatarskoi lingvokul'turologii [Theoretical and applied aspects of Tatar cultural linguistics]. Kazan: Magarif. 2009. 351 p.
6. Zakiryanov, K. Z. Sovremennyi uchebnik russkogo iazyka dlia nerusskikh shkol: kakim on dolzhen byt' [Modern textbook of Russian language for non-Russian schools: what it should be] // Bulletin of the Bashkir University. Volume 22. No. 4. 2017. p. 1131-1140.
7. Zakon Rossiiskoi Federatsii «O iazykakh narodov Rossiiskoi Federatsii» [Law of the Russian Federation "On languages of the peoples of the Russian Federation" (1998) (dated 24.07.1998) // Collection of legislation of the Russian Federation. No. 31.
8. Zakon Respubliki Bashkortostan «O iazykakh narodov Respubliki Bashkortostan» [Law of the Republic of Bashkortostan "On languages of the peoples of the Republic of Bashkortostan"] (1999) (from 21.01.1999). Ufa.
9. Zakon Respubliki Tatarstan «O gosudarstvennykh iazykakh Respubliki Tatarstan i drugikh iazykakh v Respubliki Tatarstan» [Law of the Republic of Tatarstan"on state languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan"] Kazan: Tat.kN.publishing house. 2005. 68 p.
10. Kornilov, O. Iazykovaia kartina mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov: Uchebnoe posobie [Language picture of the world as derivatives of national mentalities: textbook. 4-e Izd.], Moscow: KDU. 2014. 348 p.
11. Sabatkoev, R. B. Uchebnik kak osnovnoe sredstvo obucheniia russkomu iazyku v shkole [The textbook As the main means of teaching the Russian language at school] // The Role of teaching kits in the Russian language in the implementation of intercultural relations: Materials of the all-Russian scientific-practical conference (Ufa, November 29-30, 2006). Ufa: Publishing house bgpu. 2006. p. 20-22.
12. Federal'nyi zakon «O gosudarstvennom iazyke Rossiiskoi Federatsii» [Federal law "On the state language of the Russian Federation" (dated 07.06.2005)]. M., 2005.
13. Harakoz, P. I. Osnovy metodiki obucheniia russkomu iazyku v kirgizskoi vos'miletnei shkole [Fundamentals of methods of teaching Russian in the Kyrgyz eight-year school]. Ed 3-E. Frunze: Mektep. 1983. 352 p.
14. Khairullina, R. H. Frazeologicheskaia kartina mira: ot mirovideniia k miroponimaniiu [Phraseological picture of the world: from worldview to worldview]. Ufa: Publishing house BGPU. 2000. 285 p.
15. Khairullina, R. H. Lingvistika mezhkul'turnykh kommunikatsii: Kurs lektsii [Linguistics of intercultural communications: a course of lectures]. Ufa: Publishing house BGPU. 2005. 138 p.

16. Shakirova, L. Z. Metodika prepodavaniia russkogo iazyka (na materiale natsional'nykh shkol) [Methodology of teaching Russian language (on the material of national schools)] / L. Z. Shakirova, R. B. Sabatkoev S. Pb: Education; Kazan: Magarif. 2003. 352 p.
17. Yusupova, Z. F. Lingvometodicheskie osnovy obucheniia russkomu iazyku kak nerodnomu v shkole: konets XX i nachalo XX1 v.: monografiia [Linguistic and methodological basics of teaching Russian as a foreign language in school: the end of the twentieth and the beginning of XX1 century: monograph]. Kazan: Kazan publishing House. 2016. 162 p.
18. Yusupova, Z. F., Shakurova , M. M. Metodicheskoe osveshchenie rezul'tatov bilingval'nogo analiza russkogo i tatarskogo iazykov [Methodical coverage of the results of bilingual analysis of Russian and Tatar languages] // Vestnik of Chelyabinsk state pedagogical University. No. 6. 2017. pp. 117 -121.
19. Husnutdinov, D. H., Yusupova, Z. F., Shakurova M. M., Yusupov A. F., Mirzagitov R. H. Practical aspect of comparative research on the material of the Russian and Tatar Languages: XIX-XXI centuries // Journal of Language and Literature. Vol. 7. No 2. 2016. pp. 191-194.

About the authors:

Zamaletdinov Radif Rifkatovich – Doctor of Philology, Professor at the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University. Research interests: cognitive linguistics, linguoculturology, comparative linguistics, history and patterns of functioning of the Tatar and Russian languages, bilingualism, theory and methods of teaching the Tatar language. E-mail: director.ifmk@gmail.com.

Zakiryanov Kabir Zakiryanovich – Doctor of Pedagogy, Professor, Department of Russian Linguistics at Bashkir state University. Research interests: modern Russian language, theory and practice of Russian language teaching, comparative linguistics, bilingualism. E-mail: farni@rambler.ru.

Yusupova Zulfiya Firdinatovna – Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor at the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University. Research interests: theory and practice of teaching the Russian language, methodical heritage, comparative grammar in the linguistic and methodological aspect, intercultural communication, applied linguoculturology. E-mail: Usupova.Z.F@mail.ru.

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-70-79

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЗНАНИЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОБЩЕЙ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Л.Н. Метельская, Н.В. Лосева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена анализу результатов эксперимента, который был проведён на факультете политики и управления МГИМО и ставил целью исследование и оценку уровня общей гуманитарной культуры студентов бакалавриата.

Признавая правомерность расширенной трактовки понятия, распространённой в современной научной литературе, авторы делают акцент на знаниевой составляющей общегуманитарной культуры, понимаемой как совокупность представлений о таких областях как история, география, литература и искусство. Интериоризованные знания подобного рода составляют тот культурный фон, который делает возможным любой диалог, в нашем случае, диалог «преподаватель – студент».

Для достижения поставленных целей авторами исследования был создан тест, позволяющий оценить соответствие уровня общей гуманитарной культуры студентов 1 и 4 курсов ожиданиям преподавателей, продемонстрировав тем самым глубину разрыва между культурными знаниями представителей разных поколений.

Полученные результаты наглядно показывают, что современные первокурсники оправдывают ожидания преподавателей вуза в области общегуманитарных знаний чуть более чем на 50% (средний балл по тесту 52,5%), что может в значительной степени усложнять процесс обучения. Качественный анализ результатов теста даёт возможность предположить, что современные студенты, «дети миллениума», живут в новой культурной парадигме, появление которой обусловлено глобальными изменениями в жизни социума. Оптимизация диалога «преподаватель – студент» требует от преподавателей осмысления самого факта несовпадения культурных кодов, отказа от стереотипов и систематической работы по восполнению пробелов в общекультурных знаниях студентов, что, как показывает эксперимент, может успешно реализоваться в рамках программы бакалавриата (относительный прирост знаний к 4 курсу составляет 25%). Сравнение результатов по двум возрастным группам тестируемых позволило сделать вывод о достаточно высокой эффективности лингвострановедческой составляющей курса французского языка.

Ключевые слова: *общая гуманитарная культура, среднее образование, высшее образование, тест, фоновые знания, культурная парадигма, лингвострановедческий аспект*

Введение. Цели и задачи исследования

Идея оценки и описания уровня общей гуманитарной культуры студентов вуза продиктована практическими потребностями преподавания. Работая со студентами на занятиях, составляя учебные материалы, подбирая тексты из художественной литературы, аудио и видео фрагменты, любой преподаватель иностранного языка опирается на своё интуитивное представление об уровне фоновых знаний студентов. При этом речь идёт не только о

чисто лингвистических знаниях, но и гуманитарных знаниях общего характера. Адекватность представления преподавателя о том, какими познаниями изначально обладает студент – залог успешности диалога, возникающего в процессе обучения.

Фоновые знания студентов, к которым приходится апеллировать преподавателю, зачастую лежат вне сферы непосредственно преподаваемого предмета. Так, например, для того, чтобы проиллюстрировать новое грамматическое явление, преподаватель французского языка предлагает пример из песни известного в 80-ых годах певца Джо Дассена. При этом преподаватель полагает, что студенты знают этого певца и, возможно, слышали песню. В таком случае, приведённый пример оказывается удачным подкреплением грамматического объяснения: он может не только проиллюстрировать явление, но и мотивировать студентов к его активному усвоению и даже сыграть роль мнемонического приёма, если студент положит текст на знакомую мелодию, мысленно пропоёт его и запомнит необходимую структуру. Но если студенту незнакомо даже имя певца, обращение к его творчеству будет не только бесполезно, но и контрпродуктивно, поскольку только затормозит процесс объяснения.

Ещё один пример из практики. Студентам 4 курса предлагается для аудирования фрагмент выступления генерала де Голля на тему об объединении Европы, который начинается следующими словами: «Dante, Goethe, Chateaubriand appartiennent à toute l'Europe dans la mesure même où ils étaient respectivement et éminemment Italien, Allemand et Français[1]». Понимание на слух этой фразы всегда, как показывает опыт, вызывает большие сложности. Имена Данте и Гёте студентам известны, но их произношение по-французски существенно отличается от русского, поэтому они не сразу идентифицируются. А вот имя Франсуа-Рене Шатобриана, к сожалению, не говорит студентам абсолютно ничего, что мешает воспринять эти три имени в качестве символов трёх европейских культур. Но если перед началом прослушивания объяснить студентам, кто такой Шатобриан, то и два остальных имени воспринимаются легко.

Если в нашем последнем примере можно предположить, что преподаватель довольно точно представляет себе, какие имена студентам заведомо известны, а какие не вызывают никаких культурных ассоциаций, то в других случаях преподаватель зачастую ошибается, полагая общеизвестными имена, факты и события, которые на практике не входят в фоновые знания среднего студента. Проблема, очевидно, заключается в том, что преподаватель (особенно старшего возраста) исходит из собственных представлений о «культурном минимуме», которые уже не соответствуют сегодняшним реалиям.

Исходя из вышеизложенных соображений, авторы настоящего исследования предприняли пилотный эксперимент, являющийся частью более масштабного исследования, **цель** которого может быть определена как разработка экспериментальной методики для изучения и оценки знаниевого компонента общей гуманитарной культуры студентов в плане его соответствия ожиданиям преподавателей.

В ходе настоящего исследования авторы ставят перед собой следующие **задачи**:

– создать инструмент (тест), способный предоставить сведения о фоновых общекультурных знаниях студентов;

– провести пилотное тестирование двух референтных групп (студенты 1 и 4 курсов);

– оценить соответствие общей гуманитарной культуры студентов ожиданиям преподавателей;

– оценить расхождение результатов между двумя группами тестируемых и условный «прирост» общекультурных знаний по разным аспектам.

Отметим, что лишь повторное тестирование в 2020 году может дать достоверные сведения о реальном приросте знаний и позволит с большей долей объективности оценить эффективность лингвострановедческой составляющей курса французского языка, что можно будет сделать, сравнив средний прирост по разным аспектам с приростом знаний о культуре и истории Франции.

Повторение эксперимента позволит сравнить результаты, демонстрируемые студентами разных годов набора и оценить устойчивость тенденций.

Предпринятое исследование обладает, на наш взгляд, практической ценностью, поскольку позволяет, во-первых, получить пред-

[1] Данте, Гёте, Шатобриан принадлежат всей Европе постольку, поскольку они были, прежде всего, итальянцем, немцем и французом соответственно. – *перевод наш*

ставление о тех фоновых знаниях студентов, к которым преподаватель может апеллировать, во-вторых, выявить пробелы, которые являются существенными (в том числе для формирования общепрофессиональных компетенций) и нуждаются в восполнении в ходе университетского цикла обучения.

Теоретические основания исследования

Понятие «культура» и даже более конкретные понятия «гуманитарная культура» и «общая культура личности» настолько широки, что сам поиск определения этих понятий можно рассматривать как отдельную область науки. В рамках этой статьи мы не считаем возможным даже кратко изложить историю вопроса, отсылая читателей к работам таких уважаемых учёных, как, например, М.С. Каган [4] и А. С. Запесоцкий [3], которые дали довольно исчерпывающий список и анализ не столько определений, сколько концепций и подходов к определению культуры в истории философской мысли.

В образовательном контексте общую гуманитарную культуру в последнее время трактуют очень широко. В это понятие включают:

- образованность как совокупность усвоения гуманитарных знаний, общечеловеческих ценностей, способов познания и категоризации окружающего мира;
- гуманистические ценностные ориентации, целостное мировоззрение, разнообразие духовных и эстетических потребностей, социально-ответственное поведение;
- способность к адекватному общению;
- готовность к активной творческой деятельности и интеграции в социум [6, с. 138].

Такой же подход к пониманию гуманитарной культуры прослеживается и в Западных странах, в частности во франкоязычных (Франция, Канада, Швейцария), где в понятии «culture générale» принято выделять четыре аспекта: знания (connaissances), навыки интеллектуальной деятельности (habilités intellectuelles), поведение (attitudes), жизненный опыт (expériences de vie) [8, с. 46, 179].

Сегодня общепризнанной является идея М.М. Бахтина о принципиально диалогическом характере культуры. «Понимание другого человека предполагает взаимопонимание «Я – ты» как онтологически различных личностей, обладающих – актуально или потенциально – различными культурами, логиками мышления, различными смыслами истины, красоты, добра… Диалог, понимаемый в идее культуры, – это не диалог различных мнений или представлений, это – всегда диалог различных культур», писал последователь Бахтина В.С. Библер [1, с. 299]. При этом успешность диалога достигается общностью концептуальной сферы, ментальных репрезентаций, знаний, являющихся элементами культурного кода. Образовательный процесс – это всегда диалог между учителем и учеником, эффективность которого так же во многом определяется возможностью пользоваться кодом общения, основанным на сходстве базовых концептов и ассоциаций. Вот почему, безусловно принимая необходимость расширительного толкования гуманитарной культуры, особенно актуального в контексте компетентностного подхода к обучению, мы бы хотели всё же обратить особое внимание на гуманитарную культуру как совокупность знаний, поскольку этот аспект, не будучи единственным, является основополагающим.

В современной образовательной парадигме акцент всё чаще делается на трансформацию знаний в компетенции, что не означает, однако, что знания не обладают самостоятельной ценностью. Как отмечают исследователи, «имеются солидные эмпирические свидетельства того, что общие знания являются немаловажной составляющей интеллекта» [2, с. 668]. Знания, относящиеся к области общей культуры, начинают приобретаться ребёнком задолго до начала обязательного обучения, расширяются в ходе всего образовательного процесса и продолжают накапливаться в течение всей жизни, что существенно отличает этот вид знаний от многих других видов знаний по определённым дисциплинам. При этом следует отметить, что основной запас знаний формируется в процессе именно среднего образования до начала профессиональной специализации.

Формирование навыков интеллектуальной деятельности теснейшим образом связано с владением языком, поскольку культура постигается индивидом в языке и посредством языка: «La transformation symbolique des éléments de la réalité ou de l'expérience en concepts est le processus par lequel s'accomplit le pouvoir rationnalisant de l'esprit»[2] [7, с. 357].

[2] Символическая трансформация элементов действительности в концепты есть процесс, посредством которого осуществляется мыслительная способность разума. *перевод наш*

Общая гуманитарная культура – это не просто набор разрозненных представлений и фактов, а, согласно Ф. Пелокену, «пережитое», «присвоенное» знание («appropriation par l'individu de la connaissance et du savoir»), это то, что остаётся, когда уже всё забыто [8, с. 46].

В связи с этим нельзя не заметить, что одной из острых проблем современного образования стало смешение в сознании обучающихся понятий «знание» и «информация», что является, вероятно, следствием недавно возникшей глобальной информационной среды, способы взаимодействия с которой ещё недостаточно отрефлексированы обществом. Сегодняшние школьники и студенты зачастую полагают, что любое знание может быть легко добыто в Интернете, и не загружают свою память фактами, которым, как они полагают, место в Википедии. То, что было призвано стать знанием, одним из кирпичиков структурированного мировоззрения и мировосприятия, не преодолевает порог оперативной памяти и потом забывается, как излишняя «информация». Это явление, масштаб которого нам ещё предстоит оценить, представляется одним из признаков так называемой «смены культурных парадигм».

Общественно-политические изменения в нашей стране и в мире, появление и стремительное развитие цифровых технологий, повышение роли масс-медиа повлекли за собой значительные сдвиги в гуманитарных сферах общества, дали возможность говорить о смене культурных парадигм. В рамках одной общественно-культурной системы представления о знаниях, необходимых для успешной интеграции в социум, присутствуют как нечто само собой разумеющееся. Родители воспитывают своих детей так, как воспитывали их самих. Такая ситуация наблюдалась в СССР во второй половине XX века, в результате чего разница в представлениях между поколениями не ощущалась как демаркационная.

На рубеже столетий и в первые десятилетия XXI века ситуация резко изменилась. Смена культурной парадигмы выражается, прежде всего, в изменении системы смыслов (ценностей), при помощи которых решаются основные экзистенциальные проблемы общества. При этом, поскольку одной из основных функций гуманитарной культуры является поддержка непрерывности (континуальности) культурной системы в историческом времени, в период смены культурных парадигм происходит некий естественный отбор, обеспечивающий взаимодействие традиций и инноваций в культуре, что, очевидно, приводит к значительному сдвигу в представлениях о запасе фоновых знаний, необходимых для успешной интеграции в данное общество. На практике, в воспитании и образовании молодого поколения это проявляется таким образом, что родители перестают считать, что их дети должны обязательно прочитать, к примеру, романы Александра Дюма или Жюля Верна. А это, в свою очередь, приводит к несовпадению культурного багажа разных поколений. Реформа среднего образования, изменение программ и форм контроля также увеличивают этот разрыв. В переходный момент смены парадигм «учитель и ученик» оказываются по разные стороны разлома и диалог между ними затрудняется.

Однако же смена культурных парадигм характеризуется как деструктивными, так и созидающими процессами. Зарождаются новые ценности, появляются новые культурные практики. Исследователи культуры подчёркивают позитивное значение кризисов культуры [5, с. 45]. Поэтому ситуация межпоколенческого культурного разрыва не должна стать поводом для недовольного ворчания, но напротив, может дать материал для интересных исследований.

Описание теста

Констатировав недостаточность, а порой и неверность представлений преподавателей об общекультурном уровне студентов, авторами была предпринята попытка создать тест как инструмент, позволяющий оценить уровень фоновых знаний общегуманитарного характера. Следует ещё раз оговорить, что авторы не претендуют на абсолютно объективную оценку уровня знаний испытуемых. Поскольку тест был создан преподавателями на основе их собственных представлений об обязательном «культурном минимуме», его результаты способны продемонстрировать скорее соответствие/несоответствие знаний студентов ожиданиям преподавателей, чем абсолютный уровень их гуманитарного развития.

Тест состоит из 100 вопросов, каждый вопрос имеет 1 правильный ответ, который оценивается в 1 балл.

Тест включает в себя 6 блоков заданий, соответствующих темам: «География», «История», «Литература», «Искусство», «Владение русским языком», «Логика». В разделах по географии,

истории, литературе и искусству 50% вопросов касаются России и зарубежных стран, а оставшиеся 50% – Франции. Напомним, что одной из долгосрочных целей эксперимента является контроль усвоения страноведческой информации о франкоязычном мире, полученной в ходе обучения по программе бакалавра. Необходимо отметить, что на факультете управления и политики нет специализированных курсов по истории Франции и других франкоязычных стран, поэтому авторами делается предположение о том, что прирост знаний по франкоязычной культуре происходит главным образом в результате усвоения страноведческой информации, полученной студентами на уроках иностранного языка.

В разделах теста, касающихся географии, истории, литературы и искусства (вопросы 1-70), использовались задания, предполагающие выбор одного правильного ответа из представленных, при этом часто использовались вопросы, содержащие в своей формулировке отрицание, например:

Кто из указанных деятелей не принимал участие в Полтавской битве?

a. Карл XII b. Петр I c. Суворов d. Мазепа

Использовались также так называемые открытые вопросы, когда испытуемый должен самостоятельно вписать правильный ответ, например:

В каком году состоялась битва на Курской Дуге?

Подавляющее большинство открытых вопросов касалось общеизвестных фактов (например, настоящая фамилия Иосифа Сталина или автор романа «Братья Карамазовы») и не должно было, по нашему мнению, вызвать трудностей у испытуемых. Также к этому типу мы отнесли задания, связанные с расшифровкой аббревиатур, например:

Как расшифровывается аббревиатура БАМ?

По сложности мы предположительно делили вопросы на 3 категории: простые, средние и сложные. Вышеприведённый вопрос про БАМ относится, по нашему мнению, к сложным вопросам, поскольку названный объект хотя и существует, исчез из медийного поля несколько десятков лет назад и поэтому вряд ли будет известен современным студентам, тогда как для поколения их родителей БАМ был знаковым явлением эпохи. К вопросам средней сложности можно отнести задания на выбор правильного ответа на вопрос, не связанный напрямую с программой средней школы, но относящийся к общеизвестным фактам, например:

Сикстинскую капеллу в Ватикане расписал …

a. Микеланджело b. Леонардо да Винчи c. Караваджо d. Веронезе

Простые вопросы – это вопросы, которые соотносятся с обязательной программой российской средней школы, например:

При каком императоре было отменено крепостное право в России?

a. Николай I b. Александр I c. Александр II d. Александр III

Основная масса вопросов теста относится к средней степени сложности.

Тестирование владения русским языком (вопросы 71-95) включает в себя задания, направленные на проверку широты вокабуляра студентов, а также знания нормативной грамматики русского языка. Для этого применялись задания-определения, например:

Нотация – это…

a. инструкция b. отметка c. изложение d. нравоучение,

а также задания, в которых требовалось найти синоним или антоним к данному слову, например:

Найдите антоним к слову «профан».

a. профессионал b. дилетант c. пошляк d. квазинаучный

или выбрать корректный контекст, например:

Выберите корректное высказывание.

a. В 1783 году братья Монгольфье впервые осуществили запуск в воздух дилижанса.

b. Через несколько минут дилижанс остановился из-за внезапной поломки двигателя.

c. Вскоре из дилижанса вышел кучер, дал корм мулам, запряг их и стал звать пассажиров.

Тестовые задания, основанные на принципе квалификации, когда испытуемый должен объединить ряд слов по самостоятельно выбранному признаку и исключить лишнее, использовались как для определения широты вокабуляра, так и для контроля навыков логического мышления, например:

Выберите лишнее слово.

a. фонология b. морфология c. дендрология d. синтаксис.

Описание эксперимента. Результаты эксперимента

Для пилотного эксперимента был выбран один факультет (Управления и политики)

МГИМО. Тестирование проводилось в сентябре 2017 года в группах, где студенты изучают французский язык как первый иностранный. На выполнение теста предусматривалось 90 минут, однако, многие студенты справились быстрее, что отчасти объяснялось их отказом от выполнения ряда заданий.

Тестирование прошли 18 студентов первого курса (из них 10 юношей, 8 девушек) и 16 студентов четвёртого курса, уже 3 года изучавших французский язык по программе первого иностранного языка в МГИМО (из них 5 юношей и 11 девушек).

После проверки были подсчитано число правильных ответов по каждому вопросу, а также процентное отношение правильных ответов к общему числу ответов. Затем было подсчитано среднее число правильных ответов по разделам. Разница в процентных значениях между результатами 1 и 4 курсов составляет прирост знаний. Необходимо заметить, что термин «прирост знаний» употребляется нами условно, поскольку тестированию подвергались разные группы студентов. Нам придётся подождать ещё три года, пока первокурсники подойдут к завершению бакалавриата, чтобы получить достоверные результаты прироста. Те же цифры, которыми мы оперируем сегодня, можно считать лишь контрольными.

Полученные результаты по разделам представлены в следующей таблице:

Среднее значение по разделу			
Раздел теста (номера вопросов)	**1 курс**	**4 курс**	**Прирост**
Общая география (1-5)	56%	63%	9%
География Франции (6-10)	50%	88%	38%
Общая история (11-20)	63%	87,5%	24,5%
История Франции (21-30)	52,8%	75%	22%
Мировая литература (31-40)	56%	81%	25%
Французская литература (41-50)	32%	73%	41%
Мировое искусство (51-60)	51%	73%	22%
Французское искусство (61-70)	39%	71%	32%
Владение русским языком (71-95)	58%	88%	30%
Логика (96-100)	67%	75%	8%
Итого по тесту	52,5%	77,5%	25%
Итого по общим разделам	56,5%	76%	19,5%
Итого по разделам «Франция»	43,5%	76,8%	33,3%

Интерпретация результатов. Выводы.

Средний результат 52,5%, полученный при тестировании студентов 1 курса, свидетельствует о довольно низком уровне знаниевой составляющей общей гуманитарной культуры, Средний балл по разделам, касающимся Франции, ниже на 9 единиц и составляет 43,5%. Такая ситуация не может не усложнять процесс обучения в вузе в целом и овладения иностранными языками в частности, поскольку приводит к недостаточно полному или вовсе неправильному пониманию студентами текстового и иллюстративного материала, требуя от преподавателя дополнительных комментариев и разъяснений, на которые уходит дефицитное учебное время.

Наиболее высокий результат среди блоков теста, контролирующих знание фактической информации, первокурсники продемонстрировали в разделах «Общая История и История России» (63%) и «Общая география» (56%), что может объясняться спецификой МГИМО, где история и география являются профилирующими предметами, и абитуриенты сдают единый государственный экзамен по одному из этих предметов.

Самым сложным вопросом по географии оказался вопрос:

На какой реке находится Саяно-Шушенская ГЭС?

a. Волга b. Амур c. Ангара d. Енисей

На него правильно ответил только один студент из 18.

В разделе всеобщей истории наибольшие затруднения вызвал вопрос: *Каким словом традиционно называют представителей консервативной партии Великобритании?* (2 правильных ответа из 18)

В разделе русской истории самый низкий процент правильных ответов (7 из 18) получен на вопрос: *Кто из указанных деятелей не принимал участия в Полтавской битве?*

По французской истории наиболее сложными оказались вопросы о дате взятия Бастилии (1 правильный ответ из 18), а также вопрос о том, при каком короле был министром кардинал Ришелье (4 правильных ответа из 18). Это тем более удивительно, что дата Великой французской революции фигурирует в школьных учебниках истории, а о кардинале Ришелье и Людовике XIII предшествующие поколения обычно узнавали если не из курса истории, то из романа Дюма или фильма «Три мушкетёра».

Относительно успешно (58%) испытуемые справились с блоком заданий, касающихся владения родным языком.

Самыми сложными оказались задания расшифровать аббревиатуры ГМО и ВИЧ (4 и 2 правильных ответа из 18 соответственно), а также задание выбрать лишнее слово из перечня: *стоики, картезианцы, агностики, анималисты* (2 из 18). Затруднение вызвало и употребление глагола *апеллировать* (3 из 18).

Низкие результаты по разделам Литература (44%) и Искусство (45%) могут свидетельствовать об отсутствии у нынешнего молодого поколения интереса к литературе и художественной культуре и о недостаточном внимании, уделяемом общему гуманитарному образованию школьников семьёй и обществом. Этот факт возможно связан с прагматическим подходом к учёбе современных школьников и их родителей, заключающемся в игнорировании школьных предметов, которые «не нужны» для поступления в вуз.

Огорчает, что низкий процент правильных ответов был дан на открытый вопрос *Персонажем какого романа является князь Мышкин?* (5 из 18), и только треть первокурсников смогли процитировать начало первой главы «Евгения Онегина» (6 из 18).

Только один студент из 18 смог назвать автора романа «Дети капитана Гранта», и только четверо справились с заданием выбрать из четырёх перечисленных одного персонажа, действующего в романе «Три мушкетёра» (леди Винтер). Остальные 14 голосов поровну распределились между Жюльеном Сорелем и мадам Бовари, что в ещё большей мере свидетельствует о том, что, по всей вероятности, знакомство с классикой зарубежной литературы не является культурным приоритетом нынешнего поколения молодёжи.

Не знакомы первокурсники и с творчеством культового режиссера 90-х годов Люка Бессона. А вот на вопросы об авторе романов о Гарри Поттере и о том, кто такие Астерикс и Обеликс, ответили безошибочно 94,4% опрошенных. 83,3% первокурсников знают, как называется премия Американской академии звукозаписи и знакомы с творчеством Сент-Экзюпери. Интересно заметить, что по вопросам – «чемпионам», результаты у четверокурсников такие же высокие или ещё выше, чем у первокурсников, например: вопрос об авторе Гарри Поттера (94,5% и 94%), вопрос об Астериксе и Обеликсе (94,5% и 94%), вопрос о премии Грэмми (83% и 88%), вопрос о Марии-Антуанетте (83% и 94%). Эти данные дают основания сделать вывод о сходстве культурного багажа двух групп испытуемых. В то время как общие результаты свидетельствуют о нарастающем отрыве культурных ориентиров молодого поколения от поколений предшествующих.

Закрытость общества в советскую эпоху, контролируемое государством книгоиздание и кинопрокат, единообразие учебных программ и учебников, навязывало обществу в целом и молодёжи в частности довольно ограниченный круг культурных ориентиров. Заметим, что выбор этих ориентиров (или стереотипов), во многом идеологически мотивированный, часто опирался не на достоинства произведения, а на иные случайные факторы. Почему Александр Дюма, а не Эжен Сю? Почему Альбер Камю, а не Андре Жид? Почему приключенческие романы Жюля Верна пользовались в СССР большей популярностью, чем у него на родине? Только углубленные исследования культурологов могут дать ответ на эти вопросы. После перестройки референтный культурный круг начал расширяться, размываться, сохраняя своё единство и прочность лишь там, где он испытывает давление мощной машины глобализованной массовой культуры (см. феномен Гарри Поттера). Поэтому ещё раз хотелось бы подчеркнуть, что наша задача заключается не в том, чтобы констатировать невежество молодого поколения, а в том, чтобы попытаться нащупать контуры новой культурной парадигмы.

Обнадёживает довольно высокий результат первокурсников (67%) в разделе «Логика», который напрямую не связан ни с одной из учебных дисциплин. Однако у четверокурсников этот показатель всего на 8% выше, что свидетельствует об очень незначительном совершенствовании механизмов логического мышления в процессе получения высшего образования.

И, напротив, владение русским языком улучшается существенно, а словарь замет-

но обогащается. Наш тест демонстрирует прирост в 30 %.

Результаты теста показывают, что условный прирост знаний по разделам, связанным с французской культурой, выше, чем в соответствующих общих разделах, например, 41% по литературе Франции и 25% по всемирной литературе; 38% по географии Франции и 9% по географии других стран, что свидетельствует об усвоении лингвострановедческой информации, предусмотренной программами по французскому языку.

Анализ результатов эксперимента показывает, что наибольшую сложность у студентов вызывают открытые вопросы: если средний результат по тесту у первокурсников составил 52,5%, то по заданиям открытого типа – только 37%. Это ещё раз доказывает, что выбор ответа из нескольких предложенных вариантов даёт подсказку и позволяет найти правильный ответ, опираясь не на знания, а на логику, на некоторые косвенные признаки. Не исключена и вероятность случайного попадания.

Таким образом, основные выводы нашего пилотного исследования можно резюмировать следующим образом:

Выпускники средних школ, поступающие в вуз, принадлежат к новому поколению, чей запас фоновых знаний общекультурного характера оказывается существенно иным, чем это представляют себе или хотели бы видеть преподаватели среднего и старшего поколения. Не беря на себя смелость делать радикальные выводы, мы всё же не можем не констатировать довольно низкий уровень эрудированности первокурсников в таких областях, как история, география, литература и искусство. Это в особенности касается знаний о зарубежных странах и культурах, что вероятнее всего объясняется изменениями в школьном образовании, когда из учебных программ практически «вымываются» всеобщая история, зарубежная литература, география зарубежных стран.

Сопоставление результатов студентов 1 и 4 курсов в пилотном эксперименте позволяет сделать предположение о том, что за четыре года бакалавриата студенты имеют шанс повысить свой уровень в плане общей гуманитарной культуры.

Введение лингвострановедческого компонента в программы изучения иностранного языка доказывает свою эффективность, поскольку прирост знаний о стране изучаемого языка превышает, по нашим данным, прирост в других областях.

Поскольку наш эксперимент имеет пролонгированный характер, повторное тестирование студентов на финальном этапе их обучения позволит нам получить более достоверные результаты и проанализировать их.

Абстрагируясь от оценочных суждений, следует признать, что сегодняшние студенты, «дети миллениума», живут в культурной парадигме, отличной от той, к которой традиционно апеллируют преподаватели. Несовпадение культурных ориентиров у преподавателей и студентов значительно усложняет диалог «преподаватель-студент», вызывая недовольство и раздражение со стороны первого и фрустрацию со стороны второго. Для того чтобы оптимизировать это взаимодействие, недостаточно делать ставку на ликвидацию культурных пробелов у студентов. Нужно также, чтобы преподаватели проявили большую гибкость и способность отказаться от некоторых стереотипов, для чего необходимо продолжать исследования параметров новой культурной реальности, в том числе экспериментальные.

Список литературы

1. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., Политиздат, 1990. 413 с.
2. Григорьев А.А, Журавлев И.В., Журавлева Ю.В., Лаптева Е.В., Носс И.Н. Апробация теста общей осведомленности в России. //Психология. Журнал Высшей школы экономики. М., 2016. Т. 13. №4. С. 667–677.
3. Запесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика. М.: Наука, 2002. 446 с.
4. Каган М. С. Философия культуры. СПб., Петрополис, 1996. 416 с.
5. Кадочникова С.Г. Актуальные аспекты взаимодействия философии и литературы в ситуации смены культурных парадигм. // Вестник МГУКИ июль-август 4(36). 2010. С. 44-48.
6. Павлова Л.В. Критерии и уровни развития гуманитарной культуры студентов в процессе иноязычного образования в вузе. Сибирский педагогический журнал. 2009. № 10. С. 137- 144.
7. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, Paris, Gallimard, 1966, 357 p.
8. Péloquin F. Culture générale: conceptions, attentes et pratiques pédagogiques de professeures et professeurs du collégial. Thèse de doctorat en éducation. Université du Quebec à Montréal. Montréal, 2011. 271p.

Сведения об авторах:

Метельская Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: психолингвистика, межкультурная коммуникация. E-mail: ludmilamet@mail.ru.

Лосева Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, профессор кафедры французского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: психолингвистика, межкультурная коммуникация, методика преподавания иностранных языков, теория интерязыка.
E-mail: natloseva@gmail.com.

CASE STUDY: EXPERIMENTAL EVALUATION OF KNOWLEDGE COMPONENT OF UNIVERSITY STUDENTS HUMANITARIAN CULTURE

Ludmila N. Metelskaya, Natalia V. Loseva

Moscow State Institute of International Relations (Univercity),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

The Abstract: *This article analyzes the results of the experimental test that has been conducted at the MGIMO Politics and Governance Department to study and assess the general humanitarian cultural level of undergraduate students.*

Accepting a broader interpretation for this concept, that is predominant in the contemporary scientific research, the authors focused on the knowledge component of the general humanitarian culture, understood as a set of concepts about history, geography, literature and art. Internalized knowledge of such kind forms cultural background enabling any dialogue, in our case "teacher – student".

To achieve the set goals, the authors of the study have developed a test – to evaluate the general humanitarian cultural level of freshmen and fourth-year students in compliance with the teachers' expectations, thereby exposing a deep cultural gap between people of different generations.

The results obtained vividly show that current freshmen meet the expectations of the university professors in terms of general humanitarian knowledge by slightly more than 50% (the average test score is 52.5%), which can significantly impede the process of education. A qualitative analysis of the test results suggests that modern students, or millennials, live in a new cultural paradigm, triggered by global changes in our society.

To optimize the teacher-student dialogue teachers must recognize the fact of discrepancy in cultural codes, abandon old stereotypes and just systematically work on refilling gaps in the general cultural level of students, which, as the experiment shows, can be successfully achieved by the Baccalaureate program (relative gain of knowledge by the 4th year equals 25%). The comparison of the results for the two age groups of the tested students led to the conclusion that the cultural-linguistic element of the French language course is quite effective.

Key Words: *general humanitarian culture, secondary education, higher education, test, background knowledge, cultural paradigm, cultural-linguistic aspect*

References

1. Bibler V. S. Ot naukoucheniia – k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniia v dvadtsat' pervy vek [From science to the logic of culture: two philosophical introductions to the twenty-first century]. M., Politizdat, 1990. 413 p.
2. Kagan M. S. Filosofiia kul'tury [Philosophy of culture]. SPb., Petropolis, 1996. 416 p.
3. Zapesotskii A. S. Obrazovanie: filosofiia, kul'turologiia, politika [Education: philosophy, cultural studies, politics]. M., Nauka, 2002, 446 p.

4. Grigor'ev A.A, ZHuravlev I.V., ZHuravleva YU.V., Lapteva E.V., Noss I.N. Aprobatsiia testa obshchei osvedomlennosti v Rossii. Psihologiia [Approbation of the General awareness test in Russia. Psychology]. ZHurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Journal of Higher school of Economics]. 2016, T. 13. №4. pp. 667–677.
5. Kadochnikova S.G. Aktual'nye aspekty vzaimodeistviia filosofii i literatury v situatsii smeny kul'turnykh paradigm. Relevant aspects of the interaction between philosophy and literature in a situation of changing cultural paradigms. Vestnik MGUKI iiul'-avgust [Journal of Moscow State Institute of Culture] № 4(36). 2010. pp. 44-48.
6. Pavlova L.V. kriterii-i-urovni-razvitiia-gumanitarnoi-kultury-studentov-v-protsesse-inoiazychnogo-obrazovaniia-v-vuze [Criteria and levels of the development of university student' humanitarian culture in the process of learning foreign languages]. Sibirskii-pedagogicheskii-zhurnal [Siberian pedagogical journal]. 2009. № 10. pp. 137- 144.
7. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, Paris, Gallimard, 1966. 357 p.
8. Péloquin F. Culture générale: conceptions, attentes et pratiques pédagogiques de professeures et professeurs du collégial. Thèse de doctorat en éducation. Université du Quebec à Montréal. Montréal, 2011. 271 p.

About the authors:

Ludmila N. Metelskaya – PhD, professor of Department of the French Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: psycholinguistics, intercultural communication.
E-mail: ludmilamet@mail.ru.

Natalia V. Loseva – PhD, professor of Department of the French Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: psycholinguistics, intercultural communication, second language acquisition, interlanguage studies. E-mail: natloseva@gmail.com.

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-80-88

LA SITUACIÓN LINGÜÍSTICA EN ESPAÑA: LA PROTECCIÓN DE LA LENGUA Y DE LA NACIÓN

Galina M. Gorenko

Universidad Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú (MGIMO),
Avda.Vernadskogo 76, 119454 Moscú, Rusia

Resumen: *En el artículo se analiza la influencia que ejercen los procesos de la globalización y del regionalismo en la situación sociolingüística de las lenguas minoritarias que obtienen un valor especial como únicos y principales depositarios de la cultura nacional. Como las minorías nacionales empiezan a reclamar sus derechos lingüísticos, la comunidad internacional aborda el problema a todos los niveles: comunitario, nacional y regional. Se examina la situación lingüística en España que se considera uno de los países europeos que mejor preserva y fomenta las lenguas regionales y minoritarias, así como en Cataluña, donde actualmente se observa el más intenso foco de tensión lingüística de la UE. Como muestra el análisis del estado actual de las lenguas cooficiales y minoritarias que funcionan en el territorio español, la lucha por las lenguas está ganada en España. Su política lingüística ha resultado fructífera, pero, al mismo tiempo, ha producido una serie de consecuencias peligrosas para la estabilidad e integridad del propio estado español. Lo que ahora le queda a España es acometer la difícil tarea de preservarse a sí misma. El progresivo debilitamiento de los fuertes vínculos que antes mantenían cohesionado al estado español, la erosión del concepto del estado nacional soberano y la delegación de las principales competencias públicas a una estructura supranacional han servido para dar un fuerte impulso al nacionalismo y reactivar el movimiento independentista catalán. Por lo tanto hoy en día la política lingüística estatal, que reviste especial importancia, debe ser sumamente equilibrada y estar guidada por intereses nacionales establecidos a largo plazo.*

Palabras clave: *regionalismo, multiculturalismo, independentismo, política lingüística, lenguas minoritarias y regionales, la situación sociolingüística en la UE, las lenguas cooficiales de España, la situación lingüística en Cataluña, el conflicto catalán*

En un mundo globalizado se agudizan los problemas surgidos en torno a los idiomas que obtienen un valor especial como únicos y principales depositarios de la cultura nacional. La globalización y la tendencia a la estandarización y el cosmopolitismo han desempeñado un papel catalizador y han agravado el problema de la autoidentificación de las naciones y de las nacionalidades. Por lo tanto el avance del proceso de globalización, la cultura de masas o el monopolio adquirido por algunas lenguas –consideradas de más prestigio y proyección– no solo no parecen estar acabando con la riqueza lingüística existente en el continente europeo, sino que han generado un fenómeno contrario: dichas amenazas han impulsado el movimiento de proteger, defender y promover las lenguas minoritarias. La diversidad lingüístico-cultural empieza a percibirse como símbolo de la distinción étnica y se convierte paulatinamente en un signo del aislamiento regional frente a los procesos de universalización. Grandes identidades nacionales llegan a ser objeto de presiones por la fuerza de la globalización, y, como consecuencia paradójica, aparecen movimientos regionalistas de toda índole. El regionalismo empieza a actuar como parte integrante de la ideología globalista, como su otra cara, y va cobrando impulso en la construcción del incipiente nuevo orden mundial. Este fenómeno se construye en primer lugar

a partir de la identidad lingüística y sociocultural. Las ideas principales del regionalismo son el orgullo regional, la superación del complejo del provincialismo, la lucha por la ampliación de la autonomía política y económica, la formación de una imagen del poder central como foco de todo mal y la defensa del derecho moral a separarse del "centro" y a obtener la independencia [14, p. 7]. De esta manera, el regionalismo se transforma en una nueva tecnología política basada en la lucha por la lengua, elemento que adquiere una importancia vital para garantizar el éxito de los proyectos regionalistas. Las minorías nacionales reclaman sus derechos lingüísticos como hablantes nativos de las lenguas regionales y, derivado de ello, como representantes de una supuesta identidad étnica.

Para responder a las reclamaciones legítimas de las minorías lingüísticas a finales del siglo XX en el ámbito internacional se adopta una nueva normativa lingüística y regional. Pese a la dificultad de "alcanzar una definición de minoría que disfrute del consenso general de todos los Estados" [18, p. 946], en la ONU, el Consejo de Europa y otras organizaciones internacionales se desarrollan y suscriben documentos como *Declaración sobre los derechos de las personas pertenecientes a las minorías nacionales o étnicas, religiosas y lingüísticas* (1992) [22], *Convenio Marco para la Protección de las Minorías Nacionales* (1994) [21], no solo institucionales, sino también no gubernamentales, como *Declaración universal de derechos lingüísticos* (1996) [23] y otros.

A pesar de que la existencia de las minorías es un fenómeno universal, es en el continente europeo donde se manifiesta con mayor intensidad. El impulso a la protección, el fomento y la promoción de las lenguas minoritarias como depositarias de la riqueza cultural fue mantenido y apoyado también por la Unión Europea en su *Carta europea de las lenguas minoritarias o regionales* aprobada en 1992 [19], el mismo año de la creación de la UE. La Carta proclama la facilitación y la promoción del uso de las lenguas minoritarias o regionales en la vida privada y pública, y más en concreto en la educación, la justicia, la administración, los servicios públicos, los medios de comunicación y las actividades culturales, económicas y sociales. En los decenios que siguieron a la aprobación de la *Carta* venía produciéndose un auténtico resurgimiento de muchos idiomas regionales y minoritarios. Sin embargo, el proceso de fortalecimiento de la posición de tales lenguas empezó a afectar en un determinado momento a los derechos lingüísticos de los ciudadanos que son hablantes de la lengua dominante y comparten territorio con alguna minoría nacional [33, p. 155], así como a fomentar el desarrollo del regionalismo como fuerza política y a amenazar en cierta medida la integridad de los estados nacionales. Como resultado de todo ello, hoy son comunes las situaciones lingüísticas contradictorias que siguen provocando malentendidos, disgustos y conflictos, y que solo pueden ser resueltas mediante la comprensión y el respeto mutuos. Por consiguiente, esta aspiración de la Unión Europea de crear condiciones iguales para el funcionamiento de diferentes tipos de habla/lengua aunque loable en sí, no resulta útil para armonizar la situación lingüística y, por el contrario, provoca graves consecuencias colaterales en el marco de la propia Unión Europea.

Antes de la creación de la Unión Europea, el continente europeo estaba integrado por una serie de estados plenamente independientes, cada uno de los cuales aplicaba su propia política interior y exterior siempre conforme a su interés nacional al tiempo que gozaba de plenas competencias en todos los ámbitos de actuación (principalmente, en lo relativo a seguridad, defensa, economía y política monetaria y social). Las políticas que adoptaba cada estado nacional, así como el control que ejercía no solo definían sus relaciones con los vecinos y el resto del mundo exterior, sino que a la vez cimentaban el propio estado, lo hacían más monolítico por dentro. Desde este punto de vista cada país representaba una especie de célula que interactuaba con otros elementos del sistema mundial pero sin disolverse en éste, manteniendo su unidad, su forma de ser, su membrana protectora, es decir, sus fronteras en todos los sentidos.

Sin embargo, con la creación de la Unión Europea, una parte trascendental de las facultades que ejercían los estados nacionales ha sido delegada a este organismo político, que desde entonces regula los principales ámbitos de actuación de los estados miembros. Al gobierno comunitario le corresponde, en diversos grados, la gestión de la política exterior, la seguridad, la defensa, el desarrollo económico, el llamado espacio de seguridad, libertad y justicia y otras esferas de vital importancia [36]. De este modo, los vínculos externos entre diferentes países se estrechan, pero, al mismo tiempo, van disolviéndose poco a poco los lazos que antes mantenían internamente unidos cada uno de los estados nacionales.

El concepto del estado nacional soberano se difumina, las principales competencias públicas se delegan a una estructura supranacional, la idea misma de la viabilidad histórica de la existencia del estado pierde su razón de ser. Y en esta situación de desa-

cralización del estado nacional, la lengua como tal y la situación lingüística emergente se convierten en uno de los marcadores fundamentales de la salud social de cada nación, dado que la conciencia lingüística es prácticamente lo único que le queda a una cultura nacional para salvaguardar su identidad en un mundo cada vez más globalizado. El problema lingüístico se aborda a todos los niveles: comunitario, nacional y regional. Según los datos de ELEN, *European Language Equality Network,* organización no gubernamental que defiende la igualdad de las lenguas europeas [26], en Europa se hablan hoy un total de 84 lenguas, 24 de ellas oficiales, teniendo en cuenta que son 28 los países de la Unión Europea. Las 60 lenguas restantes son regionales, minoritarias y minorizadas (es decir, discriminadas conforme a la definición de esta organización [28]). La UE pone mucho empeño en proteger y fomentar las lenguas minoritarias siguiendo siempre los principios comunitarios fundamentales y proclamando en su Carta dos puntos clave, a saber: "la protección y el estímulo de las lenguas regionales o minoritarias no debería hacerse en detrimento de las lenguas oficiales y de la necesidad de aprenderlas" [19, p. 2] y "la protección y la promoción de las lenguas regionales o minoritarias en los diferentes países y regiones de Europa representan una contribución importante a la construcción de una Europa basada en los principios de la democracia y de la diversidad cultural, en el marco de la soberanía nacional y la integridad territorial" [19, p. 2]. A nivel comunitario, estas declaraciones suenan muy bien, pero veamos cómo se tratan de llevar a la práctica a nivel nacional.

En un estado plurinacional, el poder público empleaba su autoridad, prestigio e influencia para preservar una adecuada convivencia en la sociedad, así como para aplicar su propia política lingüística partiendo de la situación en que se encontraban todas las lenguas presentes en cada uno de los territorios del estado. Para garantizar la pacífica coexistencia de varias lenguas y de sus correspondientes culturas en el marco de un estado, a nivel nacional se han desarrollado diferentes mecanismos. La Historia Universal nos ofrece algunos ejemplos como el *crisol de culturas* (Estados Unidos), el *internacionalismo* (la Unión Soviética), el *multiculturalismo* (los países europeos). Estos modelos, implementados en diferentes países, constituyen un instrumento más de la organización de las sociedades plurinacionales [5, p. 61]. El modelo multicultural ejecutado por la Unión Europea en las últimas décadas del siglo XX y las primeras del siglo XXI representa un intento de conservar la autonomía de las culturas minoritarias nacionales integradas en una cultura común y en los límites de un estado. El multiculturalismo surgió como una alternativa al modelo norteamericano del "crisol de culturas" [1, p. 9], y su objetivo clave es la preservación y la convivencia pacífica de culturas y religiones de los pueblos residentes en el territorio de cada estado, siempre y cuando se garantice el cumplimiento incondicional de las leyes de dicho estado. Sin embargo, se ha demostrado que su conciliación en la práctica resulta problemática. De ahí que últimamente se hable tanto de la crisis del multiculturalismo.

El estado nacional establecía una jerarquía en el uso de sus lenguas. En el caso de España, desde la llegada de la democracia el estado ofrece amplias posibilidades para la protección y el fomento del uso de las lenguas cooficiales y minoritarias. Según los Estatutos de Autonomía, España cuenta con cinco lenguas regionales (cooficiales a nivel autonómico y no estatal) que son oficialmente admitidas, pero que gozan de diferentes competencias administrativas: catalán, valenciano[1], aranés, eusquera y gallego. También cabe mencionar el aragonés y el asturleonés, que carecen de estatus oficial, así como otras modalidades lingüísticas menos relevantes. España se caracteriza por poseer el número de hablantes nativos de lenguas minoritarias más alto entre los países de Europa Occidental [25, p. 62, tabla 2] con casi 10 millones de habitantes según los datos actualizados [24, p. 22]. Siendo así, no es extraño, que España fuera uno de los primeros estados que firmó y ratificó la *Carta*. En comparación con otros países europeos, las lenguas minoritarias en España disfrutan de una situación privilegiada en el ámbito de la política lingüística. Entre los hitos cruciales los expertos destacan "la organización constitucional del poder y la profunda descentralización política que permite la Constitución de 1978 y los Estatutos de Autonomía de cada comunidad autónoma" [35, p. 106]. Esta protección es más fácil gracias a que las comunidades autónomas tienen importantes competencias políticas, ejercen un papel esencial en la vida administrativa cotidiana y cuentan con recursos presupuestarios importantes.

La Constitución Española de 1978 proclama la pluralidad lingüística y declara que "la riqueza de las modalidades lingüísticas de España es patrimonio cultural que será objeto de especial respeto y protección" [20, art.3.3]. También la Constitución Es-

[1] Sobre la distinción entre las nociones de *catalán* y *valenciano* véase el artículo de Denisenko, G.V. [10] para más detalles.

pañola reconoce el castellano como lengua común y establece su cooficialidad con las demás lenguas en los territorios donde convivan. Dentro de este contexto, los gobiernos de las comunidades bilingües disponen de plenas competencias en la política lingüística en sus territorios. No obstante, hay ámbitos, en los que las lenguas cooficiales no pueden cumplir plenamente sus funciones. En realidad, las lenguas cooficiales equiparan sus funciones con las del idioma estatal solo en los límites de sus respectivas comunidades autónomas.

Todos estos factores, sumados a las amenazas externas al uso normalizado de tales idiomas (como las nuevas redes de comunicaciones que normalmente usan las lenguas más habladas, la nueva sociedad de la información, el acelerado proceso de la inmigración) "crean un amplio abanico de situaciones lingüísticas de diferente complejidad dignas de ser investigadas" [27, p. 585][2].

Una vez aprobados los diferentes Estatutos de Autonomía el estado español empezó a delegar en las comunidades autónomas determinadas competencias, entre las que figuraban la educación, la normalización lingüística, la distribución del uso de la lengua oficial y cooficial en diferentes ámbitos y campos funcionales, así como la enseñanza de las lenguas cooficiales. Este último punto resulta de gran importancia, pues, como es sabido, la escuela puede acabar con una lengua o revitalizarla. La transferencia de competencias lingüísticas tuvo un significado especial, ya que favoreció la situación de las lenguas minoritarias habladas en el territorio español. Como consecuencia, estos idiomas afianzaron su posición en la sociedad y actualmente, entre todas las lenguas cooficiales, solo el vasco (el euskera) figura en el *Atlas de las lenguas del mundo en peligro* publicado por la UNESCO en 2010 con la característica de "vulnerable" [17, p. 35], lo que supone que "la lengua materna es la primera lengua de la mayor parte de los niños o familias de determinada comunidad –pero no de todos–, y a veces se limita a ámbitos sociales específicos (como el hogar, donde los niños comunican con padres y abuelos)" [17, p. 12]. El gallego y el catalán se consideran fuera del peligro, es decir, "todas las generaciones hablan el idioma; no ha habido interrupción en la transmisión de la lengua entre generaciones" [17, p. 11], y por eso no están incluidos en los mapas del *Atlas*. Por su parte, el catalán se menciona entre las lenguas minoritarias como "la menos amenazada de Europa"[3] [17, p. 39]. Las lenguas asturleonés y aragonés, que no son cooficiales, sí están "en peligro" ya que, según el *Atlas*, "los niños ya no aprenden en su hogar la lengua como lengua materna. Los hablantes más jóvenes pertenecen pues a la generación de los padres. En esta fase, los padres pueden todavía dirigirse a sus hijos en su lengua, pero por lo general los niños no contestan en ese idioma" [17, p. 12]. En general, España se considera uno de los países europeos que mejor aplica los principios de la *Carta* "asumiendo, en todos y cada uno de los ámbitos a que ésta hace referencia, el más alto nivel de obligaciones posibles, a pesar de que la Carta permitía niveles muy inferiores de compromiso" [32, p. 118] y por eso no se puede acusar este país de aplicar políticas de discriminación lingüística. En España no hay lenguas minorizadas, todas son respetadas por la ley. A modo de comparación, Francia, que siempre ha defendido el modelo centralista, cuenta con casi 20 idiomas registrados en el *Atlas*, la mayoría de los cuales calificados como "seriamente en peligro" y uno ya como "extinto" [17, mapa 10]. Por todo lo expuesto anteriormente, podría afirmarse que la lucha por las lenguas está ganada en España, y que la política lingüística ha resultado fructífera desde el punto de vista de la preservación de las lenguas minoritarias. Y sin embargo, también es cierto que ha producido una serie de consecuencias peligrosas para la estabilidad e integridad del propio estado. Lo que ahora le queda a España es acometer la difícil tarea de preservarse a sí misma.

Si se analiza el problema a nivel regional, sobre todo en Cataluña (donde actualmente se observa el más intenso foco de tensión lingüística de la UE), se puede constatar que la aplicación de la política lingüística catalana y del famoso *Programa de inmersión lingüística* que suponía la implantación del catalán como lengua vehicular en todas las escuelas de esta comunidad autónoma, y que ha dado tan buenos resultados en su promoción, normalización y ampliación del uso [30, pp. 42-43], ha acabado por ser contraria a los principios de la *Carta* menciona-

[2] El complicado panorama lingüístico en España ha sido y sigue siendo objeto de múltiples estudios realizados en la Universidad MGIMO (Moscú) que lo examinan desde diferentes ángulos: histórico, politológico, sociológico, culturológico y sociolingüístico [2-4, 6-13, 27]

[3] Indirectamente, esta afirmación se confirma por el hecho de que en el *Acuerdo para la transición nacional y para garantizar la estabilidad parlamentaria del Gobierno de Cataluña* en 2012 que fija una hoja de ruta previa para alcanzar la independencia de Cataluña, el apartado dedicado a la identidad, lengua y cultura catalanas ocupa el último lugar, y, en particular, el párrafo relativo a la lengua catalana es el 59 de los 60 en total (el 55 de los 56 en la versión castellana del documento [16]): "Desplegar, de forma ambiciosa, el marc normatiu que impulsa el català en alguns àmbits en què la nostra llengua es troba minoritzada, com ara el cinema, el consum o la immigració." [15, anexo II, p. 6] lo que subraya una posición firme y nada amenazada del catalán.

dos, ya que dicho programa se ha llevado a cabo en detrimento de la lengua oficial y, entre otras consecuencias, ha convertido esta lengua en un instrumento para favorecer el crecimiento del nacionalismo catalán, que representa hoy una seria amenaza a la integridad territorial española. El progresivo debilitamiento de los fuertes vínculos que antes mantenían cohesionado al estado español ha servido para dar un fuerte impulso a este movimiento independentista hasta el punto de que, según los separatistas, nada comprometería ya a Cataluña para permanecer en el seno de España y no quedaría ningún obstáculo para lograr la independencia que no estén dispuestos a afrontar. Los nacionalistas no perciben grandes riesgos en un eventual proceso de separación conscientes de que algunas de importantes funciones del estado ya las asume la UE. Si antes para emprender un proceso de independencia era necesario reconstruir toda la estructura del estado, lo que complicaba todo considerablemente, ahora se tiene la sensación de que no se requieren tales esfuerzos. En opinión de los independentistas, Cataluña asumiría las mismas competencias y responsabilidades de las que goza ya dentro del estado español, pero, viviendo aparte como estado propio.

Por otro lado, existen principios proclamados por la UE conforme a los cuales no se permitiría la adhesión de una parte del estado miembro que se independice sino que el caso se trataría como si un tercer estado ajeno a la UE solicitara su ingreso. El problema es que, por un lado, estos principios han sido expresados desde altas tribunas comunitarias al empezar *el procés*, pero, por otro lado, la posterior conducta de los estados miembros respecto al problema catalán (por ejemplo, el trato dado al expresidente del Gobierno catalán Carles Puigdemont huido a Bélgica de la justicia española, con libertad de movimiento y de acción, y permiso para dar charlas en aulas universitarias y ofrecer ruedas de prensa, los obstáculos para su extradición y, en general, la imagen de internacionalización de un conflicto interno español) han alentado en los separatistas la falsa (o no tan falsa) esperanza de que el problema de la reintegración a la familia europea no tardaría en resolverse, pero bajo otra bandera. Esta confusa situación ha fomentado el sentimiento y el movimiento nacionalista aún sin tener muy claro el destino final de tal aventura. A pesar de haber elaborado minuciosamente los tres documentos que han guiado el proceso hacia la independencia (a saber, el *Acuerdo para la transición nacional y para garantizar la estabilidad parlamentaria del Gobierno de Cataluña* en 2012 [16]; *Las vías de integración de Catalunya en la Unión Europea* en 2014 [31] y la *Hoja de ruta unitaria del proceso soberanista catalán* en 2015 [29]) y de seguir metódica y progresivamente los pasos allí indicados, el separatismo catalán fomentado por los nacionalistas parece no darse cuenta de las auténticas y gravosas consecuencias de la secesión [3, p. 89]. Desde nuestro punto de vista, la confianza de los separatistas se alimenta del funcionamiento al alcance de la mano de una estructura supranacional, la Unión Europea, que puede asumir la mayoría de las funciones del estado nacional y conservar la estabilidad económica de la región, pero también de la debilidad de los vínculos internos del estado y de la crisis económica y social que está sufriendo España. Valdría la pena citar aquí las palabras del famoso filósofo español del siglo XX José Ortega y Gasset, que pronunció en la sesión de las Cortes durante las discusiones sobre el primer Estatuto de Autonomía de Cataluña en mayo de 1932: "Los nacionalismos sólo pueden deprimirse cuando se envuelvan en un gran movimiento ascensional de todo un país, cuando se crea un gran Estado, en el que van bien las cosas, en el que ilusiona embarcarse, porque la fortuna sopla en sus velas. Un Estado en decadencia fomenta los nacionalismos: un Estado en buena ventura los desnutre y los reabsorbe" [34, p. 56]. Parece que la reciente explosión del independentismo se debe en gran medida justo a eso.

Frente a una España estructural y económicamente débil, el independentismo catalán aspira a lograr su objetivo de que "Cataluña pueda devenir un Estado en el marco europeo" [15, p. 1]. Los promotores del independentismo prefieren no ver ninguna contradicción en el hecho de que según el artículo 4.2 del *Tratado de la Unión Europea*,[4] Cataluña se sitúe automáticamente fuera de la UE al separarse de España. Y aunque admiten que la reintegración en la UE no está garantizada y ponen sus esperanzas en una hipotética y deseable "flexibilidad" de la Unión Europea, optan por no centrar en este punto débil la atención de la ciudadanía catalana para ocultar la evidencia del salto al vacío que pretenden emprender.

[4] "La Unión respetará la igualdad de los Estados miembros ante los Tratados, así como su identidad nacional, inherente a las estructuras fundamentales políticas y constitucionales de estos, también en lo referente a la autonomía local y regional. Respetará las funciones esenciales del Estado, especialmente las que tienen por objeto garantizar su integridad territorial, mantener el orden público y salvaguardar la seguridad nacional" [37].

En este contexto, cabe subrayar que hoy en día la política lingüística estatal reviste especial importancia y debe ser sumamente equilibrada y estar guidada por intereses nacionales establecidos a largo plazo. Todas las lenguas merecen el mismo respeto como depositarios de un modo único de pensamiento pero la cuestión es si realmente todas necesitan ostentar los mismos derechos para su garantizado funcionamiento.

Referencias bibliográficas

1. Ананьева Е.П. Виды и формы функционирования мультикультурализма // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016, Т. 26, Вып. 4, С. 7–14.
2. Астахова Е.В. Испания как метафора. М., 2017. 274 с.
3. Волкова Г.И. Каталонский национализм и проблемы территориальной целостности Испании // Сравнительная политика. 2016, № 2 (23). С. 85–95.
4. Волкова Г.И., Дементьев А.В. Политическая история Испании. М.: Высшая школа, 2007. 192 с.
5. Горенко Г.М., Безгодов Д.Н., Горенко И.В. «Исправление имен» в понимании кризисных явлений современной культуры // Вестник развития науки и образования. 2018, № 2. С.59–69.
6. Гринина Е.А. The linguistic battles of the Aran Valley in the crisis of multiculturalism // Ибероамериканские тетради. 2016, № 2 (12). С. 112– 116.
7. Гринина Е.А. Язык как инструмент политики. // Ибероамериканские тетради. 2017, № 1 (15). С. 86–89.
8. Денисенко Г.В. El catalán balear y el movimiento de gonellismo // Ибероамериканские тетради. 2014, № 2 (4). С. 25–29.
9. Денисенко Г.В. La guerra por la lengua: ¿el catalán/el valenciano o el catalán y el valenciano? // Ибероамериканские тетради. 2016, № 2 (12). С. 572–578.
10. Денисенко Г.В. Каталония, Валенсия, Балеарские острова: к вопросу о культурно-языковом сепаратизме // Ибероамериканские тетради. 2017, № 1 (15). С. 90–96.
11. Хенкин С.М. «Баскская проблема» как фактор разобщения испанской политии // Политическая наука. 2016, № 1. С. 124–146.
12. Хенкин С.М. Каталонский конфликт вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. 2015, № 1. С. 117–138.
13. Хенкин С.М. Феномен сепаратизма. Опыт Испании. М., 2017. 111 с.
14. Щипков В.А. Регионализм как идеология глобализма. М.: МГИМО-Университет, 2017. 188 с.
15. Acord per a la transició nacional y per garantir l'estabilitat parlamentaria del Govern de Catalunya. Annex 1. 19 desembre 2012, 19 pp. Disponible en http://file01.lavanguardia.com/2012/12/19/54358119611-url.pdf (visitada el 05.06.2018)
16. *Acuerdo para la transición nacional y para garantizar la estabilidad parlamentaria del Gobierno de Cataluña.* Barcelona: 2012. Disponible en https://www.lavanguardia.com/politica/20121215/54358002243/programa-gobierno-tres-frentes-actuacion.html (visitada el 05.06.18)
17. *Atlas de las lenguas del mundo en peligro.* (Moseley, Chr.:, ed.), París: Ediciones UNESCO. 2010.
18. Bautista Jiménez, J.M.: "El Convenio marco para la protección de las minorías nacionales: construyendo un sistema europeo de protección de las minorías", *Revista de investigación educativa,* vol.22. n.3 (1995) pp.939-957
19. *Carta europea de las lenguas regionales o minoritarias.* Estrasburgo: 1992. Disponible en http://www.consello.org/pdf/cartaeuropea92.pdf (visitada el 05.06.18)
20. *Constitución española.* 1978. Disponible en http://www.congreso.es (visitada el 05.06.18)
21. *Convenio-marco para la protección de las minorías nacionales.* Estrasburgo, 1994.
22. *Declaración sobre los derechos de las personas pertenecientes a las minorías nacionales o étnicas, religiosas y lingüísticas.* Resolución 47/135 de la Asamblea General del 18.12.1992. Disponible en http://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/BDL/2002/1424.pdf?file=fileadmin/Documentos/BDL/2002/1424 (visitada el 05.06.2018)
23. *Declaración universal de derechos lingüísticos.* Barcelona: 1996. Disponible en https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/2/740/20.pdf (visitada el 05.06.2018)
24. *El catalán y las lenguas llamadas "minoritarias" de la Unión Europea.* Documento disponible en http://www.caib.es/conselleries/educacio/dgpoling/user/catalaeuropa/castella/castella7.pdf (visitada el 05.06.18)
25. *Euromosaic: producción y reproducción de los grupos lingüísticos minoritarios de la UE.* Luxemburgo: Oficina de publicaciones oficiales de las Comunidades Europeas. 1996. 105 p.
26. European Language Equality Network. Disponible en https://elen.ngo (visitada el 05.06.18)
27. Gorenko G., Gorenko A. Some aspects of the language policy of the European Union: the case of Catalonia// Ибероамериканские тетради. 2016, № 2 (12). С. 583–593.
28. Hicks, Davydh: "Hay 84 lenguas en Europa, todas con la misma dignidad", entrevista concedida a *La Vanguardia* el 22.11.2016. Disponible en http://www.lavanguardia.com/lacontra/20161122/412049206256/hay-84-lenguas-en-europa-todas-con-la-misma-dignidad.html (visitada el 05.06.18)
29. *Hoja de ruta unitaria del proceso soberanista catalán*. Barcelona. 2015. Documento de Internet disponible en https://www.vilaweb.cat/media/continguts/000/098/692/692.pdf (visitada el 05.06.18)
30. *La lengua en la escuela catalana: un modelo de éxito.* Generalitat de Cataluña. Departament d´Ensenyament. 2015. 78 pp. Disponible en http://www.ensenyament.gencat.cat (visitada el 05.06.2018)
31. *Las vías de integración de Catalunya en la Unión Europea.* Generalitat de Cataluña. 2014. 75 pp. Disponible en http://www.gdr-elsj.eu/wp-content/uploads/2017/10/inf_6_castella.pdf (visitada el 05.06.18)

32. López Basaguren, A.: "Orden constitucional español y Carta Europea de las Lenguas Regionales o Minoritarias: algunos problemas de aplicación" en *La protección de las lenguas minoritarias en Europa: hacia una nueva década.* Vitoria-Gasteiz: 2011. pp.117–139.
33. Moral, Rafael del: *Las batallas de la eñe. Lenguas condicionadas y nacionalismos exaltados.* Madrid: Verbum, 2015. 188 p.
34. Ortega y Gasset, J., Azaña M.: *Dos visiones de España: discursos en las Cortes Constituyentes sobre el Estatuto de Cataluña* (1932). Galaxia Gutenberg. 2005. 141 p.
35. Pérez Medina, J.M.: "El caso de España" en *La protección de las lenguas minoritarias en Europa: hacia una nueva década.* Vitoria-Gasteiz: 2011. pp. 105–116.
36. *Reparto de competencias en la Unión Europea.* Documento disponible en: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ES/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:ai0020&from=ES (visitada el 05.06.18)
37. *Versión consolidada del Tratado de la Unión Europea.* Diario oficial de la Unión Europea. Disponible en https://www.boe.es/doue/2010/083/Z00013-00046.pdf (visitada el 05.06.2018)

Sobre la autora:

Galina M. Gorenko – Doctora, Profesora titular del departamento de Español de la Universidad MGIMO (Moscú, Rusia). Esferas de investigación e interés profesional: español, problemas sociolingüísticos, lenguas romances minoritarias de Europa, retorromanche de Suiza. Correo electrónico: gorenki5@mail.ru.

SOCIOLINGUISTIC SITUATION IN SPAIN: PROTECTION OF LANGUAGE AND NATION

Galina M. Gorenko

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

The Abstract: *The article analyzes the influence of the processes of globalization and regionalism on the sociolinguistic situation of minority languages that obtain a special value as the sole and main depositories of the national culture. As national minorities begin to claim their linguistic rights, the international community addresses the problem at all levels: community, national and regional. It examines the linguistic situation in Spain, which is considered one of the European countries that best preserves and promotes regional and minority languages, as well as in Catalonia, where the most intense focus of linguistic tension in the EU is currently observed. As the analysis of the current state of the co-official and minority languages operating in Spanish territory shows, the struggle for languages is won in Spain. Its linguistic policy has been fruitful, but, at the same time, it has produced a series of dangerous consequences for the stability and integrity of the Spanish state itself. What now remains for Spain is to undertake the difficult task of preserving itself. The progressive weakening of the strong ties that previously held the Spanish state together, the erosion of the concept of the sovereign national state and the delegation of the main public powers to a supranational structure have served to give a strong boost to nationalism and reactivate the Catalan independence movement. Therefore, today the State language policy, which is of special importance, must be highly balanced and guided by long-established national interests.*

Key Words: *regionalism, multiculturalism, independence, sociolinguistics, language policy, the position of the minority and regional languages in the EU, the co-official languages of Spain, the linguistic situation in Catalonia, the Catalan conflict*

References

1. Anan'eva, E.P. Vidy i formy funktsionirovaniia multiculturalizma [Types and forms of functioning of multiculturalism]. // Vestnik Udmurdskogo universiteta. Seria "Filosofia. Psikhologiia. Pedagogika" [Journal of Udmurtia State University, "Philosophy. Psychology. Pedagogy"]. 2016, vol.26, № 4, pp. 7–14.
2. Astakhova, E.V. Ispaniia kak metafora [Spain as a metaphor]. M., 2017. 274 p.
3. Volkova, G.I. Katalonskiy natsionalizm i problemy territorial'noy tselostnosti Ispanii [Catalan nationalism and the problems of the territorial integrity of Spain]. // Sravnitel'naia politika [Comparative Policy]. 2016, № 2 (23). pp. 85–95.

4. Volkova, G.I., Dementiev, A.V. Politicheskaia istoriia Ispanii [Political History of Spain]. M.: Vysshaya shkola [High School]. 2007. 192 p.
5. Gorenko, G.M., Bezgodov, D.N., Gorenko, I.V. "Ispravlenie imen" v ponimanii krizisnykh iavleniy sovremennoy kul'tury ["Rectification of names" in the understanding of the crisis phenomena of modern culture]. // Vestnik razvitiia nauki i obrazovaniia [Bulletin of the development of science and education]. 2018, № 2. pp. 59–69.
6. Grinina, E.A. The linguistic battles of the Aran Valley in the crisis of multiculturalism // Iberoamerikanskie tetradi [Ibero-American notebooks]. 2016, № 2 (12). pp.112–116.
7. Grinina, E.A. Yazyk kak instrument politiki [Language as a policy tool]. // Iberoamerikanskie tetradi [Ibero-American notebooks]. 2017, № 1 (15). pp. 86–89.
8. Denisenko, G.V. El catalán balear y el movimiento de gonellismo // Iberoamerikanskie tetradi [Ibero-American notebooks]. 2014, № 2 (4). pp. 25–29.
9. Denisenko, G.V. La guerra por la lengua: ¿el catalán/el valenciano o el catalán y el valenciano? // Iberoamerikanskie tetradi [Ibero-American notebooks]. 2016, № 2 (12). pp. 572–578.
10. Denisenko, G.V. Kataloniia, Valensiia, Balearskie ostrova: k voprosu o kul'turno-iazykovom separatizme [Catalonia, Valencia, Balearic Islands: to the question about cultural and linguistic separatism].// Iberoamerikanskie tetradi [Ibero-American notebooks]. 2017, № 1 (15). pp. 90–96.
11. Khenkin, S.M. "Baskskaia problema" kak faktor razobshcheniia ispanskoy politii ["The Basque problem" as the factor of disunity in the Spanish polity]. // Politicheskaia nauka [Political science]. 2016, № 1. pp. 124–146.
12. Khenkin, S.M. Katalonskiy konflikt vchera i segodnia [The Catalan conflict yesterday and today]. // Aktual'nye problemy Evropy [Topical problems of Europe]. 2015, № 1. pp. 117–138.
13. Khenkin, S.M. Fenomen separatizma. Opyt Ispanii [The phenomenon of separatism. Experience of Spain]. M., 2017. 111 p.
14. Shchipkov, V.A. Regionalizm kak ideologiia globalizma [Regionalism as the ideology of globalism]. M.: MGIMO-Universitet, 2017. 188 p.
15. Acord per a la transició nacional y per garantir l'estabilitat parlamentaria del Govern de Catalunya. Annex 1. 19 desembre 2012, 19 pp. Disponible en http://file01.lavanguardia.com/2012/12/19/54358119611-url.pdf (visitada el 05.06.2018)
16. *Acuerdo para la transición nacional y para garantizar la estabilidad parlamentaria del Gobierno de Cataluña.* Barcelona: 2012. Disponible en https://www.lavanguardia.com/politica/20121215/54358002243/programa-gobierno-tres-frentes-actuacion.html (visitada el 05.06.18)
17. *Atlas de las lenguas del mundo en peligro.* (Moseley, Chr.:, ed.), París: Ediciones UNESCO. 2010.
18. Bautista Jiménez, J.M.: "El Convenio marco para la protección de las minorías nacionales: construyendo un sistema europeo de protección de las minorías", *Revista de investigación educativa,* vol.22. n.3 (1995) pp. 939–957.
19. *Carta europea de las lenguas regionales o minoritarias.* Estrasburgo: 1992. Disponible en http://www.consello.org/pdf/cartaeuropea92.pdf (visitada el 05.06.18)
20. *Constitución española.* 1978. Disponible en http://www.congreso.es (visitada el 05.06.18)
21. *Convenio-marco para la protección de las minorías nacionales.* Estrasburgo, 1994.
22. *Declaración sobre los derechos de las personas pertenecientes a las minorías nacionales o étnicas, religiosas y lingüísticas.* Resolución 47/135 de la Asamblea General del 18.12.1992. Disponible en http://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/BDL/2002/1424.pdf?file=fileadmin/Documentos/BDL/2002/1424 (visitada el 05.06.2018)
23. *Declaración universal de derechos lingüísticos.* Barcelona: 1996. Disponible en https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/2/740/20.pdf (visitada el 05.06.2018)
24. *El catalán y las lenguas llamadas "minoritarias" de la Unión Europea.* Documento disponible en http://www.caib.es/conselleries/educacio/dgpoling/user/catalaeuropa/castella/castella7.pdf (visitada el 05.06.18)
25. *Euromosaic: producción y reproducción de los grupos lingüísticos minoritarios de la UE.* Luxemburgo: Oficina de publicaciones oficiales de las Comunidades Europeas. 1996. 105 p.
26. European Language Equality Network. Disponible en https://elen.ngo (visitada el 05.06.18)
27. Gorenko G., Gorenko A. Some aspects of the language policy of the European Union: the case of Catalonia// Ибероамериканские тетради. 2016, № 2 (12). С. 583–593.
28. Hicks, Davydh: "Hay 84 lenguas en Europa, todas con la misma dignidad", entrevista concedida a *La Vanguardia* el 22.11.2016. Disponible en http://www.lavanguardia.com/lacontra/20161122/412049206256/hay-84-lenguas-en-europa-todas-con-la-misma-dignidad.html (visitada el 05.06.18)
29. *Hoja de ruta unitaria del proceso soberanista catalán.* Barcelona. 2015. Documento de Internet disponible en https://www.vilaweb.cat/media/continguts/000/098/692/692.pdf (visitada el 05.06.18)
30. *La lengua en la escuela catalana: un modelo de éxito.* Generalitat de Cataluña. Departament d´Ensenyament. 2015. 78 pp. Disponible en http://www.ensenyament.gencat.cat (visitada el 05.06.2018)
31. *Las vías de integración de Catalunya en la Unión Europea.* Generalitat de Cataluña. 2014. 75 pp. Disponible en http://www.gdr-elsj.eu/wp-content/uploads/2017/10/inf_6_castella.pdf (visitada el 05.06.18)
32. López Basaguren, A.: "Orden constitucional español y Carta Europea de las Lenguas Regionales o Minoritarias: algunos problemas de aplicación" en *La protección de las lenguas minoritarias en Europa: hacia una nueva década.* Vitoria-Gasteiz: 2011. pp.117-139.
33. Moral, Rafael del: *Las batallas de la eñe. Lenguas condicionadas y nacionalismos exaltados.* Madrid: Verbum, 2015. 188 p.
34. Ortega y Gasset, J., Azaña M.: *Dos visiones de España: discursos en las Cortes Constituyentes sobre el Estatuto de Cataluña* (1932). Galaxia Gutenberg. 2005. 141 p.
35. Pérez Medina, J.M.: "El caso de España" en *La protección de las lenguas minoritarias en Europa: hacia una nueva década.* Vitoria-Gasteiz: 2011. pp. 105–116.

36. *Reparto de competencias en la Unión Europea*. Documento disponible en: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ES/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:ai0020&from=ES (visitada el 05.06.18)
37. *Versión consolidada del Tratado de la Unión Europea*. Diario oficial de la Unión Europea. Disponible en https://www.boe.es/doue/2010/083/Z00013-00046.pdf (visitada el 05.06.2018)

About the author:

Galina M. Gorenko – PhD, Assistant Professor of Department of Spanish, MGIMO-University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Spanish, sociolinguistics, minority romance languages of Europe, Romansh of Switzerland. E-mail: gorenki5@mail.ru.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИСПАНИИ: К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ЯЗЫКА И НАЦИИ

Г.М. Горенко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация: *В статье анализируется влияние процессов глобализации и регионализации на положение миноритарных и коофициальных языков в системе многонационального государства. В качестве наиболее яркого и актуального примера взята Испания и сложившаяся там напряжённая социолингвистическая и социокультурная ситуация в связи с попытками автономного сообщества Каталония выйти из состава испанского королевства и обрести независимость. Особенный интерес представляет сочетание центробежных результатов региональной политики Испании, направленной на поддержание и развитие каталонского языка и центростремительных процессов, происходящих в Европе, при которых ряд государственных функций, традиционно присущих национальному государству, переходит единой наднациональной структуре, Евросоюзу. Языковая политика Испании, направленная на всестороннюю защиту и развитие коофициальных и региональных языков, по праву считается одной из самых последовательных и плодотворных в Европе. Однако мощные процессы глобализации, направленные на размывание национальных особенностей, не всегда взвешенная поддержка миноритарных языков, реализуемая на европейском (Евросоюз), национальном (Испания) и региональном (Каталония) уровнях, а также современные условия развития нынешней объединённой Европы, на практике приводят к усилению центробежных тенденций и может иметь разрушительные последствия для самого национального государства.*

Ключевые слова: *регионализм, мультикультурализм, движение за независимость, социолингвистика, языковая политика, положение миноритарных и региональных языков в Евросоюзе, коофициальные языки Испании, языковая ситуация в Каталонии, каталонский конфликт*

Сведения об авторе:

Горенко Галина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО (Россия, Москва), доцент ВАК. Сфера научных и профессиональных интересов: испанский язык, социолингвистика, малые романские языки Европы, ретороманский язык Швейцарии.
E-mail: gorenki5@mail.ru.

* * *

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-89-96

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И АВТОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА АМИНА АР-РЕЙХАНИ «КНИГА ХАЛИДА»)

М.А. Дубовицкая

Московский государственный институт международных отношений (университет), 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье рассматриваются иностранные вкрапления в художественном произведении мультикультурной литературы Амина ар-Рейхани «Книга Халида». Акцентируя внимание читателя, иностранные слова в тексте выполняют ряд функций для достижения художественного эффекта. Вместе со смысловой и эстетической информацией они отражают и психологический аспект самоидентификации и авторепрезентации писателя как представителя определённой группы людей. Автор романа относится к первой волне эмигрантов-интеллектуалов из Сирии и Ливана, приехавших в США в первой половине XX века. Данный роман можно считать ярким и характерным для сиро-ливанской литературной школы в Америке произведением. Анализ иностранных вкраплений в тексте художественной литературы показал, что с помощью иностранных слов писатель создаёт образ, который отражает разные аспекты жизни представителя арабской интеллектуальной среды – его религиозно-философские воззрения, особенности культурной и социальной жизни, а также литературную стилистическую самобытность. Таким образом, иностранные слова служат одним из лингвостилистических средств, анализ которых даёт читателю концептуальную и подтекстовую информацию.

Ключевые слова*: иностранные вкрапления, мультикультурная литература, авторепрезентация, самоидентификация, концептуальная информация, подтекст, контекст, литературный дискурс.*

В произведениях мультикультурной литературы достаточно часто встречаются иноязычные вкрапления, которые выполняют определённые функции в художественном тексте. В лингвистике иноязычные вкрапления классифицируются по-разному. И.Р. Гальперин, например, различает варваризмы и иностранные слова. Варваризмы, часто воспринимаемые как инородные слова, это частично ассимилировавшиеся слова, которые находятся на периферии языка и являются его неотъемлемой частью, в художественном тексте они несут свою стилистическую нагрузку. Иностранные слова, напротив, не входят в корпус языка и не упоминаются в словаре за исключением приложений, в которых даются наиболее употребительные [1]. В этимологическом словаре русского языка встречаются термины «варваризмы» и «экзотизмы», или слова для обозначения предметов быта, не имеющих аналогов и являющихся новыми для читателя [8]. В тексте экзотизмы могут поясняться не напрямую, а

посредством контекстуального окружения, которое намекает на область или сферу употребления слова. Если сопоставить варваризмы и экзотизмы, то первые более ассимилированы и в зависимости от характера употребления могут стать «фактами речи», экзотизмы же отличаются редкостью и новизной, но для характеристики определённых аспектов жизни общества употребляются узуально. Кузина М.А. выделяет типы иноязычных слов согласно степени их ассимиляции: частично освоенные, неосвоенные и полностью освоенные [6]. В.В. Кабакчи вводит широкое понятие «ксеноним», который охватывает и варваризмы, и экзотизмы, и заимствования, и обозначает им языковую единицу, за которой стоят явления чужой культуры.

Термин «иноязычные вкрапления» был предложен А.А. Леонтьевым [7, с. 68] и в дальнейшем получил освещение у С. Влахова, С. Флорина, С.И. Маниной и др. Исследование феномена иностранных слов, или иноязычных вкраплений, важно в области стилистики текста, переводоведения, литературоведения и когнитивной лингвистики. Иноязычные вкрапления в текстах художественной литературы выполняют разные функции. Так, И.Р. Гальперин выделял функцию создания колорита, быта и атмосферы иной культуры. Иноязычные вкрапления способствуют созданию хронотопа, или локально-темпоральной атмосферы. Ещё одной функцией иностранных слов является создание стилистического приёма несобственно-прямой речи. Использование иноязычной лексики в несобственно-прямой речи персонажа добавляет детали и элементы к его образу, а также помогает раскрыть замысел автора произведения. Иностранные вкрапления могут служить для выразительности и красочности речи. В диссертационном исследовании Коломейцевой Е.Б. приведён ряд функций иноязычных вкраплений в художественном тексте, некоторые из которых особенно актуальны для данного исследования: 1) аттрактивно-экспрессивная, где иноязычная лексика выступает стилистическим приёмом для привлечения внимания на каком-то отрывке текста, 2) эмотивная функция, которая состоит в описании эмоциональных всплесков героев произведения, 3) интертекстуальная функция, передающая цитаты, мысли, аллюзии к текстам и явлениям другой культуры, и 4) лейтмотивная функция [5, с. 14]. Функция создания лейтмотива представляет наибольший интерес в свете выдвижения наиболее значимой и важной для автора информации. Хотя и другие функции могут служить этой же цели в той или иной степени.

В зарубежной лингвистике исследуют «переключение кодов», когда говорят об иноязычных вкраплениях. В основном подобные исследования ведутся в сфере коммуникации, но в последнее время уделяется внимание и письменным текстам. Примечательны работы исследователей, посвящённые письменным текстам в вопросе «переключения кодов»: Мойер (Moyer) [14], Каллан (Callahan) [10], Карлы Джонсон (Carla Jonsson) [12]. В основном исследования строятся на модели Кэрол Майерс-Скоттон (Carol Myers-Scotton), впервые представленной в книге *Duelling Languages* и разработанной в последующих трудах [15], на семантической модели Джона Дж. Гамперца (J.J. Gumperz) [11] и модели Питера Ауэра (Peter Auer) [9], однако следует упомянуть, что данные модели первоначально применялись для изучения феномена «переключения кодов» в устной речи.

Что касается прагматической функции «переключения кодов», иноязычных вкраплений, экзотизмов и варваризмов, она заключается в воздействии на адресата, а также в создании особого пространства, в котором отражается идентичность автора. Место и время написания романа играет особую роль при анализе иностранных слов в тексте и оценке их важности. Анализ иностранных вкраплений позволяет раскрыть концептуальную и подтекстовую информацию: авторский замысел и философию, его самоощущение в новой для него культуре и критическое осмысление родной, сопоставление менталитетов. Исследование творчества ряда арабо-американских писателей первой половины XX века позволяет говорить об особой функции иностранных вкраплений в тексте, относящейся к психологии и имагологии, в основе категориального аппарата которых лежат понятия самоидентификация и автообраз, а значит и транслирование своего образа (авторепрезентация). Самоидентификация и авторепрезентация особенно актуальны в мультикультурном дискурсе, так как понимание себя и желание облечь это в знаковую форму рождается при столкновении с «иным». Говоря о самоидентификации, мы подразумеваем и социальную идентичность, которая, согласно Генри Тайфелю, формируется внутри группы и стремится к «позитивному» имиджу [17]. Формирование образа в имагологии называется «ментальной или дискурсивной

репрезентацией репутационного статуса индивида, группы, этнической общности или нации» [13, с. 342].

Американские писатели-арабы первой половины XX века вели активную культурную жизнь, взаимодействуя как с арабскими, так и с американскими критиками и писателями. Создавая художественные произведения на английском языке, они не могли не апеллировать к западному читателю, и, значит, литературные средства были использованы с определёнными целями: познакомить читателя с родной культурой, начать диалог о западном и восточном стилях мышления, выразить критику или восхищение существующим положением как на Западе, так и на Востоке. Говоря об иностранных вкраплениях, нужно признать, что прежде всего они выполняли свои основные функции документализации и экзотизации, а также функции создания местного колорита и экспрессивности. Однако стоит взглянуть на использование иностранных слов в художественном тексте с точки зрения того, что они нам могут сказать о видении себя среди «других» и о желании писателей – представителей группы людей-эмигрантов, интеллектуалов, высокообразованных деятелей культуры и литературы – выглядеть определённым образом.

В художественном тексте иностранные слова, как правило, выделены с целью привлечения внимания. Однако нередки и такие случаи, когда иностранное слово или реалия никак не обозначены в тексте, тем не менее их значения понятны читателю благодаря контексту. В каждом конкретном случает они стилистически маркированы и несут свою смысловую нагрузку. Иноязычные вкрапления содействуют таким образом в решении художественных задач.

Для адекватной оценки иноязычного вкрапления и его роли, а также закономерности распределения иностранных слов в произведении необходим квалитативный анализ текста, который сводится к разным способам и видам его интерпретации, в том числе и интерпретации когнитивной информации. Квалитативный анализ позволяет проанализировать текст в его целостности, выбирая разные элементы анализа на каждом этапе в соответствии с целями и задачами исследователя. Однако на начальном этапе необходим анализ с привлечением квантитативного метода. Статистические данные позволяют выявить некоторые закономерности распределения иностранных единиц в тексте с тем, чтобы направить анализ и интерпретацию в нужное русло.

Рассмотрим роль иноязычных вкраплений в произведении Амина ар-Рейхани «Книга Халида». В силу того, что автором романа выступает писатель сиро-ливанского происхождения, то очевидно, что преобладающее число иностранных слов взято из арабского литературного языка. Методом количественного анализа были выделены 162 единицы, которые относятся к арабскому языку, не считая аллюзий, пословиц и авторских неологизмов. Такое количество иноязычных вкраплений не может не затруднять чтение художественного произведения, однако рассматривая текст в лингвостилистическом и лингвокогнитивном аспектах, распределение иностранных слов в тексте и их анализ может стать одним из способов дешифровки смыслового кода писателя. Первое, что бросается в глаза, – неравномерность распределения иностранных слов в тексте, что также является приёмом автора. Произведение Амина ар-Рейхани повествует об эмигрантском опыте двух друзей-арабов в Америку, или, скорее об опыте миграции, так как во второй части произведения друзья Халид и Шакиб возвращаются на родину. Соответственно, во второй части произведения иностранных вкраплений гораздо больше, они уже чаще оформлены во фразы и выделены курсивом. Таким образом автор погружает нас в атмосферу и колорит родной страны героя. Однако и в первой части мы находим достаточно много арабских слов, аллюзий и вкраплений, но они часто не выделены курсивом и относятся к наиболее известному пласту арабской культуры. Это, прежде всего, явления и определения из сферы религии, быта и культуры. Так, самыми частотными являются обращения к Богу (*Allah; Billah; Mashallah; Allahu akbar*), упоминания ада (*Juhannam*), дьявола (*Izraïl, Iblis*) и рая (*Jannat*). Из слов, относящихся к быту и атмосфере, наиболее частотным оказалось название блюда из чечевицы (*Mojadderah*), напитков (*arak*), а также тех, кто их разносит (*saki; sakka*), разные сорта табака (*chobok of hasheesh; smoke of gunjah*), названия одежды (*aba; aliat*), птиц (*bulbul*), явления религиозной жизни (*zikr; muazzen, muhdi*), приветствие (*salaam*), народные песни (*Mulayiah*). Перечисленные слова можно найти в разных словарях с соответствующей пометой. Таким образом, являясь частью другой культуры, они всё же более или менее известны стороннему наблюдателю.

Вторая часть книги пестрит иностранными вкраплениями, которые представляют собой транслитерированные арабские фразы: *dakhilak* (I'm at your mercy); *Ya Muhtaram* (O Reverend); *Ya habibi* (O my love); *Ya Gazalty* (O my Doe or Dove); *Awafy* (Allah give you strength); *Yallah* (keep it up); *Wassalmu aleik u Marhaba* (приветствия). Здесь встречаются более специфичные названия реалий быта и атмосферы: *masnad* (leaning pillow); *beit* (one room house); *zeffah* (wedding procession); *wadi* (river or stream); *athafa* (little kitchen). Также встречаются названия качеств *mafsudin* (sophisticated), наименования людей иной культуры *franje* (Europeans) и *mutafarnejin* (Europeanized), *americaniyah* (American woman), названия классов людей *ansab* (pedigrees); род занятия *mudir* (manager), слова из политической жизни государства *dowla* (empire), *dastur* (constitution), отдельные слова из интеллектуальной сферы *qasïdahs* (quatrains of poems), *inkhitaf* (abstraction, levitation), *sinksar* (hagiography), а также отдельные слова *howdaj* (bed carried by a camel), *kabrit* (sulphur), названия мест и городов *Hajar, Kaaba.* Некоторые перечисленные слова участвуют в образовании фразовых сочетаний, авторских образных выражений, а также в модификациях уже известных фразеологизмов, пословиц и поговорок. Так, место в Саудовской Аравии употребляется вместо города Ньюкасл в поговорке *carrying dates to Hajar* [16, с. 16], тогда как в оригинале это *carrying coals to Newcastle,* что в обоих случаях означает бесполезный и ненужный труд. В авторском выражении мы встречаем слово *aliat: more devils under an aliat than under the hat of a Jesuit* [16, с. 50]). Наименования дьявола и ангела смерти часто встречаются во фразовых сочетаниях. Интересна авторская модификация известной английской поговорки со словом *Izraïl: wisdom which keeps the doctor and Izraïl away* [16, с. 45]. Этим именем в исламе называют приближенного к Богу ангела смерти, таким образом выражение передаёт отдаление смертного часа. Другое обозначение дьявола встречается во фразе *to be idle is to open the door for Iblis* [16, с. 193]. Здесь леность и бездельничанье связаны с низвергнутым ангелом, олицетворением пороков и греховности: *the sluggishness which Iblis decks and titivates* [16, с. 198]. Иностранные слова часто встречаются в метафорах: *the howdaj of falsehood* [16, с. 159] и *the Kaaba of solitude* [16, с. 171]. Наименование Бога встречается во фразовых сочетаниях: *Allah brought you to me, and Allah will bring you again* [16, с. 87].

Отдельно стоит упомянуть иностранные слова, которые наиболее употребительны в тексте. У этих слов есть особые функции в построении текста и смысла. Они организуют внутритекстовое пространство таким образом, чтобы читатель мог воспринять идею произведения так, как было заложено автором. Частотность иностранных вкраплений в тексте говорит об определённой задумке писателя, это своего рода система сигналов для распределения и направления внимания читателя.

Рассмотрим использование слова, обозначающего традиционное ливанское блюдо из зелёной чечевицы и риса с названием «муджадара» (mojadderah). В тексте оно употреблено 18 раз, из них 16 раз в первой части и лишь 2 раза во второй. Являясь частью родной культуры, это блюдо выступает индикатором ностальгических настроений: *she cooks mojadderah for them as is done in the mother country* [16, с. 45]. Можно наблюдать следующий ассоциативный ряд, связанный с этим блюдом: *soothing effect on the nerves, cheerfulness, a beatific state of mind, a royal delight* [16, с. 47]. Это блюдо, подобно хлебу, является базовой ценностью и в определённом смысле мерилом нравственности: *you are a good -for-nothing loafer; you don't deserve the mojadderah you eat* [16, с. 74]; *now, methinks I deserve my mojadderah. And not until you do likewise, will you deserve yours* [16, с. 75]. Оно является моральным кодом: *he would as life be a victim of success as to forgo his mojaderrah* [16, с. 78].

Среди глаголов, которые употребляются вместе с муджадарой, – глаголы *cook* [16, с. 258], *deserve* [16, с. 75], *forgo* [16, с. 118], *eat* [16, с. 117], *crave* [16, с. 85], *partake* [16, с. 65]. Это слово выделено курсивом на протяжении всего текста в отличие от других иностранных слов, таким образом автором подчёркивается его особая роль в тексте. В первой части книги это понятие выступает связующей нитью с родиной и теплом родного края, чем и объясняется его частотность, затем в ходе повествования, когда герои возвращаются на родину, роль этого слова и понятия ослабевают. В обыденной жизни ливанцев это блюдо имеет своё символическое значение, свой шарм и обаяние. Неудивительно, что оно заняло такое важное место в эмигрантской литературе.

Другим ориентиром в произведении выступают слова, относящиеся к полю духовно-религиозной жизни. Причём говоря о религии, нужно иметь в виду мировую религию, а не какую-то конкретную конфессию или верои-

споведание. Понятия рая и ада, а также Бога и дьявола употребляются в произведении очень часто. Продуктивность слов дьявол (*Iblis*), ангел смерти (*Izraïl*) была упомянута чуть выше, где были приведены выражения, в составе которых фигурировали данные слова. Слово Бог (*Allah*) появляется в тексте 42 раза, не считая взываний к Богу (*Billah; Mashallah*). Слово *Allah* встречается в объектных словосочетаниях: *Praised be Allah* [16, с. 69], участвует в построении метафор: *I am a Dervish at the door of Allah. And I am a Spirit in Allah's house* [16, с. 83], или *We shall live near to Allah a life of purest joy* [16, с. 152], а также участвует в построении антитезы: *one is permitted to commune with any of Allah's ministers of grace or spirits of Juhannam* [16, с. 125], где *Allah* противопоставляется преисподней *Juhannam. Allah* является единственным пристанищем страждущего сердца, а также надеждой на прекрасную жизнь: *we shall live near to Allah a life of purest joy, of true happiness* [16, с. 152]. Встречаются атрибутивно-посессивные словосочетания в роли восклицания: *Life of Allah, I was stunned* [16, с. 113], или *Thou son and slave of Allah* [16, с. 155], а также *Vesture of Allah* [16, с. 158]. Часто встречается в художественном тексте сокращённый английский вариант религиозной фразы из арабского языка, как *Do come up, the peace of Allah upon thee* [16, с. 120] вместо *May the peace and blessings of Allah be upon you* (السلام عليكم ورحمة الله وبركاته). Анализ встречающихся фраз и высказываний позволяет говорить об их эмотивной составляющей. Даже если само высказывание с использованием слова *Allah* относится к устойчивым или даже клишированным образованиям, в более широком контексте его употребление связано с огромной эмоциональной составляющей.

Иностранные вкрапления в произведении выступают индикатором смысловой и стилистической насыщенности отрывка текста. Например, шестая глава произведения «Книга Халида» под названием «Рюши и оборки» (Flounces and Ruffles) выступает развёрнутой метафорой-рассуждением об "оборках" и "рюшах" мира, то есть о том, что, в сущности, придумано людьми и чему уделяется огромное внимание, но что, по мнению автора, лишено значения. Так, в этой главе встречаются иностранные фразы из арабского языка: *ya habibi* (O my Love), *ya Gazalty* (O my Doe or Dawn or both). Тут же встречаются слова-реалии: *mojadderrah, mulayiah.* Четыре раза упоминается *Бог* (*Allah*) и один раз *ад* (*Juhannam*). *Allah* употребляется в метафоре *the divine flounces of the Vesture of Allah* [16, с. 158] в конце произведения после перечисления многочисленных "рюшей" и "оборок" мира, тем самым наращивая интенсивность и достигая пика в конце рассуждения.

Как видно из примеров, роль иноязычных вкраплений в мультикультурном романе сложно переоценить. Автор прибегает к ним не только когда необходимо упомянуть явление или реалию, чтобы познакомить их с читателем. Их значимость в художественном тексте выходит далеко за рамки номинативной функции. Эти слова выступают маяком, который направляет мысль писателя в определённое русло. Иностранные фразы часто относятся к смысловому полю «любовь» (*ya habibi* (O my Love), *ya Gazalty* (O my Doe or Dawn or both)), а также к смысловому полю «религия» (*Allah; Juhannam* (Hell); *Jannat* (Heaven); *Iblis* (Devil); *Izraïl* (Angel of Death)). К ним относится и название традиционного блюда (*Mojadderah*), которое не только служит наименованию блюда или ознакомлению читателя с частью кулинарной культуры писателя, а указывает на особую его функцию в тексте, на его роль индикатора смысловых подтекстов. Его появление в тексте предвещает важный этап в духовном переосмыслении мира и себя в этом мире. Как видно из примеров выше, его название употребляется в составе морально-оценочных высказываний, где поведение героя порицается или одобряется, а также возвращает к мысли о родине и постоянном сравнении родного края и новой земли. Иностранные фразы из арабского языка часто встречаются в эмоциональной речи главного героя, обращённой к любимой. Обращение к родному языку может свидетельствовать о важной задаче передать искренность чувств, душевных переживаний. С психологической точки зрения, это доказательство подлинности чувств, идущих из глубины души, где связь с корнями наиболее крепка.

Из примеров, приведённых выше, видны особенности заявленного автообраза араба-интеллектуала: преклонение перед неоспоримыми истинами любви и духовности; метафизическое осмысление религиозных заповедей; стремление к саморазвитию и самопознанию; отчуждение от материального, свойственного западному мышлению. Выборка примеров в данной статье была произведена на одном романе Амина ар-Рейхани, который вобрал в себя наиболее распространённые черты эмигрантской арабо-американской литературы начала XX века. В других

романах этого течения прослеживаются те же черты в большей или меньшей степени (см. статьи автора [2], [3], [4]).

Реалии на арабском языке погружают читателя в иной мир, мир восточной культуры, что автор сделал намеренно, вкрапляя в свой текст экстралингвистические наименования. Об особом месте религии и формировании собственного морально-этического кода говорит обилие иностранных вкраплений ассоциативно-семантического поля религии. В поисках собственного духовного и философского пути главный герой обращается к разным сферам: быту, любви, труду, религии и ее отрицании. Этот путь для читателя становится более отчётливым и заметным с помощью авторских средств акцентуации внимания, в числе которых, как мы увидели, видную роль занимают иностранные вкрапления в тексте.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М. : Изд. «Высшая школа», 1970. С. 343.
2. Дубовицкая М.А. Кросс-культурная концептуализация иноязычной ментальности в произведениях арабо-американского писателя Джебрана Халиля Джебрана. Вестник Пятигорского государственного университета, 2017, №4, С. 121–124.
3. Дубовицкая М.А. Концепт «Путешествие» в произведениях арабо-американских писателей. Международный научно-исследовательский журнал, 2017, 2-1 (56), С. 17–21.
4. Дубовицкая М.А. Язык и идентичность в арабо-американской литературе начала XX века. Международный научно-исследовательский журнал, 2016, 9-4 (51), С. 38–41.
5. Коломейцева Е.Б. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте (на материале английского языка). Автореф. Спб : [б.н.], 2016. С. 18.
6. Кузина М.А. Международный научно-исследовательский журнал: Экзотизмы v. Варваризмы: функционирование в англоязычном художественном тексте (на примере мультикультурных романов авторов индийского происхождения) (https://research-journal.org/languages/ekzotizmy-v-varvarizmy-funkcionirovanie-v-angloyazychnom-xudozhestvennom-tekste-na-primere-multikulturnyx-romanov-avtorov-indijskogo-proisxozhdeniya/)
7. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь// Вопросы культуры речи. М. : Наука, 1966. С. 60–68.
8. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М. : [б.н.], 1971. С. 245.
9. Auer P. The pragmatics of code-switching: A sequential approach. In: L. Milroy and P. Muysken (eds.), *One Speaker, Two Languages, Cross-disciplinary Perspectives* [Book]. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. pp. 115–135.
10. Callahan L. Spanish/English Codeswitching in a Written Corpus. Amsterdam : Studies in Bilingualism, Vol. 27. 2004.
11. Gumperz J. Discourse Strategies . Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
12. Jonsson C. Code-switching in Chicano Theater: Power, Identity and Style in Three Plays by Cherríe Moraga. PhD Dissertation. 2005.
13. Leerssen J.T., Beller M. Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Vol. 13 of the series "Studia Imagologica". Amsterdam/New York, NY 2007. XVI, 476 pp.
14. Moyer M.G. Bilingual conversation strategies in Gibraltar. London : Routledge, 1998. pp. 215–234.
15. Myers-Scotton C. Social Motivations for Code-Switching. Oxford : Oxford University Press, 1993.
16. Rihani A. The book of Khalid. NY : Melville house publishing, 2011. p. 325.
17. Tajfel H. Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup behavior. L.: Academic Press, 1978.

Сведения об авторе:

Дубовицкая Мария Анатольевна – Преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО (Россия, Москва). Научные интересы: преподавание английского и арабского языков, постколониальные исследования, арабо-американская литература, язык и идентичность, психолингвистика, лингвострановедение и художественный перевод. Email: clouddancing@mail.ru.

FOREIGNISMS IN "THE BOOK OF KHALID" BY AMEEN RIHANI AS A MEANS OF SELF-IDENTIFICATION AND SELF-REPRESENTATION

M.A. Dubovitskaya

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

The Abstract: *The article focuses on the foreignisms used in the multicultural novel "The Book of Khalid" by Ameen Rihani. Foreign words in literature possess certain attractive power as well as produce esthetic and artistic effects. Along with creative force and meaning foreignisms may as well give the reader some notion of the author's self-identification and self-representation as member of the literary intellectual community of Syrian and Lebanese first emigrants in the first half of the XX-th century. The novel in question is characteristic of typical features related to Arab-American literature of that period. Stylistic and literary analysis of foreign words in the book gave the desired self-image of the author as a representative of the Arab community in the USA. This image comprises certain philosophical and religious principles, authentic social and cultural features, literary and stylistic uniqueness. Close analysis of foreignisms as a linguistic and stylistic means adds to the overall understanding of the novel including the underlying messages and conceptual implications.*

Key Words: *Key words: foreignisms, multicultural literature, self-identification, self-representation, conceptual information, textual implication, context, literary discourse*

References

1. Gal'perin I.R. Stilistika angliiskogo iazyka [Stylistics of the English Language]. M., : Izd. «Vysshaia shkola», 1970. S. 343.
2. Dubovitskaia M.A. Kross-kul'turnaia kontseptualizatsiia inoiazychnoi mental'nosti v proizvedeniiakh arabo-amerikanskogo pisatelia Dzhebrana Halilia Dzhebrana [Cross-cultural conceptualization of foreign language mentality in the works of Arab-American writer Gibran Khalil Gibran]. Vestnik piatigorskogo gosudarstvennogo universiteta [Pyatigorsk State University Bulletin], 2017, 4, S. 121–124.
3. Dubovitskaia M.A. Kontsept "Puteshestvie" v proizvedeniiakh arabo-amerikanskikh pisatelei [The Concept "Travel" in the works of Arab American Writers]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal], 2017, 2-1 (56), S. 17–21.
4. Dubovitskaia M.A. Iazyk i identichnost' v arabo-amerikanskoi literature nachala XX veka [Language and Identity in Arab American Literature at the beginning of the XXth Century]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal], 2016, 9-4 (51), S. 38–41.
5. Kolomeitseva E.B. Inoiazychnye vkrapleniia v sovremennom hudozhestvennom tekste (na materiale angliiskogo iazyka) [Foreign inclusions in a Modern Literary Text (based on the English Language Resources)]. Avtoref.[Abstract]. Spb : [b.n.], 2016. S. 18.
6. Kuzina M.A. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal: Ekzotizmy v. Varvarizmy: funktsionirovanie v angloiazychnom hudozhestvennom tekste (na primere mul'tikul'turnyh romanov avtorov indiiskogo proiskhozhdeniia) [International Research Journal: Exotic Loanwords v. Foreignisms: Functions in Modern English Belles-Lettres Style (on the Basis of Multicultural Novels by Anglo-Indian Writers) (https://research-journal.org/languages/ekzotizmy-v-varvarizmy-funkcionirovanie-v-angloyazychnom-xudozhestvennom-tekste-na-primere-multikulturnyx-romanov-avtorov-indijskogo-proisxozhdeniya/)
7. Leont'ev A.A. Inoiazychnye vkrapleniia v russkuiu rech'[Foreign Inclusions in the Russian Speech] // Voprosy kul'tury rechi [Topics on Speech Culture]. M. : Nauka, 1966. S. 60–68.
8. Shanskii N.M., Ivanov V.V., Shanskaia T.V. Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [A Concise Etimological Dictionary of the Russian Language]. M. : [b.n.], 1971. S. 245.
9. Auer P. The pragmatics of code-switching: A sequential approach. //L. Milroy and P. Muysken (eds.), *One Speaker, Two Languages, Cross-disciplinary Perspectives.* Cambridge : Cambridge University Press, 1995. pp. 115–135.
10. Callahan L. Spanish/English Codeswitching in a Written Corpus. Amsterdam : Studies in Bilingualism, 2004. Vol. 27.
11. Gumperz J. Discourse Strategies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.

12. Jonsson C. Code-switching in Chicano Theater: Power, Identity and Style in Three Plays by Cherríe Moraga. PhD Dissertation. 2005.
13. Leerssen J.T., Beller M. Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Vol. 13 of the series "Studia Imagologica". Amsterdam/New York, NY 2007. XVI, 476 pp.
14. Moyer M.G. Bilingual conversation strategies in Gibraltar. London : Routledge, 1998. pp. 215–234.
15. Myers-Scotton C. Social Motivations for Code-Switching. Oxford : Oxford University Press, 1993.
16. Rihani A. The book of Khalid. NY: Melville house publishing, 2011. p. 325.
17. Tajfel H. Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup behavior. L.: Academic Press, 1978.

About the author:

Maria Anatolyevna Dubovitskaya – Lecturer of English Language Department No3, MGIMO-University (Moscow, Russia). Spheres of interest: teaching general English and Arabic, postcolonial studies, Arab-American literature, language and identity, psycholinguistics, country study and literary translation.
E-mail: clouddancing@mail.ru.

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-97-107

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АРАБОВ

Е.В. Кухарева

Московский государственный институт международных отношений (университет), 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье на материале арабских сакральных, литературных текстов, словарных изданий, народного фольклора анализируется символика цветовых предпочтений арабов. Рассматривается место каждого элемента цветовой палитры арабской этнической картины мира, являющейся выражением нравственно-этических ценностей и мировоззренческих установок арабского этноса. Показаны их значимость и влияние на арабский менталитет. В процессе анализа выявляются также совпадения и расхождения в восприятии цветов и их символике у носителей арабского и русского языков. Ассоциативность восприятия арабами того или иного цвета связана с их образной системой, в которой все явления окружающего мира предстают не в виде философских абстрактных обобщений, а реалистического восприятия окружающей действительности. Символизм этих представлений проявляется в процессе их применения в практической жизни как основы формирования национального сознания, национального менталитета. Цветовая символика, в свою очередь, зависит от места и условий проживания того или иного этноса. Однако национальная картина мира – это не только и не столько отражение этих условий, а их морально-этическое и эстетическое осмысление, закреплённое в виде различных языковых форм и передаваемое из поколения в поколение как некий нравственный код, который позволяет народу сохранять свою национальную идентичность.

Ключевые слова: *арабский язык, этническая картина мира, цветовая палитра, символика, мировоззрение, менталитет, этика, нравственные принципы*

Цвет является одним из индикаторов человеческих способностей ощущать и воспринимать окружающий мир на физическом уровне. На психическом уровне, на уровне сознания цвет также служит показателем оценки человеком этого мира. Эти оба уровня объединяются в виде определённых ассоциаций, символов, которые становятся ориентирами для общества и отдельных индивидов. Зрительные ассоциативные образы, в свою очередь, принимают лингвистическую форму, выраженную отдельными словами, идиомами, фразеологизмами, пословицами и так далее. Таким образом, цвет очень важен как для нормального развития человека, так и для функционирования общества, опирающегося на различные ориентиры, в том числе, и цветовые.

Люди воспринимают цвет не только глазами, то есть физически. Они ассоциируют его со своими чувствами, душевными порывами, то есть пропускают его через своё сознание, через свой интеллект. Н.В. Серов писал в книге «Цвет культуры»: «*Цвет практически всегда, везде и во всём является выражением. Однако выражением не количества, и не формы, а качества. […] качества нашего интеллекта*» [23, с. 5]. Именно этот интеллект даёт различным явлениям и их образам в сознании того или иного человека или этноса цветовые характеристики.

Носители арабского языка также приняли участие в этом процессе и создали свою шкалу ценностей, имеющих лексическое выражение с компонентом цветообозначения. Данная статья посвящена раскрытию символики наиболее ча-

сто встречающихся в арабском языке оборотов, включающих лексемы, обозначающие различные цвета, и являющихся объектом исследования. Предметом исследования служат функциональные особенности ментального восприятия цветового спектра арабским национальным сознанием, воплощённые в их семантической структуре и способах языкового оформления заложенной в них нравственно-этической информации. Материалом для исследования послужили сакральные и литературные тексты, поэтические произведения, словарные издания, народный фольклор и современные фразеологические обороты. При работе над арабским лексическим материалом, содержащим цветовой компонент и отражающим восприятие арабами отдельных цветов палитры, использовались методы интерпретационного, сопоставительного и семантического анализа.

Результаты исследования. Изучением цвета и цветовосприятия люди интересовались с давних времён. Философия [24], физика и биология [15], психология и медицина, педагогика и художественное творчество, строительный дизайн и маркетинг, лингвистика и культурология – для всех этих отраслей знаний и человеческой деятельности вопрос о цвете имеет важное значение. Ещё Аристотель в своём трактате «О душе» рассматривал физику восприятия цвета и условия, при которых наш орган зрения его воспринимает [3]. Ломоносов и Гёте занимались изучением света и цветового спектра. В «Фаусте» Гёте Мефистофель говорит: «*Теория, мой друг, суха, Но зеленеет жизни древо*» [7, с. 198], хотя в оригинале теория была *сера*, а древо жизни ещё было и *золотое* [26]. В этих словах отражены либо общепризнанные ассоциации (*зелёное* древо жизни), либо личная оценка явления (*серая*, сухая теория). Не только учёные и медики, но и представители творческих профессий давно занимались вопросами воздействия цвета на психику человека, на его восприятие различных цветов в самых разнообразных психических состояниях и условиях существования, в различные периоды. Так в своих воспоминаниях, касаясь вопроса цветового спектра и взаимодействия основных цветов (синего, жёлого и красного) друг с другом и их связи с производными, дополнительными, цветами, художник К.С. Петров-Водкин пишет: «*Наш кумачовый цвет рубах, излюбленный крестьянами, является тем же защитным, дополнительным, дающим выход зелёному*» [19, с. 492]. Он объясняет этот эффект тем, что «*много в цвете парадоксального. Взять хотя бы следующее: мы видим красный предмет, но что это значит? А это значит, что этот предмет не принимает и отбрасывает от себя полностью красные лучи и поглощает в себя синие и жёлтые, то есть выходит, что предмет, будучи в сущности своей зелёным, как бы только прикрывается красным*» [19, с. 489]. И, возможно, любовь к красному цвету крестьян объяснялась желанием вырваться из однообразия окружавшего их «зелёного мира» – мира лесов, лугов, трав.

В лингвистике, этнопсихолингвистике также проводились исследования в области цветовосприятия, в том числе и через этническую, а также языковую картину мира, которая характеризуется как: «*Запечатлённое в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего…*» [12, с. 140].

Это «особое видение» принимает различные языковые формы – от отдельных слов до целых языковых комплексов типа пословиц, поговорок, других устойчивых выражений, в которых оно находит своё закрепление и становится частью менталитета данного этноса [13].

Цветообозначение в различных языках отражает осмысление реалий окружающего мира. В работе «История цветообозначений в русском языке» автор, Н.Б. Бахилина, рассматривает лексику древнерусского литературного языка, содержащую цветовой компонент, сравнивая её с рядом других славянских языков. Под этим углом зрения она исследует также современный русский литературный язык и народные говоры различных русских регионов [5]. В своей диссертации «Звукоцветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты» Л.П. Прокофьева рассматривает круг вопросов, связанных, с одной стороны, с общими компонентами универсальной картины мира. С другой стороны, она касается проявлений национальных картин мира на различных уровнях, включая фоносемантический, и национально обусловленной в языковом сознании звукоцветовой ассоциативности [20]. К вопросу о месте цвета в этнической картине мира и культуре обращается А.М. Прохорова в статье «Цветовая символика в английских и русских устойчивых словосочетаниях». Анализируя русские и английские устойчивые выражения, автор ищет в них общее и различное в использовании тех или иных цветов [21].

Исследования в этой области проводились и в арабских странах. В XX и начале XXI века египетские, сирийские, ливанские, иорданские и другие арабские исследователи и лингвисты опубликовали большое количество работ, посвящённых данной теме. Это были научные исследования, статьи, научно-популярные книги, словарные издания.

Практически всем людям природа дала удивительный инструмент, с помощью которого мы воспринимаем свет и цвет. Это наши глаза. Но каждый народ даёт свою интерпретацию различным цветам и их оттенкам, потому что разные этносы оценивают цвет исходя из своих взглядов на окружающий их мир. Разнообразие и многочисленность этносов, а, следовательно, и разнообразие этнических картин мира влекут и многообразие символов, которые обозначаются тем или иным цветом, ибо «*символ* – это то, что служит условным знаком какого-нибудь понятия, чего-нибудь отвлечённого» [18, с. 660]. При этом следует учитывать, что тот или иной *символ* служит опознавательным знаком для членов *определённой* группы людей. Это – условный код, обозначающий или напоминающий только им какое-либо понятие или образ.

Наверное, наиболее полно мы можем судить о том, как воспринимает цвета тот или иной народ, символами чего они являются и какую роль играют в жизни и культуре этого народа, если обратимся к фольклору. Сказки и былины, песни и пословицы, фразеологические обороты и национальный костюм той или иной этнической общности хранят её представления, которые вырабатывались на протяжении веков многими поколениями, о символике и значении цвета. Эта символика – плод коллективного разума, а не частное мнение отдельных членов этой общности.

Говоря о символике цвета в этнической картине мира арабов, следует обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, этот аспект не является глубоко изученным в российской лингвистике и лингвокультурологии. Поэтому данная статья – попытка начать разговор об этой интересной стороне арабского национального менталитета. Во-вторых, арабы – это не некое однообразное, усреднённое общество с единым восприятием окружающего мира, включая цветовую палитру. Арабское общество – это многоликий, многовекторный социально-экономический и культурный организм. Это – культурно-этническое единство, появившееся в VII-IX веках н.э. на огромном пространстве, включавшем в себя современные Ближний и Средний Восток и Северную Африку и протянувшемся от Атласских гор до Индийского океана. Современные арабские народы – это результат смешения бедуинов Аравии и народов, проживавших в странах, завоёванных арабами. Они создали великую арабо-мусульманскую цивилизацию, не отказываясь от своих многовековых культурно-исторических традиций.

Цвет в этнической картине мира арабов играет большую роль. Что символизируют различные цвета? Каким цветам отдаётся предпочтение?

В арабском языке каждый цвет имеет свой эпитет, лексическое определение сущности данного цвета. Так, жёлтый цвет у арабов сопровождается определением «*фаакиун*» (ярко-жёлтый), образованным от корня, означающего «*трескаться, лопаться*». Таким образом, жёлтый цвет словно изливается, бьёт во все стороны. Зелёный цвет характеризуется как «*наадыр*» (свежий, цветущий, или ярко-зелёный), либо «*йааниун*» (спелый, созревший, то есть густой), либо «*мухдааммун*» (тёмно-тёмно зелёный). Белый цвет в арабском языке часто сопровождается эпитетом «*йакак* или *йакик*» (очень яркий белый цвет), а также «*наасыун*» (сияющий). Красный цвет называют «*каанин*», что означает «ярко-красный, алый», или «*наджиун*» – «кроваво-красный». Чёрный цвет у арабов бывает «*хаалик*» (тёмный, мрачный) или «*каатим*» (чёрный, как смоль) А что кается голубого или синего (они в арабском языке обозначаются одной лексемой), то он часто описывается как «*сафин*» (чистый, ясный) [16].

В цветовой иерархии арабов *белый* цвет (*абйад*) занимает первое место. В Коране белый цвет отождествляется с солнечным светом и упоминается не менее десяти раз. Свет в исламе – это божественное проявление, несущее благо, саму жизнь. В соответствии с Кораном, Аллах – это «*свет небес и земли*» [11, 24: 35[1]]; «… *В тот день* (в день Страшного суда – Е.К.) *побелеют лица и почернеют лица* [11, 3: 102 (106)]; *А те, лица которых побелели, – в милости Аллаха, они в ней вечно пребывают*» [11, 3: 103 (107)].

[1] Для Корана ссылка [10, 24: 35] означает: 10 – номер источника в списке литературы; 24 – номер суры (гла-вы) Корана; 35 – номер аята (коранического стиха).

В арабском языке выражение «*побелело его лицо*» означает «*обрадовался*». В русском языке есть похожий по смыслу оборот «*просветлел от радости*». С другой стороны, это может также означать, что человек отстоял своё достоинство и честь, то есть «*обелил*» себя перед другими.

В другом, не менее значимом произведении, сказках «Тысячи и одной ночи», в «Рассказе о шести невольницах» белая невольница так говорит о белом цвете: «Передают, что *белизна* говорила: «*Я свет блестящий, я месяц восходящий, цвет мой ясен, лоб мой сияет… […] И в белизне многие достоинства, как то, что снег нисходит с небес белым, и передают, что лучший из цветов белый, и мусульмане гордятся белыми тюрбанами…* [10, 194-196].

Поскольку арабы, как правило, смуглые от природы, для них белый цвет кожи всегда был символом *благородного* происхождения, *милости* и *печати* Всевышнего. Один из хадисов (историй о деяниях и словах пророка Мухаммеда) гласит: «*А потом наружу вышел пророк, […] и я будто и сейчас вижу белизну его голеней*» [17, 117: 782, 325-326[2]].

Интересную характеристику давали жене Мухаммеда Аише. Про неё с уважением и восхищением говорили, что своими достоинствами она отличается от других женщин, как *белоногий ворон* отличается от своих чёрных собратьев. В русском языке есть выражение «*белая ворона*». Однако в нём больше негативной окраски, чем одобрения. Так говорят о человеке, который не вписывается в общепринятые рамки. Но вернёмся в арабские страны. В Палестине, восхищаясь *белизной* чего-либо, говорят: «*Белый (белая), как мякоть репы*» [14, с. 20]. А в Иордании: «*Белый, как толчёная соль*» [1, с. 24].

Пророк Мухаммед сам очень любил белый цвет и призывал людей надевать белые одежды: «*Одевайте белые из ваших одежд, ибо они являются наилучшими…*» [17, 117: 779, 325], так как белая одежда, по мнению мусульман, – символ *чистоты* помыслов, *безгрешности* побуждений, *добрых* деяний и *безупречной* репутации. Недаром *ихрам* – одежда паломников в Мекку – белого цвета.

Как и у многих народов, белый цвет для арабов – это символ телесной и духовной *чистоты, целомудрия, девственности, безгрешного детства.* Вместе с тем, любая чрезмерность во всём, в том числе и в предъявляемых требованиях к благородным качествам, которые олицетворяет белый цвет, вызывает недоумение и отторжение. В этом случае арабы говорят: «*Мы хотим, чтобы белый был белее белизны*» [22]. Это очень напоминает русское выражение «святее самого Папы Римского».

В символике белого цвета в арабской культуре мы находим также *честность, доверие, безопасность, щедрость и великодушие.* А на уровне государственных символов белый цвет означает *единство* и *победу* арабов. Неслучайно белый цвет был цветом династии Омейадов (661-750гг. н.э.), при которых были сделаны основные территориальные приобретения в Северной Африке, Европе и к востоку от Аравийского полуострова вплоть до Индийского океана.

В арабском языке существует множество оборотов, в состав которых входит цветовое обозначение «*белый*». «*У него белое сердце*», – говорят арабы о *добром*, открытом человеке. «*Белой рукой*» арабы наделяют человека с щедрой и бескорыстной душой, милосердного, совершающего благие дела. А вот про того, кто пытается выглядеть благородным, но не обладает достойными качествами, говорят: «*Та, чья кожа черна от рождения, не сделает её белой с помощью куска мыла*» [1, с. 140]. Русские в подобной ситуации говорят: «*Чёрного кобеля не отмоешь добела*».

Для арабов «*подписать белый лист*», то есть не читая, означает проявить полное *доверие* к тому, кто дал документ на подпись. В Египте в качестве приветствия нередко можно услышать: «*Белого вам дня*», то есть «*Доброго дня*». Про хорошее или радостное известие египтяне могут сказать: «*Какая белая новость!*». «*Белой ложью*» арабы называют лукавство или хитрость, не наносящие вреда другим людям. Это можно сравнить с русским выражением «*ложь во спасение*».

Если говорить об арабском фольклоре в целом, то в нём, как уже упоминалось, широко представлены пословицы и поговорки, включающие лексему «*белый*». Например, в различных арабских странах распространена пословица: «*Белая монетка (серебряная) пригодится в чёрный день*» [1, с. 600]. С точки зрения символики, она схожа с русским выражением «*Береги (или: Паси) денежку про чёрный день!*», упомянутым в «Пословицах русского народа» В.И. Даля [8,

[2] Для Хадисов ссылка [16, 117: 325-326; 782] означает: 16– номер источника в списке литературы; 117 – номер главы в книге; 325-326; 782 – номера хадисов.

с. 65], а также с полным русским аналогом арабского выражения «Белая монета на чёрный день». Помимо прямого значения, эти высказывания имеют и переносный смысл. Речь идёт о том, что нужно уважительно относиться к мелочам, так как, обращая внимание на самые незначительные вещи, человек может не только сохранить что-то более значимое, но и обезопасить себя в сложных ситуациях.

Но не всегда белый цвет служит символом положительных явлений. Белый цвет связан со *старостью* и *смертью*. Он может символизировать *пустоту* разного свойства. Например, арабы говорят: «*У него белые мозги*». Это означает, что человек невежда, что в его голове нет ни одной мысли. Эта ассоциация в русском языке отражена в выражении «*пустая голова*». Также не всегда форма соответствует содержанию. «*Не всё белое – жир*», – говорят арабы. Для арабов-бедуинов жир – ценнейший продукт, источник энергии, необходимой для преодоления превратностей существования в пустыне. А жир, как известно, *белого* цвета, и он ассоциируется со всем хорошим и полезным. Данная пословица предупреждает, что не всё, что *белое*, благо. В русском языке есть семантически похожий вариант: «*Не всё то – золото, что блестит*». Про человека, который остался ни с чем, в Египте говорят: «*Остался на белом (месте)*». А о человеке, который в жизни ничего не приобрёл и не заработал, скажут: «*В итоге у него ни белого, ни чёрного*» [22]. Про таких в России говорят: «*Он гол, как сокол*».

Таким образом, символика *белого* цвета в арабской этнической картине мира охватывает широкий спектр явлений и смыслов: от возвышенно-сакральных до явлений и реалий, имеющих негативную коннотацию.

Антагонистом белого выступает *чёрный* цвет (*асвад*). *Чёрный* поглощает и не выпускает свет. Он – олицетворение *мрака* и *тьмы*. Он связан с *тёмными* силами и *злом*. Он – символ *печали*. Чёрный цвет – символ *зависти* и *подлости, гордыни* и *злобы*, а также *прелюбодеяния*. Но здесь можно задать вопрос: почему же во многих арабских странах верхняя женская одежда чёрного цвета? Исходя из традиций арабов, касающихся женщин, особенно замужних, можно предположить, что чёрный цвет одежды – это сигнал, предупреждающий о *греховности* излишнего любопытства со стороны незнакомых людей, так как «чужая женщина» на арабском Востоке – «тайна за семью печатями». Засматриваться на неё, пытаться познакомиться – *харам* (грех). В данном случае чёрный цвет является символом как греха, так и оберегом от этого греха.

Однако не всё так плохо с чёрным цветом, как может показаться. Мусульманский Восток по достоинству оценивает чёрный цвет. В «Рассказе о шести невольницах» из сказок «Тысячи и одной ночи» чёрная невольница описывает важные качества черноты в таких словах: «*… Чернота – украшение юности… И если бы не была чернота достойнее всего, не поместил бы её Аллах в глубину сердца и ока… А в числе достоинств черноты то, что из неё получают чернила, которыми пишут слова Аллаха…*» [10, с. 197-199].

Слова «*Аллах вложил черноту в глубину сердца*» указывают на арабское выражение «*тайники сердца*», в котором слово «тайники» обозначены лексемой «чёрные (глубины)». Кроме того, величайшая святыня мусульман – *Чёрный* камень – хранится в Каабе (кубе, возведённом над камнем), в главной мечети Мекки. Сама Кааба покрыта *чёрными* полотнищами (кисва), украшенными по низу вышитыми золотом стихами Корана [9, с. 123].

Чёрный камень для мусульман овеян божественной святостью, источающей сияющий свет. А как мы уже говорили выше, божественное сияние у арабов ассоциируется с белым цветом, поэтому они говорят: «*Чёрный камень, ниспосланный из Рая, белее молока*». Считается, что он облагораживает и очищает человека, прикоснувшегося к нему.

Несмотря на то, что *чёрный* цвет овеян святостью и ассоциируется с высокими материями, он больше связан с реалиями приземлёнными. Чёрный цвет в арабском языке символизирует *большое количество, массу*. Например, говорят: «*чернота народа; чернота людей*», то есть *большое количество* людей, или *простой* народ [4, с. 381]. Это выражение вызывает в памяти русское слово «*чернь*», хотя арабский оборот не несёт в себе пренебрежительной оценки, которая присутствует в русском слове. В русском языке *чернота*, чёрный цвет ассоциируется с *темнотой*, то есть отсутствием света, и *тьмой* – словом, *фонетически* созвучным слову «темнота», но, возможно, пришедшим к нам из тюркских языков и означавшим *огромное количество*. Неслучайно Александр Блок в стихотворении «Скифы» писал: «*Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы…*», подчёркивая многочисленность и мощь русского народа [6, с. 353].

Зрачок арабы называют «*чернотой глаза*», а белок – «*белизной глаза*». Эти словосочетания вошли в различные фразеологизмы. Например, чтобы подчеркнуть, что люди навсегда останутся друг с другом, в Египте говорят: «*Не расстанется моя чернота с твоей белизной*». Оказывая кому-то услугу и показывая, что делается это именно ради данного человека, египтянин скажет: «*Ради зрачка (черноты) твоих глаз*», то есть «*ради тебя, тебе в угоду*» [22]. Характеризуя бесполезность кого-либо или чего-либо, араб скажет: «*Ко мне от него не тянется ни чёрное, ни белое*» [22]. Русский язык описывает подобную ситуацию похожим по смыслу оборотом: «*Мне от этого ни горячо, ни холодно*».

Однако чёрный цвет чаще означает отрицательные качества или явления. Про *злого, завистливого, ненавидящего* всех и вся арабы говорят, что этот человек «*чёрный сердцем*» или «*чёрный печенью*». Исходя из того, что в арабской лингвокультурной традиции печень, наряду с сердцем, является вместилищем души, то такая характеристика соответствует более привычному для русского уха определению дурного человека, имеющего «*чёрную душу*». Такую характеристику часто дают заклятым врагам. Интересные ассоциации и символика чёрного цвета возникают в связи с тёмным цветом волос. «*Не жди добра от черноголового*» [14, с. 61]; «*Черноголовый – коварный человек*» [22],– говорят арабы. И здесь говорится вовсе не о цвете волос. *Чёрная голова* – символ *чёрных* замыслов и *неблаговидных* дел, всего *порицаемого*. Однако при этом, в Палестине, например, говорят: «*Сам чёрный, а дела его – белые*» [22]. Другими словами, внешность может быть обманчива, и под безобразным обликом может скрываться благородная душа.

Как и во многих других странах, *чёрный* цвет связан с *трауром* по умершим или по погибшим героям. А на большинстве государственных флагов арабских стран чёрный цвет – это символ *поражения врагов* и их *страха* перед неизбежным. Неслучайно любимым цветом халифов династии Аббасидов (750–1258гг. н.э.) был *чёрный*. Они носили одежду *чёрного* цвета, их знамёна были *чёрными*. Эта династия была самой могущественной среди династий средневекового Арабского халифата, а их знамёна чёрного цвета должны были вселять страх и трепет в души подвластных им народов [16]. Если взять современную историю арабских стран, то возникшее в начале XXI века террористическое псевдогосударство ИГИЛ, или ДАИШ (запрещённое в России), лидеры которого провозгласили своей целью создание нового всемирного Халифата, вероятно, вдохновлялись примером аббасидских правителей. Неслучайно знамёна ИГИЛ – чёрные, одежда приверженцев этой организации-государства тоже чёрная, как и у представителей аббасидских властей. Но есть существенное различие между этими двумя вехами в истории арабов. Если средневековый Халифат эпохи Аббасидов внёс неоценимый вклад в развитие мировой науки, искусства, литературы, архитектуры и других отраслей культуры, то современные приверженцы псевдохалифата принесли лишь разрушения, бесчеловечные издевательства и казни людей, включая детей и подростков, уничтожение культурных памятников под лживыми лозунгами борьбы за чистоту ислама, дискредитировав своими действиями сам ислам. Поэтому можно говорить о *двух оттенках* чёрного. Один олицетворяет силу, могущество и строгость, а другой является символом лишь звериной жестокости и беспредельного варварства.

В арабском языке существует грамматическая форма *двойственного* числа, обозначающая два предмета, которая достаточно часто используется с прилагательным, обозначающими цвет, в том числе и «*чёрный*». Такие выражения, как «*два чёрных*», обозначают, например, пары: «*змея и скорпион*», «*финики и вода*» [4, с. 381]. Возможно, подобные пары сложились на основе объединяющих их признаков: у змеи и скорпиона может быть чёрный цвет кожи и хитина или яда. Чёрный цвет – это смертельная опасность, которую несут эти два существа. По поводу фиников и воды сами арабы не имеют единого мнения. Это выражение упоминается в рассказе Аиши, жены пророка Мухаммеда, о том, что както у них в доме остались только «*два чёрных*»: финики и вода [22]. Толкуют это выражение поразному. Одни считают, что речь шла о достаточном количестве воды и фиников, так как слово «*чёрный*», как уже отмечалось, ассоциируется с «*большим количеством*» [22]. Другие объясняют, что цвет спелых фиников тёмный, практически чёрный, как и цвет воды в глубоких колодцах. То и другое всегда имело огромное значение в жизни бедуинов, и возникновение такой пары вполне обосновано.

Ещё одним заметным в арабском фольклоре и сказках цветом является *жёлтый* (*асфар*). В сказках «Тысячи и одной ночи» жёлтая невольница из «Рассказа о шести невольницах» так го-

ворит об этом цвете: «*И цвет мой – чудо, … ибо мой цвет – цвет динара, цвет звёзд и светил, … и образ мой – … имеет цвет шафрана, превосносящийся над всеми цветами… И цвет мой дорог в этом мире, как чистое золото*» [10, с. 203].

Жёлтый цвет позитивен. Это – *энергия, радость и веселье* [22]. В древние времена арабы вместо слова «*золото*» говорили просто «*жёлтое*». А вот «*два жёлтых*» – это *золото и шафран*. Что касается золота, то ценность его понятна. Но не менее ценится на Востоке и шафран – пряность, которая придаёт блюдам не только особый вкус, но и золотисто-жёлтый цвет. В доисламский период существовало даже выражение: «*Мужчин погубят два красных – вино и мясо, а женщин два жёлтых – золото и шафран*» [22]. Сейчас это выражение, как минимум его первая часть, для арабских стран менее актуально, потому что ислам запрещает употребление вина. Однако в прошлом арабы любили поднять кубок с «*золотом живым*», «*золотистым*», как называл вино арабский поэт-бунтарь Абу Нувас, автор «винных циклов» в арабской поэзии, воспевавший прелесть и радость весёлых застолий [2, с. 176].

В Коране также говорится о жёлтом цвете. В суре «Корова» мы читаем: «… «*Вот, Аллах приказывает вам заколоть корову*»… «*Вот, Он говорит: «Она – корова жёлтая, светел цвет её, радует она смотрящих*» [11, 2: 63 (67); 64 (69)]. Так описывается в Священной книге мусульман первое жертвенное животное, заколотое новообращёнными мусульманами в честь Всемилостивого Аллаха.

Арабы выделяют два основных оттенка жёлтого. Это *золотисто-жёлтый*, который символизирует *мудрость* и *добрый совет*, и *блекло-жёлтый*. Этим цветом окрашены многие негативные качества: от *предательства* и *обмана* до *тления и болезней*.

Например, про бедняка говорят: «*У него нет ни жёлтой, ни белой*» (подразумевается золотая или серебряная монета), то есть, «*У него нет ни золота, ни серебра*» [22]. Про человека *бледного* и *больного* скажут: «*Его лицо пожелтело*», то есть «побледнело». Такое определение не связано с желтухой или гепатитом. Просто, когда кровь отливает от смуглого лица, то оно становится не белым, а желтоватым. Негативной коннотацией обладает и «*жёлтая улыбка*», которая в русском языке станет «*кислой*» [4, с. 439]. А «*жёлтый глаз*», по мнению арабов, характеризует человека, обуреваемого *завистью* и *злобой*. Так, возможно, в ночи горят глаза гиены или волка. По частоте употребления первые три цвета наиболее широко представлены в виде устойчивых словосочетаний и выражений в этнической картине мира арабов.

Синий цвет (*азрак*) в странах Среднего и Ближнего Востока, безусловно, связан своей символикой с теми природными явлениями, в которых он доминирует. Это – *синее* небо, горние выси, где, по мнению арабов, обитают ангелы и располагаются планеты и звёзды [22]. Это – *голубизна* заснеженных вершин, *синева* морских глубин и темнеющих на горизонте оазисов. В Египте, когда человек сам не решает какую-либо проблему, а полагается на судьбу, про него говорят: «*Оставил это отцу голубого (синего) шатра*» [22]. Если учесть, что «*голубой* шатёр» – это небесный свод, сотворённый Аллахом, то данное выражение означает «*положился на волю Аллаха*».

Однако у арабов синий цвет не имеет чётких границ. Он размыт и поливалентен. *Небесно-голубой* и *синий, цвет морской волны* и, при определённых обстоятельствах, даже *зелёный* и *белый*, все эти оттенки в арабском языке обозначаются часто одним словом *азрак*. Вместе с тем арабы всё-таки различают некоторые оттенки синего и имеют для них лексические соответствия. Например, насыщенный синий цвет называется *нил*, *ниля*, *нилядж*. Скорее всего, такое обозначение *ярко-синего* цвета имеет отношение к реке Нил, прежде всего, к *Голубому* Нилу. Но стабильности в этих обозначениях нет. *Нилядж* используют как краску для нанесения татуировки *зелёного* цвета [4, с. 842]. *Тёмно-синий*, почти *чёрный*, цвет имеет в арабском языке обозначение «*кухли*» и является производным от слова «*сурьма, чёрный* порошок для подкрашивания глаз» [4, с. 679].

Если продолжить связь синего и чёрного в арабской цветовой символике, то можно заметить, что *синий* часто служит заменой для *чёрного* цвета, цвета *смерти* и *зла*. В этом случае синий получает негативную коннотацию. Например, «*синий страх*», то есть «*смертельный страх*». Арабы считают, что от страха у человека выступает «*синий пот*» [4, с. 328]. Злейшего врага арабы называют «*синим врагом*». Про неудачный день в Египте говорят «*какой синий день*», то есть «*какой чёрный день*», имея в виду «какой несчастливый день» [22]. Коран также не обошёл этот цвет. В нём говорится, что в день Страшного суда Аллах соберёт «*грешников голу-*

боглазыми» [11, 20: 102], то есть в глазах грешников будет отражаться *смертельный* (*синий*) ужас перед божьим наказанием за совершённые грехи. Вместе с тем, существует также мнение, что *голубоглазые* грешники – это либо безбожники, гяуры, либо неверные, то есть немусульмане. Поскольку к этим категориям чаще относятся представители европейских народов, среди которых очень много *голубоглазых*, то речь может идти в данном аяте о том, что именно они в первую очередь будут держать ответ перед Аллахом за свои грехи в день Страшного суда, и их глаза будут отражать «*синий страх*».

Красный цвет (*ахмар*) не менее символичен для арабов. Исторически – это цвет мекканских шерифов – правителей Мекки во времена Мухаммеда, к которым он сам принадлежал. Это цвет знатных и благородных родов племенного союза курейшитов. С другой стороны, *красный* цвет означает *концентрацию* энергии и *напряжение* сил. Это символ *тяжёлого* труда, *борьбы* и *войны*. Он означает *конфликты, трагедии, гнев* и *ярость*. Это – цвет *крови*. Неслучайно многие государственные флаги арабских стран включают этот цвет. В борьбе за независимость было пролито немало крови борцов за свободу, поэтому арабское выражение «*красная смерть*» означает насильственную смерть. Справедливости ради следует добавить, что арабы неоригинальны, сравнивая *красный* цвет с цветом крови. Такие ассоциации существуют и в других лингвокультурах, например, в русской.

Красный цвет символизирует в представлениях арабов *сильную жару*, когда воздух дрожит от зноя, а *красноватая* земля раскалена, словно угли. Такое состояние атмосферы арабы называют «*полуденной краснотой*». Исходя из вышесказанного, кажется совершенно логичным, что *красный* цвет – это также цвет *адского пламени* [22].

В арабских странах существуют выражения, содержащие глагольные формы, в состав которых входит понятие «*красный*» как компонент цветообозначения. Например, в Сирии говорят: «*Покраснеть лучше, чем испытывать печаль*», а в Кувейте есть похожее по смыслу выражение: «*Лучше один раз покраснеть, чем всё время бледнеть и чахнуть*» [25, с. 353]. Обе эти пословицы означают, что лучше сделать один раз что-то смелое и решительное, чем страдать и чахнуть от осознания того, что ничего не предпринял, когда была возможность.

Что же ещё символизирует *красный* цвет? Конечно, жар *любви, здоровье и плодородие.* В русском языке мы также находим данные параллели. Красный цвет, по мнению арабов, оберегает от болезней и злых духов. Красота человека и окружающей природы тоже ассоциируется с *красным* цветом, что находит выражение в словах: «*Красота – алая*» [22]. Арабы, как и русские, полагают, что нежный румянец на щеках девушки не только красит её, но и свидетельствует о крепком здоровье. Однако русский язык, в отличие от арабского, на уровне семантики закрепил связь красного цвета с красотой. Русские говорят «*Красная* площадь», имея в виду прежде всего её красоту, а не красный цвет кирпичей Кремлёвской стены, хотя это тоже не противоречит представлению о современном виде этой столичной достопримечательности. *Красный* цвет может ещё отражать различные чувства. «*Краснее вечерней зари*» – так характеризуют очень яркий красный цвет, а также сильно разгневанного или очень смущённого человека [22].

Красный цвет также объединяет в пары различные предметы: «*Два красных*» – это характеристика либо мяса и хлеба, либо мяса и вина, но также золота и шафрана [4, с. 194], так как в арабских странах широко используется золото с высоким содержанием *меди*, придающей *красноватый* оттенок металлу, а цвет шафрана колеблется от ярко жёлтого до ярко красного.

В арабской национальной одежде много *красного* цвета, особенно в алжирских и марокканских женских костюмах. Хотя мужчинам одежду *красного* цвета надевать не рекомендовалось, пророк Мухаммед носил такую одежду [17, 117, 325-326]. Скорее всего, это было отличительным признаком высокого общественного положения и знатного происхождения пророка.

Говоря о цветовой гамме арабской этнической картины мира, мы не можем обойти *зелёный* цвет (*ахдар*). Это единственный цвет, который не имеет отрицательной коннотации. Арабы, жившие в очень суровых природных условиях при скудных ресурсах, посещая оазисы или максимально используя недолгий период весеннего цветения пустыни, воспринимали это как божью милость и благодать. Поэтому зелёный цвет вызывает только позитивные эмоции. *Зелёный* цвет – это цвет весны, цвет *жизни, природы, благоденствия, радости, надежды, божьего благословения.* Зелёный считается часто символом *непрерывности* и *бессмертия*, так как неразрывно связан с представлениями арабов о *рае*. В священной книге мусульман, Коране, в сурах «Ар-рахман» («Всемилостивый») и «Аль-инсан»

(«Человек») *зелёный* цвет разных оттенков от яркого до самого тёмного – это отличительная черта *райских кущ*, где праведники в *зелёных* одеждах будут возлежать на *зелёных* коврах среди *тёмно-зелёной* зелени… [11, 55: 64,76; 76:21]. Поэтому в исламе *зелёный* цвет – любимый.

Но кроме сакрального значения, зелёный цвет символизирует и обыденные вещи. Он тесно связан с *сельским хозяйством* и *экологией*. Поэтому людей, которые преуспели в этих отраслях или делают для них много полезного, арабы называют «*обладателями зелёной руки*». В более широком современном смысле понятие «*зелёная рука*» можно сравнить с русским оборотом «*лёгкая рука*». Обладатель «*зелёной руки*» реализует с успехом любое дело, за которое берётся.

Интересно, что иногда словом «*аль-хадра*» («зелёная») арабы называют небо (небо в арабском языке женского рода) [4, с. 224]. Скорее всего, называя небо *зелёным*, арабы подчёркивали, что там, высоко в небесах, находится Рай с его тенистыми Садами, где среди пышной *зелени* струятся животворные реки.

Конечно, перечисленные выше цвета – это ещё не вся национальная цветовая палитра арабов. Она намного богаче и красочней. Однако размер статьи не позволяет затронуть эту сторону вопроса, достойную отдельного исследования.

Из вышесказанного вытекают следующие выводы:

– Цветовая символика любого народа связана с его этнической картиной мира, которая, в свою очередь, зависит от места и условий проживания того или иного этноса.

– Национальная картина мира – это не только и не столько отражение этих условий, а в большей степени их духовное, морально-этическое, эстетическое осмысление, закреплённое в различных языковых формах и передающееся из поколения в поколение как некий нравственный код, сохраняющий национальную идентичность.

– Различные цвета становятся символами тех или иных явлений, черт характера в зависимости от того, какой эмоционально-нравственный заряд в них заложен.

– В арабской этнической картине мира наибольшей популярностью пользуются белый и чёрный цвета, которые образуют наибольшее количество фразеологических и паремических выражений, символизирующих различные стороны жизни. За ними идут лексические обороты, включающие лексемы, обозначающие жёлтый, красный, синий цвет. Замыкает линейку зелёный цвет. Цветовая палитра арабской этнической картины мира богаче представленной в статье. Однако другие цвета не имеют широкого спектра употреблений в устойчивых выражениях.

– Все цвета (белый, чёрный, красный, синий, жёлтый), кроме зелёного, символизируют явления, имеющие как положительную, так и отрицательную коннотацию. Зелёный связан только с положительными явлениями.

– Материалы статьи и другие исследования в данной области могут быть использованы для подготовки международников-арабистов с целью более глубокого и разностороннего ознакомления с культурой и менталитетом представителей Арабского региона.

Список литературы

1. Аль-Амед, Хани. Аль-амсаль аш-шаабийа аль-урдунийа (Иорданские народные пословицы). / Хани Аль-Амед. – Амман: Визарат ас-сакафа ва-ш-шабаб, 1978. 722 с.
2. Арабская любовная лирика. Стихи / Перев. с араб. М : Художественная литература, 1974. 317 с.
3. Аристотель. О душе. М., 1937. 179 с., II, 7.
4. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов. – 5-е изд., перераб. и доп. / Х.К.Баранов. М : Изд. Русский язык, 1976. 944с.
5. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б. Бахилина. М : Наука, 1975. 288 с.
6. Блок А. Лирика. Тридцать лирических циклов и разные стихотворения. М : Советская Россия, 1980. 367 с. (Серия «Поэтическая Россия»).
7. Гёте, Иоганн Вольфганг. Избранные произведения в 2-х томах. Т.2: Пер. с нем. / Сост. И. Солодуниной; Комм. А. Аникста и Н. Вильмонта; Худ. А. Яковлев. М.: Правда, 1983. 704 с.
8. Даль В.И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО, Изд-во ННН, 2000. 616 с.: илл.
9. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Гл. Ред. Вос. Лит., 1991. 315 с.: ил.
10. Книга тысячи и одной ночи в 8-и томах. Т. 4. / Перев. с араб. М.А. Салье. М: Гос. Изд. Художественной литературы, 1959. 495 с.
11. Коран /Перевод И.Ю. Крачковского. Изд. 16-е. Ростов н/Д: Феникс, 2014. 537с.

12. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
13. Кухарева Е.В. «Клише как отражение национального менталитета (на примере арабских паремий)». Диссертация на соискание учёной степени кан. филол. наук. Москва, 2005. 166 с.
14. Любани, Хусейн Али. Муаджам аль-амсаль аль-филастынийа (араби-араби) (Собрание палестинских пословиц) / Хусейн Али Любани. Бейрут: Мактаба нашарат Любнан, 1999. 937 с.
15. Миронова Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека / Л. Н. Миронова // Проблема цвета в психологии; отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж. М.: Наука, 1993. С. 172-188.
16. Мусаида, Марьям. Сыфаат аль-альваан фи л-люга ль-арабийа (Цветовые характеристики в арабском языке) [Электронный ресурс] / Марьям Мусаида. – Режим доступа: http://mawdoo3.com/صفات_الألوان_في_اللغة_العربية (Дата обращения – 10.04.2018).
17. ан-Наваи, Абу Закария Яхья бен Шараф. Сады праведных / Перев. с араб. и ком. В. Нирша. М : Умма, 2007. 766 с.
18. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Ок. 57 000 слов. / С.И. Ожегов. – Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 12-е изд., стереотип. М : Рус. Яз., 1978. 846 с.
19. Петров-Водкин К.С. Пространство Эвклида / К.С. Петров-Водкин. М: «Искусство», 1982. 656 с.
20. Прокофьева Л.П. Звукоцветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: Автореферат диссертации док. филол. наук. Саратов: Саратовский государственный медицинский университет, 2009. 48 с.
21. Прохорова А.М. Цветовая символика в английских и русских устойчивых словосочетаниях // Перспективы Науки и Образования, 2014, №1. С.252-255.
22. ас-Самури, Мухаммад. Далялят ал-лаун аль-абйад (Символика белого цвета) [Электронный ресурс] / Мухаммад ас-Самури. // Диван аль-араб: минбар хурр ли с-сакафа ва ль-фикр ва ль-адаб Режим доступа: http://www.diwanalarab.com/spip.php?article16515 – (Дата обращения – 10.04.2018).
23. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология / Н.В. Серов. СПб : Речь, 2003. 672 с.
24. Серов Н.В. Аксиология цвета в культурах Востока и Запада // Евразия. 2001. № 2. С. 85-91.
25. Таха, Джамана. Мувассаа р-равайа фи ль-хикам ва ль-амсаль (Сборник пословиц и поговорок) / Джамана Таха. – Эр-Рияд: ад-Дар аль-ватанийа аль-джадида, 2002. 720 с.
26. Трайндл, Арндт. Психология цветовосприятия и воздействие цвета [Электронный ресурс] / Арндт Трайндл – Режим доступа: http://hr-portal.ru/article/psihologiya-cvetovospriyatiya-i-vozdeystvie-cvet (Дата обращения – 06.04.2018).

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Кухарева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока ФГАОУ ВО МГИМО МИД России, научные интересы: преподавание арабского языка, арабский фольклор, лингвокультурология; e-mail: elena_koukhareva@mail.ru.

THE SYMBOLISM OF COLORS IN THE ETHNIC PICTURE OF THE WORLD OF THE ARABS

E.V. Kuhareva

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

The Abstract: *The article studies symbolic meanings of colors in the Arab on the material of Arabic sacred, literary texts, dictionary editions, and folklore. There is considered the place of each element of the color palette in the Arab ethnic picture of the world, which expresses moral and ethical values and worldview of the Arab ethnic group, and the importance and influence of colors on the Arab mentality. The analysis reveals the similarities and differences in the perception of colors and their symbolic meanings in the Arab and Russian languages. Arabs' perception of a particular color is based on their figurative system, in which all the phenomena of the surrounding world appear not in the form of philosophical abstract generalizations, but as a realistic perception of the surrounding reality. Symbolism of their perception is revealed in their practical life, the basis on which national consciousness and national mentality is formed. Color symbolism depends on the place and conditions in which an ethnic group lives. A national picture of the world, however, is not only and not so much a reflection of these conditions, it is a reflection of their moral, ethical and aesthetic conceptualization, fixed in various linguistic forms and transmitted from generation to generation as a moral code allowing people to preserve their national identity.*

Key Words: *Arabic language, ethnic picture of the world, color palette, symbolism, worldview, mentality, ethics, moral principles*

References

1. Al`-Amed, Xani. Al`-amsal` ash-shaabija al`-urdunija (Iordanskie narodny`e poslovicy) [Jordanian Proverbs] / Xani Al`-Amed. – Amman: Vizarat as-sakafa va-sh-shabab, 1978. 722 p.
2. Arabskaya lyubovnaya lirika. Stixi [Arabic love lyrics. Verses] / Transl. with Arab. M : Xudozhestvennaya literatura, 1974. 317 p.
3. Aristotel`. O dushe [About the soul]. M., 1937. 179 p., II, 7.
4. Baranov X.K. Arabsko-russkij slovar: Ok. 42000 slov [Arabic-Russian dictionary: Approx. 42000 words.]. 5th ed., Rev. and add. / X.K. Baranov. M : Izd. Russkii yazyk, 1976. 944p.
5. Bakhilina N.B. Istoriia tsvetooboznachenii v russkom iazyke [The his-tory of color terms in the Russian language] / N.B. Bakhilina. M : Nauka, 1975. 288 p.
6. Blok A. Lirika. Tridtsat liricheskikh tsiklov i raznye stikhotvoreniia [Lyric. Thirty cycles of lyrical and miscellaneous poems]. M : Sovetskaya Ros-siya, 1980. 367 p. (series «Poetic Russia»).
7. Gete, Iogann Volfgang. Izbrannye proizvedeniia v 2-x tomax [Selected works in 2 volumes]. Vol. 2: Transl. with ger. / Sost. I. Soloduninoi; Komm. A. Aniksta i N. Vilmonta; Khud. A. Yakovlev. M : Pravda, 1983. 704 p.
8. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people] / V. I. Dal'. M.: ZAO Izd-vo EHKSMO, Izd-vo NNN, 2000. 616 s.: ill.
9. Islam: Entsiklopedicheskii slovar [Islam: the Encyclopaedic diction-ary]. M.: Nauka. Gl. Red. Vos. Lit., 1991. 315 p.: il.
10. Kniga tysiachi i odnoi nochi v 8-i tomakh [The book of one thousand and one nights in 8 volumes]. Vol. 4. / Transl. with Arab. M. A. Salie. M: State. Ed. Khudozhestvennoi literaturi, 1959. 495 p.
11. Koran /Perevod I.Yu. Krachkovskogo [Koran / Translation By I. Yu. Krachkovsky]. Ed. 16. Rostov n/D: Feniks, 2014. 537p.
12. Kornilov O.A. Iazikovye kartiny mira kak proizvodnye natsional-nykh mentalitetov [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities] / O.A. Kornilov. 2nd ed., Rev. and add. M : CheRo, 2003. 349 p.
13. Kukhareva E.V. «Klishe kak otrazhenie natsionalnogo mentaliteta (na primere arabskikh paremii)». Diss. kan. filol. Nauk [Cliché as a reflection of the national mentality (for example, Arabic Proverbs)]. Can. filol. sci. Mos-cow, 2005. 166 p.
14. Lyubani, Xusejn Ali. Muadzham al`-amsal` al`-filasty`nija (arabi-arabi) (Sobranie palestinskix poslovicz) [Collection of Palestinian Proverbs] / Xusejn Ali Lyubani. – Bejrut: Maktaba nasharat Lyubnan, 1999. 937 p.
15. Mironova L. N. Semantika tsveta v evolutsii psikhiki cheloveka [Color semantics in the evolution of human psyche] / L.N. Mironova // Prob-lema tsveta v psikhologii [Color semantics in the evolution of human psyche]; otv. red. A.A. Mitkin, N.N. Korzh. M : Nauka, 1993. P. 172-188.
16. Musaida, Mar`yam. Sy`faat al`-al`vaan fi l-lyuga l`-arabija (Czveto-vy`e xarakteristiki v arabskom yazy`ke) [Color characteristics in Arabic] [electronic resource] / Mar`yam Musaida. – Available at: http://mawdoo3.com/صفات_الألوان_في_اللغة_العربية (accessed – 10.04.2018).
17. an-Navai, Abu Zakariya Yax`ya ben Sharaf. Sady` pravedny`x [Gar-dens of the righteous] / Transl. with Arab. and com.V. Nirsha. M : Umma, 2007. 766p.
18. Ozhegov S. I. Slovar russkogo iazyka. Ok. 57 000 slov [Dictionary of the Russian language]. / S.I. Ozhegov. Pod red. d-ra filol. nauk, prof. N.YU. Shvedovoi. 12-e izd., stereotip. M : Rus. yaz., 1978. 846 p.
19. Petrov-Vodkin K.S. Prostranstvo Evklida [Euclid Space] / K.S. Pe-trov-Vodkin. M : «Iskusstvo», 1982. 656 p.
20. Prokofyeva L.P. Zvukotsvetovaia associativnost v iazykovom soz-nanii i khudozhestvennom tekste: universalny, natsionalny, individualny aspekty: Avtoreferat dissertatsii dok. filol. nauk. [Sound-Color associativity in the language consciousness and literary text: universal, national, individual as-pects: the author's thesis of the Doc. philol. sci.] Saratov: Saratov. state med. Un., 2009. 48 p.
21. Prokhorova A.M. Tsvetovaia simvolika v angliiskikh i russkikh us-toichivykh slovosochetaniiakh [Color symbolism in English and Russian stable word combinations] // Perspektivy Nauki i Obrazovaniia [Prospects of Science and Education], 2014, №1. P. 252-255.
22. as-Samuri, Muhammad. Dalyalyat al-laun al`-abjad (Simvolika belogo czveta) [Symbols white] [electronic resource] / Muxammad as-Samuri. // Divan al`-arab: minbar xurr li s-sakafa va l`-fikr va l`-adab. Available at: http://www.diwanalarab.com/spip.php?article16515 – (accessed – 10.04.2018).
23. Serov N.V. Tsvet kultury: psikhologiia, kulturologiia, fiziologiia [Color of culture: psychology, cultural studies, physiology] / N.V. Serov. SPb : Rech`, 2003. 672 p.
24. Serov N.V. Aksiologiia tsveta v kulturakh Vostoka i Zapada [Axiol-ogy color in the cultures of East and West] // Evraziia. 2001. № 2. P. 85-91.
25. Taxa, Dzhamana. Muvassaa r-ravaja fi l`-xikam va l`-amsal` (Sbornik poslovicz i pogovorok) [Collection of Proverbs] / Dzhamana Taxa. – E`r-Riyad: ad-Dar al`-vatanija al`-dzhadida, 2002. 720 p.
26. Trajndl, Apndt. Psixologiya czvetovospriyatiya i vozdejstvie czveta [Psychology of color perception and color impact] [electronic resource] / Ap-ndt Trajndl. – Available at: http://hr-portal.ru/article/psihologiya-cvetovospriyatiya-i-vozdeystvie-cvet (accessed – 06.04.2018).

About the author:

Elena V. Kukhareva – candidate of Philology, associate Professor, associate Professor of languages of the Middle East at MGIMO (University). Research interests: teaching Arabic, Arabic folklore, linguoculturology. E-mail: elena_koukhareva@mail.ru.

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-108-119

КИБЕРДЕМОКРАТИЯ – НОВЫЙ ФЕНОМЕН В СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ ИСПАНИИ

С.К. Мосина

Московский государственный институт международных отношений (университет), 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье анализируется новый феномен, возникший в испанском обществе в XXI веке, – кибердемократия. Развитие цифровых технологий и ИКТ (в первую очередь, интернета, о чём свидетельствует статистика, представленная Национальным институтом статистики Испании за последнее десятилетие и сравнительный анализ данных за 2008 и 2016 гг.) привели к появлению новых методов реализации политических задач и транслирования в массы идей, представляющих интерес для определённых политических групп. На новый феномен обратили пристальное внимание не только правительство Испании, но и исследователи-лингвисты. В работе выявлены особенности кибердемократии, сформулировано определение нового феномена, представлена схема функционирования кибердемократии как системы. Рассмотрено влияние нового феномена на испанский язык с точки зрения социолингвистики и когнитивной лингвистики: возникновение «кибер речи», появление неологизмов, насыщение сообщений эмоционально-окрашенной лексикой из-за ограничений по количеству символов в некоторых веб-ресурсах и социальных сетях, новые манипулятивные возможности газетно-публицистического дискурса для воздействия на аудиторию. В статье деляются прогнозы относительно дальнейших изменений в испанском языке с учётом влияния кибердемократии.

Ключевые слова: *кибердемократия, кибер речь, неологизмы, социолингвистика, когнитивная лингвистика, испанский язык, дискурс, манипуляция, информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), Интернет*

В начале XXI века в испанском обществе возникает новый социально-политический феномен – кибердемократия. Цель исследования – изучить кибердемократию в аспекте её социальной и языковой проекции. Задачи данной статьи – сформировать определение «кибердемократии», проанализировать влияние данного феномена на испанский язык и современный общественно-политический дискурс.

Методы исследования – сравнительный (сопоставляются различные определения, предложенные испанскими авторами, с целью сформулировать наиболее ёмкое определение «кибердемократии»), системный анализ и структурно-функциональный метод позволяют представить кибердемократию как систему. Материалами исследования служат докторские диссертации, статьи, монографии современных испанских исследователей.

Определение кибердемократии и её особенности

Феномен кибердемократии появился в XXI веке в связи с развитием цифровых технологий и распространением технологий массовых коммуникаций. Испания последовала глобальной тенденции: в 2016 году 94% населения Испании имели смартфоны [25]. По данным Института статистики Испании за 2017 год 83,4% жилых помещений в Испании подключены к Интернету, 80% населения (98% молодёжи от 16 до 24 лет [32]) пользуются всемирной сетью регулярно

[14], 51,1% имеют аккаунт в социальных сетях [16] и проводят в них в среднем 1,5 часа, а в Интернете в целом – более 5 часов в день [11]. При этом в 2016 году расходы бюджетных средств на развитие ИКТ в секторе государственного управления составили 1,6 млрд. евро (на телекоммуникации – 269 млн. евро) [24]. Таким образом, в современном испанском обществе информационные технологии играют заметную роль в жизни рядовых граждан и на государственном уровне. В этой связи в последнее десятилетие внимание испанских политологов и лингвистов привлёк новый для Испании феномен – кибердемократия. Говорить о его появлении, помимо представленной статистики, позволяет ряд объективно на это указывающих фактов, к примеру:

– В настоящее время все заседания и совещания в Конгрессе Депутатов Испании транслируются онлайн[1], на сайте учреждения также есть видеотека с записями всех проходивших обсуждений, все трансляции заседаний размещены на официальных страницах Конгресса в социальных сетях: «Фейсбуке», «Твиттере», «Инстаграмме» и на канале «Ютьюб» с опцией комментирования, чтобы любой пользователь мог выразить своё мнение;

– 30.09.2017 г. в преддверии референдума о независимости в Каталонии силы правоохранительных органов Испании заблокировали доступ в Интернет на избирательных участках, заняли Центр телекоммуникаций и информационных технологий, чтобы закрыть доступ к информационным системам, обеспечивающим проведение референдума, и Центр информационной безопасности Каталонии, что сделало невозможным электронное голосование. Такое внимание Мадрида к цифровой составляющей голосования и сам факт существования указанных центров подчёркивает высокую значимость ИКТ для демократических процессов;

– Голосование онлайн впервые было опробовано в Испании ещё в ноябре 2003 года, когда на парламентских выборах в Каталонии в Интернете смогли проголосовать резиденты автономного сообщества, проживающие за рубежом, а с ноября 2016 года ведётся работа по созданию нормативно-правовой и технической базы для обеспечения испанских граждан, проживающих в других странах, возможностью отдать голос на всеобщих выборах в сети Интернет;

– Согласно данным Министерства внутренних дел Испании, в реестре политических партий зарегистрированы[2]: «Интернет-Партия Испании» (исп.: Partido de Internet [PDI]) с 2010 года, партия «Цифровая прямая демократия» (исп.: Democracia Directa Digital [D3]) с 2006 года, «Пиратская партия» (исп.: Partido Pirata) с 2007 года. Одной из главных целей данных партий является прямая демократия и обеспечение вовлечения граждан в политические процессы посредством новых технологий;

– В стране функционирует большое число электронных ресурсов, виртуальных платформ и сообществ для повышения уровня гражданской вовлечённости, к примеру, «Платформа по защите свободы информации Испании» (исп.: PDLI), а также «Консул»[3] (исп.: Consul), инструмент, созданный при поддержке мэрии Мадрида, в рамках которого граждане могут обсуждать проблемы и предлагать решения, непосредственно выбирать статьи расходов для выделения бюджетных средств, комментировать текст законопроектов и вносить предложения по их изменению.

Всё вышесказанное указывает на то, что в Испании действительно можно наблюдать феномен кибердемократии, которая является объектом исследования политологии, частного права, а также лингвистики. В отечественной науке часто используется термин «электронная демократия», под которым понимается «основанный на применении сетевых компьютерных технологий механизм обеспечения политической коммуникации, способствующий реализации принципов народовластия и позволяющий привести политическое устройство в соответствие с реальными потребностями становящегося информационного общества» [6]. Первые работы, посвящённые кибердемократии, появились в США и Великобритании (К. Хакер [20], П. Норрис [29], М. Хиндман [22], М. Хейл [21]), затем феномен стал объектом исследований и в других странах, в частности, в России ему посвящены труды Н.Н. Лебедевой [5], Ф.Е. Корбата [3], М.Н. Грачева и А.С. Мадатова [1], С.А. Калина [2] и др. Подробный анализ подходов к рас-

[1] Congreso de los Diputados. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.congreso.es/portal/page/portal/Congreso/Congreso/CongresoTV (дата обращения: 29.07.2018 г.).

[2] Registro de Partidos Políticos/ Ministerio del Interior. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://servicio.mir.es/nfrontal/webpartido_politico.html (дата обращения: 29.07. 2018 г.).

[3] Consul. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://consulproject.org/en/ (дата обращения: 29.07. 2018 г.).

смотрению феномена кибердемократии может представлять интерес для проведения компаративного исследования, однако целью настоящей статьи является обзор испанских работ по данной проблематике.

В широком смысле под «кибердемократией» испанские исследователи понимают политическую систему, формирующуюся благодаря новым ИКТ [13, с.254], к которым относится Интернет, спутниковая связь, телефония, аудиовизуальные методы связи [31].

Р. Гальегильо рассматривает кибердемократию в качестве многогранного полиархичного процесса развития либеральной демократии в цифровом киберпространстве [16, с.19]. По его мнению, нельзя говорить о кибердемократии как о уже сформировавшемся феномене, так как сейчас существуют лишь предпосылки для её появления. Данную точку зрения подкрепляет статистика: в 2008 году 53% интернет-пользователей не искали в сети информацию о кандидатах, 76% никогда не оставляли комментариев в политических блогах или чатах, 68% ни разу не подписывали петиций, всего 10% использовали Интернет в качестве источника информации о выборах, а 48% лишь пересылали друзьям картинки или шутки о кандидатах [33, с.657]. Тем не менее, уже в 2015 году число граждан Испании, для которых Интернет стал главным источником информации о выборах, достигло 22%, из них 58,4% читали электронные версии газет и журналов, 19,2% посещали официальные сайты политических партий и кандидатов, 20,5% отметили, что информация из интернет-ресурсов определила их выбор [28].

Среди ключевых движущих сил кибердемократии Р. Гальегильо выделяет коммуникацию, в частности, диалогическое взаимодействие, гражданское общество, технологический прогресс. В совокупности они образуют основу для зарождения кибердемократии [16, с.534]. Развивая идею Р. Гальегильо, можно отметить, что именно благодаря технологическому прогрессу появляется всевозрастающее число возможностей для реализации предложений, выдвинутых по инициативе гражданского общества и отдельных индивидов посредством диалогического взаимодействия в Интернете. Подтверждением этого тезиса может служить практика применения властями Испании вышеупомянутой платформы «Консул». Наряду с положительными моментами стоит отметить и отрицательные стороны растущих возможностей для выражения своей точки зрения в Интернете, такие как потенциальная угроза стихийного возникновения протестных движений (примером может служить протестное движение 15М («Движение возмущённых»), начавшееся 15 мая 2011 года в Испании именно из-за активности молодёжи в социальных сетях).

Р. Гальегильо полагает, что коммуникативная деятельность влияет на социальную вовлечённость индивидуумов и формирует не только личность, но и оказывает воздействие на культуру общества. Необходимо отметить, что данной точки зрения придерживаются и российские исследователи, в частности, В.А. Иовенко пишет, что язык порождает психологию и национальное самосознание, коллективное видение, а также национальные и культурные особенности народа [23, с. 127]. М.В. Ларионова отмечает, что дискурс – не только способ отражения и интерпретации мира посредством вербальных и невербальных практик, но и способ формирования действительности [4, с. 27].

Таким образом, можно сказать, что коммуникативная деятельность, являющаяся ключевым элементом кибердемократии, способна изменить образ мышления. В этой связи необходимо упомянуть определение кибердемократии, предложенное Э.Д. Муньос, которая рассматривает её как проект планетарного масштаба, целью которого является внесение глубинных изменений в обществе и создание новой культуры (или киберкультуры), которая может стать «проводником в политике наиболее развитых стран мира» [13, с.255]. Свойственная политической культуре многих западных стран, в том числе Испании, представительская демократия, при которой ответственность за принятие решений возлагается на избранных народом лидеров, может при таком сценарии развития событий уступить место прямой демократии. В условиях киберпространства возникает возможность для выдвижения гражданских инициатив без посредников, которыми на данный момент являются органы государственной власти, являющиеся неотъемлемой частью политической культуры Испании.

Кибердемократия – предмет исследований В. Сампедро Бланко, который считает, что феномен объединяет в себе такие понятия как «киберкампания», «кибержурналистика» и «виртуальное обсуждение» и представляет собой «реализуемые и обсуждаемые в сети кампании» [33, с.658, 668]. Исследовательский интерес В. Сампедро Бланко сосредоточен на изучении

возможностей использования инструментов кибердемократии в предвыборных кампаниях для привлечения электората на сторону какой-либо партии. Главным образом в этих целях был создан электронный ресурс "*ciberdemocracia.net*", представляющий собой хранилище материалов, посвящённых исследованию нового феномена. Проект создавался при поддержке Министерства экономики и конкурентоспособности Испании в рамках государственного плана научно-технических и инновационных исследований за 2013-2016гг. при участии Университета короля Хуана Карлоса и Университета Вальядолида [19]. Тем не менее, стоит отметить, что в условиях кибердемократии в процесс проведения выборов может осуществляться вмешательство сил, заинтересованных в срыве избирательной кампании или изменении её итогов в пользу определённого кандидата или партии, высока вероятность массовых нарушений, о чём пишут испанские СМИ [26], обсуждая возможное введение интернет голосования для граждан Испании, временно проживающих за рубежом и не имеющих возможности явиться на избирательные участки на выборах в местные органы власти. Среди аргументов против этой инициативы ЦИК, представленной в конце 2016 года на рассмотрение в Конгрессе Депутатов, – невозможность убедиться в том, что голоса будут отданы добровольно и без принуждения, высокая вероятность повторного голосования, риск хакерской атаки и др.

В своём исследовании Э.М. Кампос Домингес подчёркивает, что кибердемократия в сущности является внедрением ИКТ в политическую жизнь и даёт простым гражданам возможность сыграть более заметную роль в общественном обсуждении, политических дебатах и в процессе принятия решений посредством обеспечения большего объёма информации и обмена мнениями на виртуальной площадке [9, с.8].

Резюмируя вышеизложенное, можно предложить следующее определение кибердемократии: это *полиархичная и многогранная система различных видов деятельности в сфере политики, включая предвыборные кампании, обсуждения онлайн и журналистику цифровых изданий, которые осуществляются посредством ИКТ, главным образом, Интернета.* Кибердемократия формирует виртуальные сообщества без границ, где рядовые граждане получают возможность играть более заметную роль в политических обсуждениях и процессе принятия решений. Однако те же виртуальные сообщества, а также другие возможности, появляющиеся в условиях кибердемократии, могут быть использованы злоумышленниками, кибертеррористами, хакерами с целью сорвать предвыборную кампанию или реализацию какой-либо инициативы, организовать протестное движение, повлиять на исход выборов и т.д.

Таким образом, систему кибердемократии в упрощённом виде можно представить в виде следующей схемы (см. Рис.1):

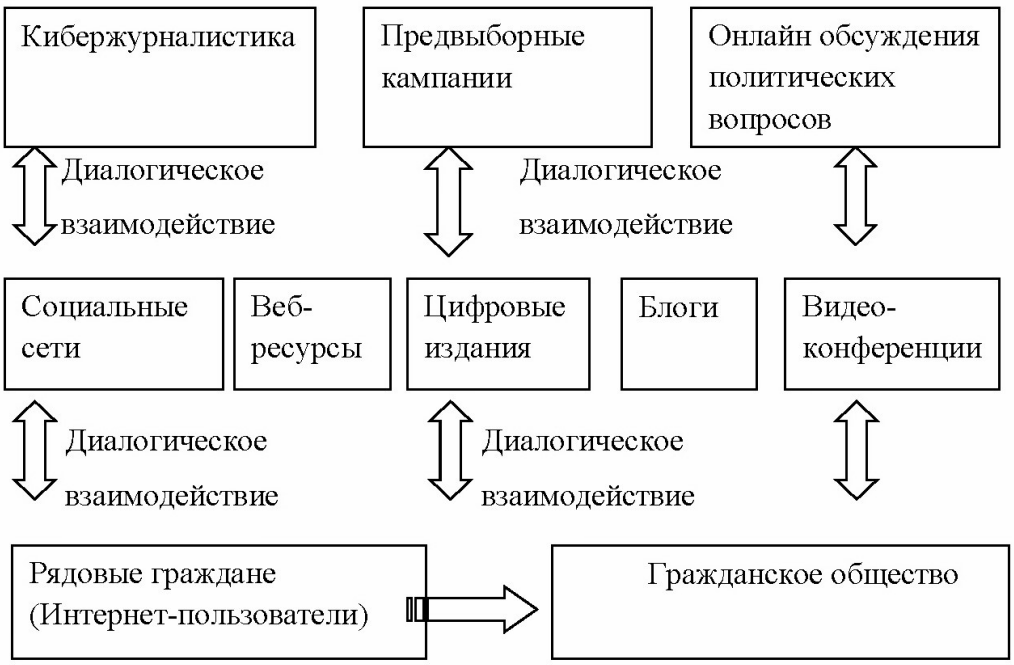


Рис.1. Кибердемократия как система

Среди особенностей кибердемократии можно выделить следующие характеристики:

– прозрачность источников информации и всеобщий доступ к технологическим инструментам;

– возможность рядовым гражданам мгновенно принимать участие во всех сферах жизни общества;

– выражение мнения и участие в гражданских процессах без какого-либо ценза (возрастного, профессионального, национального и т.д.);

– отсутствие необходимости физически присутствовать в ходе обсуждений;

– нехватка инструментов контроля потока информации и хода обсуждений.

Необходимо отметить, что кибердемократия позволяет принимать решения быстрее, однако отсутствие бюрократии и формальностей может привести к скоропалительным решениям и поспешным выводам. Также отсутствие ценза означает низкое качество профессионализма, возникает опасность власти толпы.

Кибердемократия сквозь призму социолингвистики

Выбор языковых средств и коммуникативных стратегий и тактик для выражения позиции какого-либо политика, партии, профсоюза, политической организации всегда был приоритетной задачей в политике. Посредством языка политические деятели формируют в сознании реципиента определённую картину мира, альтернативную реальность с расстановкой выгодных для политика акцентов с целью транслировать необходимые ценности или апеллировать к ним. С активным использованием ИКТ в целях привлечения электората или продвижения тех или иных идей (иными словами, с появлением феномена кибердемократии) в руках политиков оказался целый арсенал инструментов манипулятивного[4] воздействия на сознание аудитории. Систематизация и анализ языковых средств манипулятивного воздействия в эпоху кибердемократии заслуживают отдельного исследования, однако в качестве наиболее яркого примера стоит отметить одно из самых распространённых – повтор. С точки зрения психолингвистики, многократное повторение приводит к тому, что в сознании формируется определённый цикл нейронных связей, т.е. формируется последовательность концептуальных структур. Повтор призван акцентировать внимание на отдельных элементах, постоянно актуализируя соответствующие признаки, присущие концепту. После прочтения или прослушивания сообщения у реципиента останутся в памяти наиболее часто повторяемые признаки, хотя, возможно, они и не являлись самыми важными с информативной точки зрения. Ранее существовавшие СМИ также позволяли использовать данный инструмент, однако они способны передавать информацию лишь в определённых интервалах: газеты выходят не чаще раза в сутки, выпуски новостей по телевидению транслируются всего несколько раз в день. В эпоху кибердемократии информация доступна в любое время. Видеоролики, вебсайты, социальные сети, блоги, онлайн-версии СМИ и интернет-каналы способны обеспечить беспрерывный поток информации. Все указанные средства используются в предвыборных кампаниях, а также для реализации задач политических партий и групп. Даже когда пользователь не задаётся целью узнать о последних событиях, электронные ресурсы навязывают ему информацию: на поисковых сайтах всегда есть вкладка «новости», последние события транслируются бегущей строкой, в социальных сетях лента пользователя подхватывает веб-страницы в соответствии с частыми поисковыми запросами, контент-реклама и интерактивные всплывающие окна напоминают о недавно прочитанном. Испанские исследователи отмечают, что в эпоху цифровых технологий решающую роль для пользователей играет скорость: важнее получить информацию как можно скорее, а полнота и объективность при этом отходят на второй план [10].

Несмотря на то, что термин «кибердемократия» впервые появился ещё в 1994 году, данный феномен является новым объектом исследования в испанской социолингвистике, понимаемой как раздел языкознания, изучающий связь между языком и социальными условиями его существования. Сампедро Бланко подчёркивает, что кибердемократия теснейшим образом связана с цифровой журналистикой, обеспечивая при этом более высокий уровень гражданской активности [33, с.661]. В этой связи комплексное изучение воздействия ки-

[4] При этом под манипуляцией понимается особый вид психологического воздействия на сознание и поведение массовой аудитории, который осуществляется в скрытой форме с помощью различного рода дискурсивных, языковых и экстралингвистических приёмов, создающих необходимый прагматический эффект» (определение дано М.В.Ларионовой [4, с.51].

бердемократии на испанский язык возможно посредством анализа новых явлений в газетно-публицистическом дискурсе на базе материалов, размещаемых в блогах и на официальных сайтах политических групп и партий, а также в финансируемых ими онлайн-версиях газет и журналов.

Социальные сети и интернет-общение привели к появлению нового феномена в испанском языке – «киберречи» (исп. – ciberhabla), представляющего собой гибрид устной и письменной речи. Комплексное исследование киберречи в своей докторской диссертации проводит М.Р. Бартоломе Родригес [8]. По его мнению, киберречь отличается от письменного языка: происходит замещение звуко-слухового канала виртуальным общением (в этом процессе особую роль играет проговаривание фразы про себя при её написании в интернет-ресурсе (исп. – voz escrita), что влечёт за собой графическое воспроизводство параязыка и, как следствие, – изменения в орфографии (т.н. фонетическая графика). Такие орфографические привычки глубоко внедряются в язык пользователей, затрагивая синтаксис, пунктуацию и расстановку ударений.

Хотя устный диалог, в отличие от ведущегося в Интернете, характеризуют звуковые аспекты (ударение, ритм, темп (скорость) речи и интонация), есть возможность выразить некоторые элементы живой речи графически: передать тон или сделать смысловое ударение можно при помощи прописных букв, восклицательных знаков или повторения букв, чтобы передать смех используются звукоподражания, для передачи эмоций –смайлы.

При написании текста в сети решающую роль играет фактор времени: для поддержания диалога необходимо быстро отреагировать на сообщение собеседника, набор длинного ответа, содержащего сложные предложения, может снизить интерес к диалогу, лишить его «живости». Собеседник жертвует красотой языка и зачастую пренебрегает нормами пунктуации и орфографии, редуцируя своё высказывание до простых предложений, которые должны быть максимально короткими.

Гласные с ударением или буква ñ, представляющие характерные особенности испанской орфографии, используются редко, так как их расстановка требует либо специальной клавиатуры, либо переключения на дополнительный набор символов, что влияет на скорость написания сообщения.

При этом написание слов, отличающееся от закреплённого в словаре – гетерографию – необходимо отличать от орфографических ошибок, так как вторые являются проявлением незнания норм правописания, а первые представляют собой намеренное отклонение от нормы. В ряде случаев М.Р. Бартоломе Родригес полагает уместным говорить о неографии, то есть новом написании слов, отличном от уже зафиксированного в орфографическом словаре.

Киберписьменность имеет тенденцию к графическому изображению слова, редуцированного до «фонетической основы». Этот процесс, который, по мнению испанских исследователей [8, с. 51], восходит к первым правилам правописания испанского языка, основанным на принципе «как слышится, так и пишется», и раннему периоду формирования испанской письменности, когда ещё не существовало графических символов для обозначения гласных звуков, и прочитать фразу можно было, подставляя по смыслу пропущенные гласные. Сегодня этот принцип используется исключительно для ускорения обмена сообщениями. К примеру фраза «1 bsz grnd pa mi grpo», в соответствии с нормами испанского языка должна быть записана как «un besazo grande para mi grupo» (с исп.: «Крепко целую мою группу»). Стоит оговориться, что явление безгласного письма можно наблюдать не только в испанском языке, но и, к примеру, в русском: так, Р.К. Миньяр-Белоручев на основе этого принципа разработал систему сокращённых записей при последовательном переводе. Тем не менее, целью настоящего исследования является изучение изменений, происходящих в настоящее время в испанском языке, таким образом обзор схожих тенденций в других языках не входит в число задач данной статьи, однако может представлять интерес для контрастивной лингвистики и стать объектом отдельного исследования.

Некоторые из существовавших ранее принципов в испанском языке вновь становятся актуальными:

– фонетическая графика: сложные фонемы заменяются одной буквой: qu = k, ch = x;

– написание слова сокращается до основы из согласных: saludos = slds (с исп.: «Привет!»);

– редуцированные формы (опускается начало или конец слова): universidad = univ (с исп.: «университет»); estoy = stoy/ toy (с исп.: форма глагола «быть» в 1 л., ед.ч. наст. врем.), vamos=amos (с исп.: форма глагола «идти»

в 1 л., мн.ч. наст. врем.), venga=enga (с исп.: повел. накл. глагола «идти»). Их употребление возможно в случаях, когда сокращение не может быть истолковано двояко или когда буква по отдельности произносится так же, как её сочетание с гласным «е»: t=te, d=de, p=pe, c=ce;

– логограммы: además = ad+ («+» – математический знак сложения (исп.: mas); por = x («х» – знак умножения (исп.: por) и их производные: por eso = x eso (с исп.: «поэтому»), porque = xq (с исп.: «потому что»);

– агглютинация слов: se te echa = stexa (с исп.: «скучаю»); de menos = dmns (с исп.: «сильно»);

– опущение «е» перед буквой «s»: estamos=stamos (с исп.: форма глагола «быть» в 1 л., мн.ч. наст.врем.);

– замена дифтонга «bue» и «gu» на «w»: buenas=wenas (с исп.: «хорошие»), guapa=wapa (с исп.: «красивая»);

– замена «ll» на «y» : llámame = yamame (с исп.: «позвони мне»), con ellos=con eyos (с исп.: «с ними»);

– взаимная замена согласных c-z, b-v, g-j, обусловленная их одинаковым произношением в ряде случаев: felicidades=felizidades (с исп.: «поздравления»), aburridos=avurridos (с исп.: «скучающие»), nunca probé el potaje=nunca prove el potage (с исп.: «Я никогда не пробовал напиток»), injusto=ingusto (с исп.: «несправедливый»);

– опущение d в причастиях: organizado=organizao (с исп.: «организованный»);

– опущение h в немой позиции: ahora=aora (с исп.: «сейчас»), hola=ola (с исп.: «привет»);

– слитное написание при наличии синалефы (соединения двух или нескольких гласных звучаний в одно): me encanta=meencanta (с исп.: «мне нравится» [8, с. 52-53;17]).

Кроме изменений в орфографии происходят и другие изменения в языке. Нормы пунктуации, расстановки ударений и написания заглавных букв не соблюдаются, так как в большинстве случаев они не несут смыслоразличительной функции, а именно она становится решающим критерием при принятии пользователем решения, является ли символ необходимым или же его можно опустить и смысл высказывания будет понят, несмотря на несоответствие написанного сообщения нормам правописания. Традиционные вопросительный и восклицательный знаки в начале предложений опускаются, редко употребимы двоеточие, точка с запятой: простые предложения вытесняют сложные, наблюдается сокращение числа сложноподчинённых предложений и обособленных оборотов, обилие эллипсисов. Тем не менее, нельзя говорить о том, что появляется совершенно новый синтаксис.

Киберречи присущи свойства разговорного стиля: обращения, императивы, обилие восклицательных предложений, междометия. Наблюдается тенденция к диалогическому общению и сближению (как в отношении расстояния, так и времени) с собеседником (аудиторией) посредством указательных местоимений, наречий (ahora, ya, en este momento (с исп.: «сейчас», «уже», «в данный момент»), личных и притяжательных местоимений, глаголов в настоящем времени. Ввиду тенденции написания простых предложений реже используется сослагательное наклонение (исп.: modo subjuntivo), равно как и подчинительные союзы, употребление которых большей частью сводится к que и si (с исп.: «что», «если»).

Также, по мнению Г. Торрего [17] для киберречи типичны:

– вводные фразы и слова (фразы)-паразиты, свойственные разговорному стилю речи: ¿no es verdad?, ¿me entiendes?, un suponer, a ver, bueno (с исп.: «Не так ли?», «Понимаешь?», «предположим», «итак», «ну»);

– употребление символа @ для указания на мужской и женский род одновременно: compañeros y compañeras = compañer@s (с исп.: «коллеги»);

– адвербиальные структуры, приобретающие непривычные формы: al más no poder (вместо: al no poder más (с исп.: «больше не выдерживать»);

– слияние местоимений с отглагольными формами: se mansaltao las lágrimas (вместо: se me han saltado las lágrimas (с исп.: «мне на глаза навернулись слёзы);

– императив «hay que +инфинитив» (с исп.: «нужно что-то сделать») заменяется на структуру «a + инфинитив»: a hacer lo que te digo (с исп.: «нужно поступить, как я говорю»).

Таким образом, среди характерных особенностей киберречи выделяют расстановку акцентов и выделение ключевых слов с помощью заглавных букв, дублирование гласных, многократное повторение вопросительных и восклицательных знаков и их произвольное употребление, использование звуковых сокращений, звукоподражаний, опущение пунктуационных знаков (запятых и точки, в особенности в конце

предложения), отсутствие невербальной коммуникации. Интернет-пользователи при этом перестают быть пассивными реципиентами, они сами генерируют новую информацию, адресуя её другим пользователям [18].

Хотя в настоящее время публикуется множество работ, посвящённых кибеpрречи, стоит отметить точку зрения Дарио Вильянуэвы, директора Королевской академии испанского языка, который считает, что влияние Интернета на испанский язык не будет качественно отличаться от воздействия, которое некогда оказал телеграф: он привёл к росту числа сокращений отдельных часто употребляемых слов и фраз на письме. Сокращения в Интернете не влияют на языковые нормы в целом, так как не носят постоянный характер и используются в узкой среде (преимущественно, среди молодёжи) исключительно с целью экономии времени и усилий [30].

Тем не менее, это мнение разделяют не все. В своей докторской диссертации Х.М. Апарисио Морено изучает сообщения, опубликованные в «Твиттере». С точки зрения семиотики, коммуникативный потенциал идеологически и политически окрашенных сообщений в социальных интернет-сетях сформировал инновационный способ взаимодействия с гражданами. Ограничение на количество символов в «Твиттере» (280 символов с 2017 года, ранее – 140) приводит к краткости изложения, насыщению сообщения эмоционально-окрашенной лексикой [7, с.66]. В таких сообщениях авторы часто апеллируют к концептам, активирующим в сознании реципиента целую цепочку смыслов. В рамках своего исследования Х.М. Апарисио Морено изучает феномен «акампадас» (исп.: acampadas), возникший в 2011 году, когда началась так называемая «испанская революция». После многочисленных сообщений в блогах, социальных сетях («Твиттере» и «Фейсбуке») испанская молодёжь вышла на площадь Мадрида Пуэрта-дель-Соль, разбив там лагерь (исп. campada). Комментируя свои действия, протестующие использовали в социальных сетях хештег #acampadasol, что привело к появлению неологизма в испанском языке «acampadas» (с исп.: «палаточные забастовки»).

С развитием ИКТ в испанском газетно-публицистическом дискурсе появилось множество неологизмов, характеризующихся наличием префикса ciber- (с исп.: «кибер-»): ciberguetto, cibercampaña, ciberactivistas, cibervoluntarios, ciberdeliberaciones, ciberperiodística, ciberoptimistas, ciberpesimistas (с исп.: «кибергетто», «киберкампания», «киберактивисты», «киберволонтёры», «киберобсуждения», «кибержурналистика», «кибероптимисты», «киберпессимисты») и т.д. [9, 12, 33, 34]. Употребление данных неологизмов без каких-либо дополнительных пояснений указывает на то, что данные понятия уже составляют часть социальной жизни испанцев.

Необходимо отметить, что И. Мендес де Виго, министр образования, культуры и спорта Испании, подчеркнул, что задачей страны является развитие испанского языка как языка цифровых технологий ради грядущих поколений. По его мнению, этому может способствовать рост числа публикуемых в Интернете текстов и создание программного обеспечения на испанском языке [27].

Выводы

Наблюдаемый сегодня в испанском обществе феномен кибердемократии, под которой понимается система различных видов деятельности в сфере политики, включая предвыборные кампании, обуждения онлайн и журналистику цифровых изданий, осуществляемых посредством ИКТ, приводит к формированию виртуальных сообществ без границ, где рядовые граждане становятся не только реципиентами информации, но и получают возможность играть более заметную роль в политических обсуждениях и процессе принятия решений. В этой связи на государственном уровне проводятся меры по стимулированию кибердемократии, начиная с финансирования отдельных проектов, заканчивая стимулированием увеличения числа публикуемых в Интернете текстов на испанском языке.

В эпоху кибердемократии появляются новые возможности для манипулятивного воздействия на сознание аудитории языковыми средствами. Социальные сети и интернет-общение привели к появлению нового феномена в испанском языке «киберречи» (исп. – ciberhabla), представляющего собой гибрид устной и письменной речи. Происходит формирование системы сокращений с применением логограмм, специальных символов и смайлов, опущений, принципа аглютинации и безгласного письма; изменяется написание слов в силу стремления максимально приблизить диалог, ведущийся посредством различных ИКТ, с вербальным общением. Такое стремление приводит к насыщению письменной

речи элементами устной (словами-паразитами, звукоподражаниями, инверсиями в рамках устойчивых сочетаний). Кибердемократия стала причиной появления неологизмов в испанском языке: acampadas, ciberguetto, cibercampaña, ciberactivistas, cibervoluntarios, ciberdeliberaciones, ciberperiodística, ciberoptimistas, ciberpesimistas и т.д.

Список литературы

1. Грачев М.Н., Мадатов А.С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив/М.Н.Грачев, А.С.Мадатов. – М.: Изд-во «АЛКИГАММА». 2004.
2. Калин С.А. Роль гражданской инициативы в процессе развития систем электронного правительства и электронной демократии/ С.А. Калин// Информационная безопасность регионов. 2015. № 3(20). С.47-52.
3. Корбат Ф.Е. Кибер-демократия как развитие информационной политики/Ф.Е. Корбат // Известия высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Сер.: Общественные науки. 2013. №4 (28). С. 17-29.
4. Лебедева Н.Н. Правовая культура личности и Интернет: Теоретический аспект: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01/ Н.Н.Лебедева. Москва. 2004.
5. Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? /М.В.Ларионова. М.: МГИМО-Университет. 2015.
6. Пашинская В.В. Формирование «электронной демократии» в российской федерации/В.В. Пашинская// Фундаментальные исследования. 2013. № 11-6. С. 1278-1281. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33293 (дата обращения: 29.07.2018).
7. Aparicio Moreno J.M. Ciberdemocracia: El poder del discurso políticoideológico en Twitter en el contexto de la Comunidad Valenciana/ J.M. Aparicio Moreno. Valencia. 2016.
8. Bartolomé Rodríguez M.R. Madurez sintáctica: influencia de las TIC en sus índices y estudio comparativo entre las generaciones pre y post-internet/M.R. Bartolomé Rodríguez. Madrid. 2016.
9. Campos Domínguez E.M. El desarrollo de la ciberdemocracia en el Congreso de los Diputados: la comunicación e interacción entre ciudadanos y parlamentarios a través de Internet (2004-2008)/ E.M. Campos Domínguez. Madrid. 2011.
10. Casero-Ripollés A.(ed.) Redefiniendo los vínculos entre periodismo y democracia en la era digital /A. Casero-Ripollés// XIX Congreso Internacional/ Sociedad Española de periodística. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://idus.us.es/xmlui/bitstream/handle/11441/42973/Pages%20from%20Actas-XIX-CONGRESO-SEP-CASTELLON-2.pdf?sequence=1 (дата обращения: 02 мая 2018г.).
11. Casi 40 millones de usuarios activos de internet en España/La Vanguardia. 2018. 01 дек.
12. Dader J.L. Comunicación política en la Red: Desde las cibercampañas a la transparencia virtual de la administración/ J.L. Dader// Conferencia Autoría y Contenidos en la Red. Universidad Internacional Menéndez Pelayo. Valencia. 2006.
13. Díaz Muñoz E. Internet: los retos de la ciberdemocracia/E. Díaz Muñoz //Revista internacional de pensamiento político - I Época – 2010. Vol. 5. P.249-260.
14. Encuesta sobre equipamiento y uso de tecnologías de información y comunicación en los hogares/ Instituto Nacional de Estadística. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176741&menu=ultiDatos&idp=1254735576692 (дата обращения: 02 мая 2018г.).
15. Encuesta sobre Equipamiento y Uso de Tecnologías de Información y Comunicación en los Hogares/ Instituto Nacional de Estadística. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ine.es/prensa/np864.pdf (дата обращения: 02 мая 2018г.).
16. Galleguillo R.R. Comunicación interactiva y poder ciudadano en la ciber-demoracia/R.R. Galleguillo. Madrid: Universidad Complutense de Madrid. 2015.
17. Gómez Torrego. La Gramática en Internet/ II Congreso Internacional de la Lengua Española: El Español en la Sociedad de la Información. Valladolid. 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://congresosdelalengua.es/valladolid/ponencias/nuevas_fronteras_del_espa nol/4_lengua_y_escritura/gomez_l.htm (дата обращения: 13 мая 2018г.).
18. Gordillo C., Mora Parra I., M., Inmaculada G., A. La expresión de las emociones en la Comunicación Virtual: El Ciberhabla. / C.Gordillo, I., M. Mora Parra, G.,A. Inmaculada// Revista ICONO14. Revista científica de Comunicación y Tecnologías emergentes. 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/276329411_La_expresion_de_las_emociones_en_la_Comunicacion_Virtual_El_Ciberhabla (дата обращения: 02 мая 2018г.).
19. Grupo de investigación en ciberdemocracia. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ciberdemocracia.net (дата обращения: 28 января 2018г.).
20. acker K. Digital Democracy: Issues of Theory and Practice / K. Hacker. London. 2000.
21. Hale, M. Developing Digital Democracy: Evidence from Californian Municipal Web Pages / M. Hale, J. Musso // Digital Democracy Discourse and Decision Making in the Information Age. [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://www.scribd.com/ doc/41033819/0415197384-Digital-Democracy (дата обращения: 29.07.2018 г.).
22. Hindman M. The Myth of Digital Democracy/ M. Hindman. Princeton. 2008.
23. Iovenko V.A. Mentalidad nacional y lengua: españoles y castellano / В.А.Иовенко//Иберoамериканские тетради. 2016. № 2(12). С. 125-131.
24. Las Tecnologías de la Información y las Comunicaciones en la Administración del Estado (Informe REINA 2017) / Administracionelectronica.gob.es [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://administracionelectronica.gob.es/pae_Home/pae_OBSAE/pae_Informes/pae_InformeREINA/pae_InfDescarga.html (дата обращения: 02 мая 2018г.).

25. Los españoles son los que más redes sociales utilizan en todo el mundo/ RTVE.es. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rtve.es/noticias/20161117/espanoles-son-mas-utilizan-redes-sociales-todo-mundo/1444840.shtml (дата обращения: 02 мая 2018г.).
26. Mateo J.J. Los peligros del voto online/J.J.Mateo//El País. – 2016. ¬– 11 ноя. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elpais.com/politica/2016/12/09/actualidad/1481307305_335463.html (дата обращения: 29.07.2018 г.).
27. Méndez De Vigo I. El español en el siglo digital/ I. Méndez De Vigo //El Pais. – 2018. – 10 мар. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elpais.com/elpais/2018/03/09/opinion/1520597528_672289.html (дата обращения: 02 мая 2018г.).
28. Nafría I. El impacto de internet en la campaña electoral/I.Nafría//La Vanguardia. 2015. 12 ноя.
29. Norris P. Digital Divide, Civic Engagement, Information Poverty and the Internet worldwide / P. Norris. Cambridge. 2001. C. 200–234.
30. Pereyra E. Lenguaje, Twitter y WhatsApp/E.Pereyra//Diariolibre.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://mpereyra.diariolibre.com/2017/08/13/lenguaje-twitter-y-whatsapp/ (дата обращения: 02 мая 2018г.).
31. Pérez Tapias J. A. Internautas y náufragos. La búsqueda del sentido en la cultura digital/J.A. Pérez Tapias. Madrid: Trotta. 2003.
32. Población que usa Internet (en los últimos tres meses). Tipo de actividades realizadas por Internet/ Instituto Nacional de Estadística. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ine.es/ss/Satellite?L=es_ES&c=INESeccion_C&cid=1259925528782&p=1254735110672&pagename=ProductosYServicios%2FPYSLayout (дата обращения: 02 мая 2018г.).
33. Sampedro Blanco V. Ciberdemocracia y cibercampaña: ¿Un matrimonio difícil? El caso de las Elecciones Generales en España en 2008/V.Sampedro Blanco// ARBOR Ciencia, Pensamiento y Cultura. 2012. Vol. 188-756. P.657-672.
34. Sampedro V., Sánchez Duarte J.M. Participación ciudadana en las cibercampañas electorales. Debates teóricos y una aproximación tipológica/ V. Sampedro, J.M. Sánchez//La democracia del siglo XXI. Política, medios de comunicación, internet y redes sociales. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales. 2014.

Сведения об авторе:

Мосина София Константиновна – соискатель степени кандидата филологических наук по специализации романские языки, выпускница МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: современный политический дискурс испанского языка, когнитивистика, социолингвистика.
E-mail: sophiemosina@yandex.ru.

CYBERDEMOCRACY: A NEW PHENOMENON IN SPANISH SOCIOLINGUISTICS

Sofia K. Mosina

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

The Abstract: *The article analyses ciberdemocracy as a new phenomenon that emerged in the Spanish society in the 21st century. The development of digital technologies and ICT's (in particular, Internet), which is substantiated by the statistics for the last decade provided by the Spanish National Institute of Statistics and the comparative analysis of data for 2008 and 2016, created new political instruments and means of getting ideas beneficial to certain political groups across to the electorate. Not only do linguists research into this phenomenon but also the Spanish Government. The article presents characteristic features of ciberdemocracy, gives its definition on the basis of those provided by Spanish authors and suggests a figure that illustrates a systemic functioning of ciberdemocracy. The influence of the new phenomenon on the Spanish language is analysed from the point of view of social and cognitive linguistics: the emergence of NetSpeak, neologisms, the penetration of emotive lexis into messages due to the limited characters number for one message or post in social netwoks or web-sites, as well as new manipulative instruments of journalese discourse to exercise affect on the audience. The article contains ideas of possible further changes in the Spanish language due to ciberdemocracy.*

Key Words: *ciberdemocracy, NetSpeak, neologisms, social linguistics, cognitive linguistics, Spanish language, discourse, manipulation, information and communication technologies (ICT's), Internet*

References

1. Grachev M.N., Madatov A.S. Demokratiia: metodologiia issledovaniia, analiz perspektiv [Democracy: methodology of investigation, prospects analysis]. Moscow, 2004.
2. Kalin S.A. Rol' grazhdanskoi initsiativy v protsesse razvitiia sistem elektronnogo pravitel'stva i elektronnoi demokratii [The role of citizens' initiative in the process of electronic government and e-democracy development]. Informatsionnaia bezopasnost' regionov [Informational Security of Regions], 2015, no 3(20), pp.47-52.
3. Korbat F.E. Kiber-demokratiia kak razvitie informacionnoi politiki [Cyber-democracy as informational politics development]. Izvestiia vyssh. ucheb. zavedenii. Povolzh. region. Ser.: Obshhestvennye nauki [News of higher educational establishments. Povolzh. region. Ser. Society studies], 2013, no 4 (28), pp. 17-29.
4. Larionova M.V. Ispanskiy gazetno-publitsisticheskiy diskurs: iskusstvo informatsii ili masterstvo manipuliatsii? [Spanish journalese discourse: the art of information or manipulative skill?]. Moscow, MGIMO-University, 2015.
5. Lebedeva N.N. Pravovaia kul'tura lichnosti i Internet: Teoreticheskiy aspekt : Dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.01 [Legal culture of a personality and Internet: theoretical aspect, PhD thesis in 12.00.01]. Moscow, 2004.
6. Pashinskaia V.V. Formirovanie «jelektronnoi demokratii» v rossiiskoi federatsii [Electronic democracy formation in the Russian Federation]. Fundamental'nye issledovaniia [Fundamental studies], 2013, no 11-6, pp. 1278-1281. Available at: http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33293 (Accessed 29 July, 2018).
7. Aparicio Moreno J.M. Ciberdemocracia: El poder del discurso políticoideológico en Twitter en el contexto de la Comunidad Valenciana. Valencia, 2016.
8. Bartolomé Rodríguez M.R. Madurez sintáctica: influencia de las TIC en sus índices y estudio comparativo entre las generaciones pre y post-internet. Madrid, 2016.
9. Campos Domínguez E.M. El desarrollo de la ciberdemocracia en el Congreso de los Diputados: la comunicación e interacción entre ciudadanos y parlamentarios a través de Internet (2004-2008). Madrid, 2011.
10. Casero-Ripollés A.(ed.) Redefiniendo los vínculos entre periodismo y democracia en la era digital. XIX Congreso Internacional. Sociedad Española de periodística. Available at: https://idus.us.es/xmlui/bitstream/handle/11441/42973/Pages%20from%20Actas-XIX-CONGRESO-SEP-CASTELLON-2.pdf?sequence=1 (Accessed 2 May, 2018).
11. Casi 40 millones de usuarios activos de internet en España. La Vanguardia, 2018, 01 Dec.
12. Dader J.L. Comunicación política en la Red: Desde las cibercampañas a la transparencia virtual de la administración. Conferencia Autoría y Contenidos en la Red. Universidad Internacional Menéndez Pelayo.Valencia, 2006.
13. Díaz Muñoz E. Internet: los retos de la ciberdemocracia. Revista internacional de pensamiento político - I Época, 2010, Vol. 5, pp.249-260.
14. Encuesta sobre equipamiento y uso de tecnologías de información y comunicación en los hogares. Instituto Nacional de Estadística. Available at: http://www.ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176741&menu=ultiDatos&idp=1254735576692 (Accessed 2 May, 2018).
15. Encuesta sobre Equipamiento y Uso de Tecnologías de Información y Comunicación en los Hogares. Instituto Nacional de Estadística. Available at: http://www.ine.es/prensa/np864.pdf (Accessed 2 May, 2018).
16. Galleguillo R.R. Comunicación interactiva y poder ciudadano en la ciber-demoracia. Madrid, 2015.
17. Gómez Torrego. La Gramática en Internet. II Congreso Internacional de la Lengua Española: El Español en la Sociedad de la Información. Valladolid, 2015. Available at: http://congresosdelalengua.es/valladolid/ponencias/nuevas_fronteras_del_espanol/4_lengua_y_escritura/gomez_l.htm (Accessed 13 May, 2018).
18. Gordillo C., Mora Parra I., M., Inmaculada G., A. La expresión de las emociones en la Comunicación Virtual: El Ciberhabla. Revista ICONO14. Revista científica de Comunicación y Tecnologías emergentes. 2015. Available at: https://www.researchgate.net/publication/276329411_La_expresion_de_las_emociones_en_la_Comunicacion_Virtual_El_Ciberhabla (Accessed 2 May, 2018).
19. Grupo de investigación en ciberdemocracia. Available at: http://www.ciberdemocracia.net (Accessed 28 January, 2018).
20. Hacker K. Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. London, 2000.
21. Hale, M. Developing Digital Democracy: Evidence from Californian Municipal Web Pages. Digital Democracy Discourse and Decision Making in the Information Age. Avilable at: http://www.scribd.com/ doc/41033819/0415197384-Digital-Democracy (Accessed 29 July, 2018).
22. Hindman M. The Myth of Digital Democracy. Princeton, 2008.
23. Iovenko V.A. Mentalidad nacional y lengua: españoles y castellano. Cuadernos Iberoamericanos. 2016, no. 2(12), pp. 125-131.
24. Las Tecnologías de la Información y las Comunicaciones en la Administración del Estado (Informe REINA 2017). Administracionelectronica.gob.es Available at: http://administracionelectronica.gob.es/pae_Home/pae_OBSAE/pae_Informes/pae_InformeREINA/pae_InfDescarga.html (Accessed 2 May, 2018).
25. Los españoles son los que más redes sociales utilizan en todo el mundo. RTVE.es. Available at: http://www.rtve.es/noticias/20161117/espanoles-son-mas-utilizan-redes-sociales-todo-mundo/1444840.shtml (Accessed 2 May, 2018).
26. Mateo J.J. Los peligros del voto online. El País, 2016, 11 Nov. Available at: https://elpais.com/politica/2016/12/09/actualidad/1481307305_335463.html (Accessed 29 July, 2018).
27. Méndez De Vigo I. El español en el siglo digital/ I. Méndez De Vigo. El Pais, 2018, 10 Mar. Available at: https://elpais.com/elpais/2018/03/09/opinion/1520597528_672289.html (Accessed 2 May, 2018).
28. Nafría I. El impacto de internet en la campaña electoral. La Vanguardia, 2015, 12 Nov.
29. Norris P. Digital Divide, Civic Engagement, Information Poverty and the Internet worldwide. Cambridge, 2001.
30. Pereyra E. Lenguaje, Twitter y WhatsApp. Diariolibre.com Available at: http://mpereyra.diariolibre.com/2017/08/13/lenguaje-twitter-y-whatsapp/ (Accessed 2 May, 2018).
31. Pérez Tapias J. A. Internautas y náufragos. La búsqueda del sentido en la cultura digital. Madrid, 2003.

32. Población que usa Internet (en los últimos tres meses). Tipo de actividades realizadas por Internet. Instituto Nacional de Estadística. Available at: http://www.ine.es/ss/Satellite?L=es_ES&c=INESeccion_C&cid=1259925528782&p=1254735110672&pagename=ProductosYServicios%2FPYSLayout (Accessed 2 May, 2018).
33. Sampedro Blanco V. Ciberdemocracia y cibercampaña: ¿Un matrimonio difícil? El caso de las Elecciones Generales en España en 2008. ARBOR Ciencia, Pensamiento y Cultura. 2012, Vol. 188-756, pp.657-672.
34. Sampedro V., Sánchez Duarte J.M. Participación ciudadana en las cibercampañas electorales. Debates teóricos y una aproximación tipológica. La democracia del siglo XXI. Política, medios de comunicación, internet y redes sociales. Madrid, 2014.

About the author:

Sofia K. Mosina – post-graduate student at MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: modern Spanish political discourse, cognitive linguistics, social linguistics.
E-mail: sophiemosina@yandex.ru.

* * *

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-120-127

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПЕРСОНАЖА – ОБЪЕКТА АВТОРСКОЙ ЭМПАТИИ

Е.Л. Туницкая

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», Москва 119285 ул. Пудовкина д. 4а

С прагматической точки зрения художественный текст специфичен, поскольку диалог между говорящим (автором) и адресатом речи (читателем) редко ведётся напрямую. Писатель создаёт вымышленный мир, герои которого ведут диалог не только между собой, но и, в более имплицитной форме, – с автором и читателем. Причём автор сам может встать на позицию одного из персонажей, ведя наблюдение с его точки зрения. Этот персонаж является носителем авторской эмпатии.

Существует ряд языковых показателей, субъективирующих повествование, выступающих в качестве маркеров позиции говорящего. Среди них дейксис – пространственный и временной, ориентирующий повествование в координатах «я-здесь-сейчас» – является ведущим.

В данной статье, на конкретных примерах, взятых из произведений французских авторов XX–XXI веков, рассматривается функционирование дейксиса, выявляющего позицию персонажа-носителя авторской эмпатии. В статье подчёркивается вся сложность и многообразие взаимоотношений между автором и его вымышленным героем, которые находят отражение на собственно языковом уровне.

Исследование представляет интерес для специалистов и будущих филологов, изучающих вопросы лингвистической прагматики, стилистики и анализа художественного текста.

Ключевые слова*: полифония художественного дискурса; эмпатия говорящего; точка зрения повествователя; пространственный и временной дейксис; указательные слова*

Данное исследование посвящено художественному произведению в его прагматическом аспекте, то есть прозаический (сюжетный) дискурс рассматривается в нём с позиции взаимоотношений, складывающихся между автором и читателем с учётом ситуации создания данного произведения и ситуации его прочтения. Говоря, вслед за М.М. Бахтиным и его последователями [1, 2, 13, 14], о диалогичности художественного произведения, подчеркнём, что художественный диалог между автором и читателем всегда рассрочен во времени: момент написания не тождественен моменту прочтения.

Очевидно, художественный дискурс специфичен не только в силу отсроченного во времени прочтения. Его специфика заключается, прежде всего, в создании писателем вымышленного мира, «населённого» персонажами – носителями собственной точки зрения, которые наделены собственным взглядом на описываемые события, как на уровне информированности о них (знание/незнание), так и на эмоционально-оценочном и идеологическом уровне.

Теоретически, писатель может непосредственно обращаться к читателю (авторские отступления), повествовать о событиях отстранённо, как бы извне (с позиций так называемого всезнающего автора), или временно поместить себя в позицию внутреннего наблюдателя – одного из персонажей. Чаще всего в произведении

фигурирует один персонаж – носитель авторской точки зрения (эмпатии), реже несколько. Следует подчеркнуть, что такой персонаж является сюжетно-композиционной основой произведения.

Термин «эмпатия говорящего», заимствованный из психологии, был привнесён в лингвистику американским исследователем С. Куно [12], который впервые попытался выявить некоторые языковые показатели авторской эмпатии, в том числе на примерах из русского языка. Во французской лингвистике у С. Куно также нашлись последователи [8]. Под эмпатией автора к персонажу мы понимаем сюжетно-композиционный приём ведения авторского повествования с точки зрения этого персонажа.

Не следует смешивать данный персонаж с лирическим героем или образом автора: в последнем писатель воссоздаёт самого себя, тогда как носитель авторский точки зрения может от писателя явно отличаться по полу, возрасту, социально-культурным параметрам, информированности о событиях и т.п.

По-видимому, такой персонаж лишён возможности непосредственно обращаться к читателю, однако его присутствие многократно усложняет коммуникативно-прагматический анализ художественного дискурса, поскольку для каждого эпизода (дискурсивного отрывка) читатель более или менее осознанно решает вопрос, кто повествует ему о развёртывающихся событиях. Исследователь дискурса фактически решает тот же вопрос, но осознанно, опираясь, в частности, на языковые параметры, которые часто дают неоднозначный ответ. Не случайно возникает термин «гетерогенность художественного текста (дискурса)», а также раздаются призывы не загонять анализ в прокрустово ложе – или речь автора, или прямая речь персонажа [5, 7, 9, 10, 14].

Лингвистика призвана ответить на вопрос о языковом выражении авторской эмпатии и – шире – о языковых маркерах диалогичности, свойственной художественному произведению. Шагом в данном направлении была предложенная Э. Бенвенистом [6] дихотомия «план повествования (récit)/ план речи (discours). План повествования (рассказа) выбирается автором, занявшим внешнюю позицию по отношению к происходящим и описываемым событиям, план речи свидетельствует о внутренней позиции автора. Оба плана определённым образом маркируются при помощи языка, прежде всего грамматически. Самым распространённым примером служит использование французской временной формы passé simple исключительно в плане повествования. В том же направлении традиционно исследовались особенности прямой, косвенной и несобственно-прямой речи. Однако эти исследования лишь подтвердили наличие неоднозначных, спорных и сложных для трактовки дискурсивных отрывков [7, 9, 14], поскольку комплексный анализ подчас выявлял маркеры, противоречащие друг другу.

Традиционно, к основным показателям субъективации высказывания (дискурса) относят: дейксис, модальность, маркеры цели высказывания (иллокуции), эмоционально-оценочные и стилистически маркированные элементы, актуальное членение высказывания и информативный компонент в более широком плане (движение от известного к новому, от незнания к знанию) [3, 4, 10, 11].

Комплексная прагматическая характеристика произведения или его отрывка может быть осуществлена лишь с учётом всех индикаторов субъективации в их взаимодействии, однако дейксис, безусловно, является одним из основных показателей, позволяющих определить повествовательную позицию автора по отношению к описываемым событиям.

Напомним, что к дейктическим формам, или шифтерам, относят языковые элементы, позволяющие ориентировать действие в пространственных и временных координатах «я – здесь – сейчас».

Исследование проведено на материале четырёх французских романов XX–XXI веков. Критерием их отбора послужило явное присутствие главного персонажа – носителя авторской эмпатии, с позиции которого ведётся повествование. Это, впрочем, не означает, что автор отождествляет себя с данным персонажем личностно: действительно, в романе Ж. Бернаноса ведущий персонаж – девочка-подросток, у С. Умани – молодая эмигрантка из Магриба и т.п.

В задачи исследования входил анализ функционирования всех форм личного, пространственного и временного дейксиса как маркеров гетерогенности дискурса – внутреннего диалога между автором, персонажем и читателем. Для уточнения выводов привлекались другие показатели субъективации, присутствующие в данном отрывке.

Таким образом, рассматривались: указательные прилагательные и местоимения; про-

странственные наречия (здесь – там); некоторые пространственные предлоги и наречия, производные от них (devant, derrière; loin et près de); глаголы движения (aller, venir, s'approcher, s'éloigner); временные глагольные формы (презенс, оппозиция passé simple/passé composé/ imparfait).

Обратимся к специфике функционирования в художественном дискурсе указательных прилагательных:

1) … sa mère. Et ses visiteurs innombrables, **ces** chuchotements à son approche, **ces** recommandations de discrection, **ces** silences brusques et qu'il ne peut pas percer [18, с. 80].

Эта специфика заключается в том, что указательное прилагательное часто не имеет антецедента в предшествующем контексте. Теоретически, в этом случае указываемый объект должен находиться в поле восприятия (досягаемости) для говорящего и адресата речи. В анализируемом примере речь идёт о детских воспоминаниях персонажа, которые словно вновь возникают перед его глазами. К этому восприятию присоединяются автор романа и его читатель.

2) Alors ce serait elle, **ce** pathétique pantin secoué par le tourment, qui crie face au ciel strié de nuages cuivres? [17, с.10]

Аналогично, героиня напоминает самой себе театральную марионетку. Это сходство поражает и её саму, о чём свидетельствует эмоциональный синтаксис фразы.

3) Elle haît **ce** corps qui lui fait défaut [17, с.45].

В отличие от предыдущих примеров, к имени *ce corps* относится определительное придаточное, что, на первый взгляд, делает употребление указательного прилагательного вполне традиционным для письменного текста, однако, это не так, поскольку определительное придаточное предложение является не детерминативным, а экспликативным, поясняющим причину происходящего. У имени *ce corps* также нет антецедента. В своих вербализованных мыслях героиня говорит о теле, которое ощущает в данную минуту – о своём собственном. Сравним: (?) Elle haît ce corps qui lui fait défaut et pas un autre corps – не имеет смысла. Но: Elle haît ce corps parce qu'il lui fait défaut – имеет смысл.

4) Et dans la maison silencieuse, indifférente aux ronflements de l'ivrogne, elle écoutait s'étendre lentement, par degrés, **ce** chant imaginaire, et battre follement contre les côtes son coeur épouvanté [18, с.280].

Объяснить употребление указателя «ce» в примере 4 можно лишь следуя взглядом и чувствами за героиней Ж. Бернаноса, находясь рядом с ней в вымышленном пространстве, где развёртываются события.

Таким образом, употребление указательного прилагательного при имени, не имеющем антецедента в предшествующем контексте, грамматически оправдано лишь в случае, когда позиция автора сливается с позицией его персонажа – субъекта восприятия.

Отметим, что указательные местоимения встречались нам лишь в своей классической функции соотнесения с предшествующим высказыванием:

5) … Parce que ces profondeurs qu'elle porte en elle, elle n'en veut pas. Pas de **celles-là** [17, с.46].

Рассмотрим основную оппозицию пространственного дейксиса – *ici/là/ là-bas.* Элементы данной оппозиции противопоставлены по степени удалённости (доступности) по отношению к говорящему. Эта субъективная составляющая соотносит приведённые ниже высказывания с точкой зрения героини Ж. Бернаноса:

6) La cabane n'est pas loin et, parfois, même, elle croit distinguer sa masse, de l'autre côté du creux rempli d'eau, entre les arbres clairsemés. M. Arsène est-il encore **là-bas?** [15, с.285]

7) A la faible lueur de la veilleuse..., elle a vu sa maigre poitrine… Est-il un ombre, **là**, un peu au dessous du sein gauche? [15, с.287]

В обоих случаях вопросительная форма усиливает субъективацию высказывания с позиции героини.

Близок, по сути, пример из романа П. Буало и Т. Нарсежака. Но в этом случае герой не видит (он слеп), а слышит присутствие улицы и представляет себе происходящее, опираясь на воспоминания:

8) On n'entendait plus la sonnette des tramways et la circulation semblait très ralentie. La rue Bichat était **là**, à deux pas, avec ses bistrots où les employés de la gare des marchandises buvaient l'appéritif… [16, с.141].

9) Une flamme de vie qui vacille. Ce qui était devant s'évanouit, se perd en une multitude de reflets **là**, par terre, sur le sol [17, с.48].

В примере 9 локативное высказывание содержит ряд обстоятельств места, последовательно уточняющих друг друга. Первый указатель *là* подчёркивает прагматическую связь описываемой ситуации с персонажем- наблюдателем, находящимся внутри данной ситуации.

Наречие *ici* употребляется в анализируемых текстах существенно реже, если исключить прямую речь персонажей. Тем не менее, отметим:

10) La gare routière, le premier pas vers la vraie vie, loin d'eux tous, loin d'ici [17, с. 14].

Ici – место нахождения героини, которое она собирается покинуть, вероятно, её дом, но никаких более чётких ориентиров повествование не предоставляет.

Более сложен для рассмотрения следующий пример из романа С. Умани, поскольку данный эпизод воспроизводит воспоминания героини о её встрече с будущим мужем, то есть вся прагматическая ориентация высказывания в координатах «я-здесь-сейчас» переносится не просто в вымышленный мир романа, а ещё «глубже» – в мир воспоминаний его героини.

Les femmes s'exclament quand ce jeune homme beau comme un dieu, fait intrusion dans leur cercle. Personne ne l'a jamais vu **ici**. Seule Ahlam l'aperçu alors qu'elle était en visite chez son frère… [17, с.27].

Рассмотрим также специфику употребления в художественном дискурсе локативных предлогов и соответствующих им наречий:

11) Elle marche devant elle, quitte son quartier, croise les regards appitoyés de jeunes gens attroupés pour bavarder [17, с.49].

Перед нами классическое употребление предлога *devant* перед личным местоимением. Такое употребление вполне допускает взгляд стороннего наблюдателя, так как во фразе присутствует субъект действия – подлежащее *elle* и ориентир, относительно которого движение осуществляется. В данном случае субъект действия и ориентир совпадают.

12) …Hermantier entendit le grincement léger du plancher, derrière lui. Quelqu'un était entré dans la pièce et les écoutait [16, с. 142].

13) Il sentit son parfum plus près de lui, et le fauteuil d'osier craqua quand elle s'assit [16, с. 161].

Хотя примеры 12, 13 передают слуховое и обонятельное ощущение персонажа, формально его можно отнести к авторскому повествованию, о чём свидетельствует и употребление глагольной формы passé simple.

Сравним данные примеры со следующими ниже:

14) Ce qui était devant s'évanuit, se perd en une multitude de reflets… [17, с. 48].

В примере 14 локализатор, относительно которого действие было бы ориентировано в пространстве, эксплицитно не выражен. Это позволяет трактовать форму «devant» как наречие. Такое высказывание будет понято читателем как ориентирующее действие (состояние) относительно субъекта, находящегося внутри вымышленного мира романа: Ce qui était devant = Ce qui était devant Ahlam – l'héroïne.

Особенно многочисленны подобные примеры в романе П. Буало и Т. Нарсежака, что объяснимо, поскольку персонаж – носитель авторской эмпатии – ослеп и постоянно вынужден локализовать предметы относительно себя или друг друга по памяти или на слух:

15) Il doit y avoir des oeillets, quelque part, à gauche. Hermantier se penche…[16, с.144].

16) Hermantier gravit l'escalier de chêne ciré. Sa chambre est là, c'est la première à gauche… La mer est là-bas, derrière la dune couverte de charbons [16, с.151].

17) Il traverse l'impasse, prend la première rue à droite, la deuxième à gauche, s'arrête devant un immeuble…[18, с. 31].

Можно проследить закономерность: если говорящий ориентирует предмет относительно самого себя, имя-локализатор формально не выражен, а для локализации используется наречие. Эти высказывания следует трактовать как внутренний монолог персонажа – носителя авторской точки зрения. Одновременное употребление указательных наречий *là, là-bas* также подчёркивает роль вымышленного персонажа-наблюдателя. Если же говорящий ориентирует самого себя или любой иной объект относительно какого-либо внешнего ориентира, он использует конструкцию «локативный предлог +имя». Для однозначной прагматической трактовки таких отрывков следует учесть иные субъективирующие высказывание показатели.

Пример с конструкцией *à sa droite, à sa gauche* можно, вероятно, трактовать и как авторское повествование:

18) Hermantier trouvait les tartines à sa gauche, le sucrier à sa droite: pour un peu, on lui eût noué sa serviette au coup [16, с.157].

Заслуживает отдельного рассмотрения следующий пример:

19) Il entendit Hubert qui remuait des choses et il s'approcha, les mains en avant [16, с.134].

С первого взгляда, перед нами реализация точки зрения персонажа. Однако употребление локализатора - (?) les mains en avant de lui-même, в любом случае было бы семантически излишним. Поэтому за высказыванием можно увидеть и внешнего наблюдателя (автора).

Отдельно рассмотрим семантически и функционально близкие предлоги и наречия со значением оценки расстояния: *près de/ tout près, loin de/ (au) loin:*

20) Il y a la vie qu'on lui promet et le reste qui se retrouve balayé ailleurs, très loin [17, c.29].

21) La cabane n'est pas loin et, parfois, même, elle croit distinguer sa masse, de l'autre côté du creux rempli d'eau…[15, c.285].

22) Les martinets jaïssaient par dessus le jardin, hurlant à plein gosier et, au loin, très loin, une sirène mugit [16, c.147].

В случае использования формы наречия (при отсутствии имени ориентира) «исходной точкой», от которой мысленно ведётся отсчёт расстояния, может быть только персонаж, находящийся внутри события. В противном случае, сторонний наблюдатель (автор произведения) сформулировал бы "loin de lui (de Harmentier), loin d'elle (de Mouchette)" и т.д.

Рассматриваемые нами глаголы движения подразделяются на две группы: собственно дейктические (aller/venir) и глаголы приближения и отдаления (s'approcher/s'éloigner). Если для глагола *aller* локализатор является обязательным (актантом), то для остальных – факультативным (сирконстантом). Сравним:

«(?) Il va» как самостоятельное высказывание не имеет смысла: даже в качестве краткого ответа на вопрос «Va-t-il à Paris?» будет использоваться «Il y va».

«Il vient» означает "Il vient ici", где *ici* – место нахождения говорящего.

Аналогично: Il s'approche = il s'approche de moi, d'ici; il s'éloigne = il s'éloigne de moi, d'ici.

Таким образом, нас будут интересовать три последних глагола, способных ориентировать действие как по отношению к эксплицитно названному лицу (взгляд со стороны), так и относительно наблюдателя- персонажа, находящегося внутри описываемой ситуации. В последнем случае имя ориентира, вероятно, будет имплицитно, и читатель легко восстановит его по контексту:

23) Elle ôte son unique chaussure, arrache ses bas de laine qu'elle tord. Le vent semble **venir** de tous les points à la fois… [15, c.260].

24) Depuis un moment, il essayait de retrouver une odeur qu'il avait cru respirer tout à l'heure. Ce n'était pas celle des oeillets… Cela **venait** de plus loin. De la lande, peut-être? [16, c.163]

25) L'image d'un passé récent. Une automobile qui attend. Des billets d'avion. Un enfant marchent devant eux. Ils quittent le chemin sur une plage, puis l'enfant se met à courir, **s'éloigne, s'éloigne**… [18, c. 90].

Сравним:

26) "Voulez-vous signer?" – dit-elle.

Il s'approcha à pas lents, et elle conduisit sa main vers la table, lui glissa le stylo entre les doigts [16, c. 132].

Ориентир в конструкции присутствует (la table), хотя и не следует непосредственно за глаголом. Причём движение выполняется самим героем и может быть «наблюдаемо» извне (автором), о чём свидетельствует также использование временной формы passé simple.

Аналогично:

27) Le poing d'Ursula étouffe un bâillement de sa bouche rouge. Il s' approche d'elle, mais elle le repousse [18, c.72].

В завершение кратко рассмотрим временной дейксис.

Общеизвестно, что повествование в passé simple соотносится с автором произведения, чья позиция находится вне вымышленного сюжета [6, 9, 10]. Это соображение можно отнести и к формам imparfait и plus-que-parfait du subjonctif. Приведём пример повествования от автора романа:

28) Il se retourna, soufflant fort, une vilaine grimace à la bouche, trop grand, trop lourd dans ce noir peuplé d'objets fragiles qui l'empêchaient de passer, de bouger. Il jurait tout bas, avec désespoir [16, c.130].

Однако лишь в более ранних произведениях П. Буало и Т. Нарсежака, а также Ж. Бернаноса мы встречаем эти классические формы авторского повествования, в то время как Р. Сабатье и С. Умани используют дискурсивные времена – présent, passé composé, futur simple. (Такова тенденция развития художественной прозы). Временные формы, используемые в системе согласования времен – imparfait, plus-que-parfait, futur dans le passé – могут употребляться в обоих планах повествования.

В случае использования дискурсивных времён, читатель волен трактовать повествование и как авторское, обращённое непосредственно к нему, и как повествование от лица вымышленного героя – носителя авторской эмпатии.

Следует особо остановиться на различных употреблениях présent de l'indicatif, которое используется и при непосредственном обращении автора к читателю (в лирических отступлениях), и в функции исторического настоящего, то есть

в рассказе о прошедших событиях, стилистически заменяя passé simple. В этом случае тип повествования устанавливается по иным критериям в комплексном анализе, тогда как временные формы passé composé, futur simple также функционально подстраиваются под контекст.

Сравним:

29) Elle est bien incapable de la moindre prévision consciente. Mais l'homme qui est là devant elle, dont elle sent déjà le soufflé…, est le seul devant lequel – fût-ce pour sauver sa vie – elle ne voudrait pas fuir [15, с.284].

Перед нами, очевидно, повествование от автора, о чём свидетельствует использование формы imparfait du subjonctif, а также смысловое содержание отрывка, поскольку героиня (Мушетта) с её уровнем развития интеллекта и образованием неспособна на подобный комментарий.

30) 1944. Thomas a dix ans. Les cloches de la Libération sonnent à toute volée. Ça et là, dans Paris, des fusillades crépitent [18, с.36].

31) …il appelle à son secours les images claires, solitaires. La période heureuse de son marriage, le voyage de noce en Scandinavie. Les voici aux îles Lofoten. Il mâche un morceau de morue sèche…[18, с.80].

В примерах 30, 31 временная позиция наблюдателя может трактоваться двояко: как авторская и как позиция персонажа, который предаётся воспоминаниям. Для уточнения анализа необходим более широкий контекст.

Роман С. Умани характеризуется, кроме того, обилием назывных именных предложений:

32) Lila Karbowska, Kloster Malgarten… Suite de photos. Les draps impeccablement repassés et pliés. Posés sur l'étagère de pierre. Epaisseur du grain du tissue, bis comme un vieux pain [17, p.39].

Такие предложения, лишённые временных дейктических показателей, наиболее гибко позволяют реализовать различные сочетания авторской точки зрения и позиции внутреннего наблюдателя.

Лингвистическое конструирование вымышленного мира с позиции персонажа-наблюдателя – сложный процесс. В ряде случаев однозначная трактовка невозможна, и можно говорить лишь о тенденции.

Проведённый нами анализ произведений современной прозы, в центре которых стоит персонаж – носитель авторской эмпатии, доказывает, что данный композиционный приём художественного повествования является существенной частью авторского замысла и позволяет писателю моделировать вымышленный мир.

Этот художественный приём реализуется комплексом лингвистических средств, среди которых дейксис, как пространственный, так и временной, играет существенную роль. Действительно, языковые единицы пространственной и временной семантики функционально призваны соотносить описываемый факт с говорящим субъектом; образно говоря, они помещают говорящего в определённую точку наблюдения. Обзор наблюдателя может быть ограничен сюжетом романа или безграничен, если речь ведёт «всезнающий» автора произведения. Благодаря смене позиции наблюдателя повествование становится более многогранным, полифоничным и привлекательным для читателя.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
2. Бахтин М.М. Слово в романе. М: Пальмира, 2017. 229 с.
3. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Б. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Известия АНСССР, Серия «Литература и язык». 1981. № 4. С.: 343-355.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1973. 350 с.
5. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме «другого» в дискурсе // Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 54–94.
6. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. P.: Gallimard, 1966. 356 p.
7. Cerquiglini B. Le style indirect libre et la modernité // Langages, 1984. № 73. P. 7-16.
8. Conte M.E. Anaphore, prédication, empathie // Le discours. Représentation et interprétation. Nancy: PU de Nancy, 1990. P. 215–225.
9. Danon-Boileau L., Bouscaren J. Pour en finir avec Procuste// Langages, 1984. № 73. P. 57-73.
10. Guillemin-Flescher J. Enonciation, perception et traduction // Langages, 1984. N 73. P. 74-98.
11. Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation: de la subjectivité dans le langage. P.:A. Collin, 1980. 291 p.
12. Kuno S. Functional syntax: anaphora, discourse, empathy. –Chicago: Univ. of Chicago, 1987. 320 p.
13. Rabatel A. La construction textuelle du point de vue. P.: 1998. 202 p.
14. Simonin J. Les plans d'énonciation dans "Berlin Alexnderplatz" de Döblen// Langages, 1984, 73. P. 30–56.

15. Bernanos G. Nouvelle histoire de Mouchette. M.: Editions du Progrès, 1981. P. 254-332.
16. Boileau P., Narcejac T. Les visages de l'ombre. M.: Radouga, 1986. P. 129- 250.
17. Oumhani C. Plus loin que la nuit. P.: Editions de l'aube, 2007.181 p.
18. Sabatier R. Le chinois d'Afrique. P.: Albin Michel, 1966. 412 p.

Сведения об авторе:

Туницкая Елена Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой романских языков ВАВТ Минэкономразвития России, профессор кафедры. E-mail: thon@list.ru.

LINGUISTIC MARKERS OF THE CHARACTER AS THE OBJECT OF THE AUTHOR'S EMPATHY

E.L. Tunitskaya

Russian academy of foreign trade Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 4a, Pudovkin str., Moscow 119285

The Abstract: *From a pragmatic point of view, literary text has a specific nature since the dialogue between the author and the addressees (the readers) is rarely conducted directly. The writer creates a fictional world, where the characters enter into a dialogue not only with one another, but also, in a more implicit form – with the author and the reader. The author himself can stand on the position of one of the characters, observing the situation from his point of view. This character, therefore, is the possessor of author's empathy.*

There is a number of linguistic indicators of the narrative acting as markers of the position of the speaker. Among the leading ones are spatial and temporal deictic words, orienting the narration in the coordinates «me-here-now».

In this article, on specific examples taken from the works of the French authors of the XX-XXI centuries, the functioning of deixis reveals the positions of the character, a carrier/possessor of author's empathy. The article emphasizes the complexity and variety of the relationships between the author and his fictional character, which are reflected on the linguistic level.

The research is of interest for specialists and future philologists who study linguistic pragmatics, stylistics and analysis of the literary text.

Key Words: *polyphonic literary discourse; speaker's empathy; point of view of the narrator; markers of subjectivation; spatial and temporal deixis; demonstrative words*

References

1. Arutyunova N.D. Typy iazykovykh znatcheniy. Otsenka, sobytie, fakt [Types of linguistic meanings. Evaluation, event, fact] . Moscow: Nauka, 1988. 338 p.
2. Bakhtin M.M. Slovo v romane [The word in the novel]. Moscow: Palmira, 2017. 229 p.
3. Berguelson M.B., Kibrik A.B. Pragmaticheskiy printsyp prioriteta i ego otrazhenie v grammatike iazyka [Pragmatic principle of priority and its reflection in the grammar of language]// Izvestiia ANSSSR, Seriia "Literatura i iazyk" [Proceedings of the USSR Academy of Sciences, Series "Literature and Language."], 1981, no. 4. pp. 343-355.
4. Zolotova G.A. Kommunikativnye aspekty russkogo syntaksisa [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, Nauka, 1973. 350 p.
5. Authier-Rewuz J. Hétérogénéité montrée et hétérogénéité constitutive: éléments pour une approche de l'autre dans le discours// DRLAV, Revue de linguistique 26, Paris VIII, pp. 91 – 151. (Russ. ed.: Authier-Rewuz J. Yavnaya i konstitutivnaya neodnorodnost': k probleme "drugogo" v diskurse [Shown and Constitutive Heterogeneity: Elements for an Approach to the Other in Discourse]// Frantsuzskaia shkola analiza diskursa [French school of discourse analysis]. Moscow: Progres, 1999, pp. 54–94.
6. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard,1966,356 p.
7. Cerquiglini B. Le style indirect libre et la modernité // Langages, 1984, no. 73. pp. 7-16.
8. Conte M.E. Anaphore, prédication, empathie // Le discours. Représentation et interprétation. Nancy: PU de Nancy, 1990, pp. 215–225.

9. Danon-Boileau L., Bouscaren J. Pour en finir avec Procuste// Langages, 1984, no. 73. pp. 57-73.
10. Guillemin-Flescher J. Enonciation, perception et traduction // Langages, 1984, no. 73. Pp.74-98.
11. Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation: de la subjectivité dans le langage. Paris: A. Collin, 1980, 291 p.
12. Kuno S. Functional syntax: anaphora, discourse, empathy. Chicago: Univ. of Chicago, 1987, 320 p.
13. Rabatel A. La construction textuelle du point de vue. Paris:1998, 202 p.
14. Simonin J. Les plans d'énonciation dans "Berlin Alexnderplatz" de Döblen// Langages, 1984, no. 73, pp. 30–56.
15. Bernanos G. Nouvelle histoire de Mouchette. Moscow: Editions du Progrès, 1981, pp. 254-332.
16. Boileau P., Narcejac T. Les visages de l'ombre. Moscow: Radouga, 1986, pp. 129- 250.
17. Oumhani C. Plus loin que la nuit. Paris: Editions de l'aube, 2007, 181 p.
18. Sabatier R. Le chinois d'Afrique. Paris: Albin Michel, 1966, 412 p.

About the author:

Tunitskaya Elena Leonidovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of Romance languages of the Russian academy of foreign trade (Ministry of Economic Development of the Russian Federation), professor. E-mail: thon@list.ru.

* * *

DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-128-133

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА *НАМУС* («ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО») ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ АВАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

М.М. Хайбулаева

Дагестанский государственный педагогический университет, 367003, Россия, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57

В культурном пространстве каждого народа формируются модели и правила поведения, осознаваемые как этнические. В аварской языковой картине мира отражается мировоззрение предков, отношение их к жизни и окружающим явлениям, которое формулируется в виде устойчивых выражений. Они отражают опыт, оценки, советы, значимые для повседневной жизни представителя той или иной культуры, а также делают речь более выразительной и весомой.

В статье рассматриваются особенности реализации концепта «намус» («честь, достоинство») в аварской фразеологической и паремиологической картине мира. С опорой на сборник пословиц и поговорок аварского языка и на данные словарей были выявлены и описаны национально-культурные компоненты паремиологических образов, связанных с честью, достоинством. Анализируются паремии и фразеологизмы, применяемые для качественной характеристики человека.

В результате исследований можно заключить, что одним из ключевых концептов аварской языковой картины мира является «намус» («честь»). Это подтверждает большая семантическая ёмкость и высокий деривационный потенциал лексем, репрезентирующих концепт «намус» (более 150 единиц).

В составе фразеологических и паремиологических единиц аварского языка лексема «намус» («честь, достоинство») репрезентирует также семантику «долг», «героизм», «обязанность», «уважение», «человечность».

Исследование позволило выявить актуализируемые в национальной культуре признаки концепта «намус», осознать национальную специфику его воплощения.

Ключевые слова*: аварский язык, паремиологическая картина мира, концепт «намус», фразеологизм, паремия, человек*

В качестве предмета исследования выбран концепт «намус» («честь, достоинство») в паремиологической и фразеологической картине мира носителей аварского языка. Концепт «намус» является одним из центральных концептов языковой картины мира, который отражает важную сферу человеческой жизни.

Исследование фразеологических и паремиологических единиц аварского языка в рамках лингвокультурного описания концепта «намус» («честь», «достоинство») позволит выявить актуализируемые в национальной культуре признаки концепта, осознать национальную специфику его воплощения.

Целью статьи является исследование когнитивно-семантической структуры фразеологических и паремиологических единиц аварского языка, репрезентирующих концепт «намус».

В статье используются такие методы, как концептуальный анализ, семантический анализ, статистический анализ, которые позволяют определить, в чём состоит национальная специфика концепта «намус» и какое место он занимает в аварской языковой картине мире.

Пословицы олицетворяют многовековую мудрость народов, опыт целых поколений. Они хранят знания о мире и о человеке в этом мире. Пословицы являются, как считает А. Дандис, наряду с другими формами культуры, «автобиографией культуры», «зеркалом культуры» [3, с. 38], что делает интересным их изучение в рамках когнитивной лингвистики.

Паремиологические и фразеологические единицы играют большую роль в формировании языковой картины мира. В аварской языковой картине мира чувство долга, понятия чести и совести являются важнейшими нравственными категориями. Качества «лучшего», «достойнейшего», «мужественного» человека в этнической культуре аварцев ассоциируются с характеристиками и свойствами собственной этнической идентичности, которые актуализируются лексемой *МагIаруллъи* «Авария, Аваристан» и фразеологизмами: *магIаруласул махIлъи* «характер, черта аварца», букв. «запах аварца»; *магIаруласул къадру* «честь аварца».

Важнейшим этико-поведенческим комплексом, моделирующим мужскую поведенческую субкультуру аварцев, является *бихьинчилъи* «мужественность». Это своеобразная кристаллизация модели поведения и коммуникативных программ воинской/мужской чести, например: *Бихьинчилъи къо ккедалила лъалеб.* – «Мужественность в трудную минуту узнаётся»; *ГъалбацIалъ нахъе цIоко толеб, бахIарчияс цIар толеб.* – «Лев после себя шкуру оставляет, герой имя оставляет».

В аварско-русском словаре под редакцией М. Саидова даются следующие дефиниции слова «*намус*»: 1) честь, достоинство; 2) совесть, стыд, чувство стыда» [5, с. 354]. Однако, как нам представляется, это всего лишь незначительная часть значений этого многозначного слова. Слово «намус» в самом широком значении – это термин, обозначающий неписаные законы горского этикета [5, с.370].

Как известно, лексема «*намус*» восходит к греческому (nomos «закон») и заимствована аварским языком, как и остальными дагестанскими языками, через арабский, где она имеет значение «честь», «совесть», «репутация», «доброе имя», «достоинство». В дагестанских языках «намус» обозначает целый институт отношений: отношение к старшему поколению, к гостю, к женщине и т. д., отношение, основанное на вежливости. Когда о каком-либо человеке говорят, что он обладает «намусом», имеют в виду, что человек вежлив, учтив, деликатен, воспитан, скромен, совестлив» [4, с. 370].

Д.А. Ачмиз считает, что в адыгейском языке «концепт "честь" охватывает только те сугубо индивидуальные признаки данного явления, которые каждый индивид ассоциирует с данным явлением в силу самых различных факторов: социального статуса индивида, его морального потенциала, психического состояния, той или иной ситуации» [1, с. 23].

В паремиях аварского языка лексема «намус» актуализирует негативное отношение к тем, кто продаёт совесть: *Чияда цебе хъат ккурас черх бичула, чияе наку чIварас намус бичула.* – «Тот, кто просит у чужих, – тело продаёт, тот, кто на колени встал перед чужими, – честь/совесть продаёт»; *Намус бичани, мун чи вукIунарев, чилъи хвани, дур багьа букIунареб.* – «Если честь/совесть продашь, ты человеком не будешь, если человечность потеряешь, тебя ценить не будут». Такое же значение передаёт паремия с лексемой яхI «совесть»: *ЯхI бичун, чед босуге, чилъи бичун, багьа босуге.* – «Продав совесть, хлеб не покупай, человечность продав, достоинство не поднимай».

«Намус» в аварской лингвокультуре связан с бытом, традициями и обычаями. В пословицах аварского языка «намус» выражает в том числе и такие категории, как «долг», «героизм»: *Намусалъул лагълъунги, напсалъул ханлъунги вукIине ккола бихьинчи.* – «Слугой чести, царём личности должен быть мужчина»; *НигIматазул бетIер – чед, чилъиялъул бетIер – намус.* – «Голова благ – хлеб, голова человечности – честь/совесть».

Поучительное, наставляющее, повелевающее значение в аварском языке актуализировано в следующих паремиологических единицах: *Намус гьечIеб черхалдасаги цIунаги, чи божулареб гIумруялдасаги цIунаги!* – «Уберегите от бесчестного тела, уберегите от жизни, в которую человек не верит!»; *Намусалда хъубаб тIанкI лъезе тоге, нахъе бацIцIине захIмалъула!* – «Не допускайте чёрных пятен на чести, стереть тяжело будет!». Значение пословицы: *РетIел цIидалъго цIуне, намус гьитIинго цIуне!* – «Одежду снову береги, честь смолоду береги!» – в аварском язы-

ке эквивалентно пословице русского языка «*Береги платье снову, а честь смолоду!*».

Фразеологизмы с лексемой «намус» употребляются в следующих значениях: *намус цIунизе* «защищать честь»; *намусалде рагIад рехизе* «сомневаться в чьей-либо честности»; *намус бацIцIадго* «с чистой совестью, с честью»; *намус гьечIого* «не имея совести».

В состав концепта «намус» входят лексемы: *къадру* «честь»; *ас* «авторитет, достоинство»; *нич* «стыд»; *адаб* «приличие», «нравственность», «уважение», «почитание»; *адаб-хъатир* «почести», *ияхI, сабру* «терпение», «уважение»; *налъи* «долг», «честь»; *адаб-хIурмат* «внимание», «уважение», «почёт»; *къадру-адаб* «уважение»; «*бахIарчи* «герой»; *хIалихьат* «трус»; *гIайиб* «вина»; *гIаданлъи* «благородство»; *гIаданлъияхI* «гуманность и совесть»; *хIинкъи* «боязнь», «страх», «испуг». Этот факт подтверждает мнение В. Гумбольдта, «что ряд языков пытается обозначить одно и то же понятие, как пограничные знаки одного и того же пространства в области мышления, которые, однако, никогда не покрывают друг друга целиком» [2, с. 264].

Лексема *къадру* «честь», «достоинство», входящая в состав концепта «намус» в паремиологической единице аварского языка, передаёт значение наставления, например: *Къадру гIолохъанго цIуне!* – «Береги честь смолоду!»; *Къадру хвезе вук1унге!* – «Не теряй честь!», букв. «Не дай умереть чести!»; *Къадру хвараб жо гьабуге!* – «Не делай то, что порочит честь!».

Во фразеологических единицах аварского языка лексема *къадру* «честь», «достоинство» употребляется в сочетании с инфинитивной и причастной формами глагола, например: *къадру-адаб гьабизе* «уважать кого-либо, букв. «достоинство делать»; *къадру борхизе* «поднять авторитет»; *къадру бугев* «порядочный, достойный»; *къадру гьабизе* «уважать кого-либо, букв. «достоинство делать»; *къадру гIодобе ккезе* «потерять авторитет, уважение»; *къадру цIунизе* «беречь честь, достоинство».

Сложные слова, состоящие из лексем, входящих в состав концепта «намус», во фразеологических единицах аварского языка подчёркивают значимость сохранения чести, достоинства, авторитета для аварцев. Например: *къадру-къимат бугев* «честь, достоинство-уважение имеющий»; *къадру-ас бугев* «честь, достоинство-авторитет имеющий»; *къадру-адаб гьабулев* «честь, достоинство-уважение оказывающий»; *къадру-напс цIунарав* «честь-личность сберёгший». Предложения со сложными словами, репрезентирующими «честь», «достоинство», «совесть» и «авторитет», встречаются и в произведениях аварских писателей, например: *ЧIужугIаданалъул къадруги-напсги нижеца хвалчабаз къалда цIунана.* – «Честь-личность женщины мы саблями сохранили на войне»; *ЧIаго хвезе чIоге, къадру-ас цIуне!* – «Не допускай падение чести при жизни, береги честь-авторитет!», букв. «Живым не допускай смерти, честь-личность сохрани!».

Пословицы и поговорки с негативной оценкой положительных нравственных понятий отражают иронию народа, его открытость, способность насмешливо представить антимораль. Например: *Къадру хвараб жо гьабизе* – разг. «опозорить», «опорочить», букв. «Непристойную вещь делать»; *Къадарав чиясе гьабураб лъикIлъи – гьойдул габуралда бараб месед.* – «Сделанное добро бесчестному человеку – золото, повешенное на шею собаки»; *Къадарав чи сабаблъун нусгоявги сурулев.* – «Из-за одного бесчестного человека может сотня опозориться»; *Къадаравин абизе бокьуларев, къадарлъиги толарев.* – «Который не любит, чтобы его бесчестным обзывали, бесчестность тоже не оставляет»; *Къоялъги ассалъги къадарлъи бахчулареб.* – «День и авторитет (достоинство) бесчестность не скроют».

В паремиологических единицах аварского языка сравнивается бесчестное действие или поступок с другим положительным действием, например: *Къадараб жо гьабизе бегьулареблъи лъалеб гIадин, къадараб цIар лъеларедухъ хъвадизеги лъазе кколеб.* – «Как знаешь, что бесчестные вещи нельзя делать, надо знать и как вести себя, чтобы не получить имя бесчестного»; *Къадарав чиясе лъикIаб бициналдаса, лъикIав чиясе наку чIвайго лъикI.* – «Чем с бесчестным на хорошем языке говорить, перед хорошим на колени стать лучше»; *Намус билизегIан, бетIер ками лъик!* – «Лучше голову потерять, чем честь!».

В аварской языковой картине мира метафорически актуализируется представление о бесчестии как качестве противоположном чести: *ВацIцIадав цIецIа вухIуларев, хъубав лъеца чуруларев.* – «Чистого и огонь не обожжёт, а грязного и вода не отмоет». Бесчестье в паремиях аварского языка как качество приобретает вневременной характер, например: *Намусалда хъубаб тIанкI лъезе тоге, нахъе бацIцIине захIмалъула.* – «Не допускайте очернения чести, смыть тяжело», букв. «Не допускайте чёрное пятно на чести, стереть трудно». *ТIанкI* «пятно» метафориче-

ски обозначает в данном случае время, которое не может смыть позор. Представление о хрупкости чести актуализируется в пословице: *Намус гьечIеб черхалдасаги цIунаги, чи божулареб гIумруялдасаги цIунаги.* – «Потерять честь очень легко, а вернуть доброе имя невозможно», букв. «Берегитесь от бесчестного тела, и от жизни, в которой тебе не верят».

Наиболее употребляемым антонимом лексемы «намус» («честь») в аварском языке является лексема *сури* «позор», выражающая потерю лица в обществе, собственного достоинства, уважения. Это самое ужасное, постыдное, позорное состояние, в котором может находиться аварец. В паремиологических единицах аварского языка позору предпочитают смерть, например: *Сурун хвей – кIицIул хвей.* – «Умереть, опозорившись – дважды умереть»; *Сурилдаса хвелго лъикIила.* – «Лучше смерть, чем позор».

В отличие от лексемы *сури* «позор», обозначающей позор на всю жизнь, лексема «намус» в сочетании с масдарными формами глаголов аварского языка в контексте может обозначать как моментное (ситуативное), так и длительное время позорного, недостойного состояния человека. Например: *намус хвей* «бессовестность», букв. «порча чести, достоинства»; *намус борти* «потеря чести, достоинства», букв. «падение чести, достоинства»; *намус тIагIи* «исчезновение чести, достоинства»; *намус лъугIи* «исчезновение чести, достоинства», букв. «конец» чести, достоинства»; *намус били* «потеря чести, достоинства».

В языковой картине мира аварцев понятия «*налъи*» «долг» и «*намус*» неразрывно связаны. Это, прежде всего, обязанность, доброе имя и добрая слава. В аварско-русском словаре лексема *налъи* «долг» представлена в одном значении: «то, что взято взаймы». В аварском языке лексема *налъи* «долг» применяется и для обозначения круга обязанностей, возлагаемых на человека перед обществом. Для аварской языковой ментальности в структуре концепта «долг» на первом месте стоит нравственное чувство человека, его внутренний голос, голос чести, достоинства и совести. В.Н. Телия указывает, что «эти нравственные каноны также межпоколенно, хотя и исторически сменяя друг друга, воспроизводятся по традиции, сложившейся в том или ином нравственном климате семьи или среди людей, близких по идеально-нравственным установкам, наконец – в народе или нации как совокупности идентичной по этническому или геополитическому мировосприятию общности людей» [6, с. 680].

Потерять честь для аварцев смерти подобно, они берегут свою репутацию, озабочены сохранением лица и поэтому избегают всего, что может порочить их честь. Например: *Налъулавлъун вукIинегIан, вакъун вукIин лъикI.* – «Чем в долгу перед кем-нибудь быть, лучше быть голодным»; *Налъи кIочонареб, би бакъвалареб.* – «Долг не забывают, кровь не засыхает».

«Налъи» перед Родиной, государством актуализируется в следующих паремиологических единицах аварского языка: *ВатIан цIунун хварав чи, хабалъги чIаго вукIуна.* – «Тот, кто защищал Родину – бессмертен», букв. «Кто, защищая Родину, умер, тот и в могиле живой»; *ВатIан цIунун хварасе, хвел букIунареб.* – «Тому, кто умер, защищая Родину, – бессмертие», букв. «Тому, кто защищал Родину, – смерти не бывает».

Некоторые паремиологические единицы могут иметь как рекомендательный характер, так и повелительный характер. Например: *Кинавго чиясе жаваб кьезе кколареб.* – «Не обязательно всем отвечать», букв. «Не всем должен отвечать, пререкаться»; *Абизе дуда тIадаб буго, тIубайтIубангутIи ханасул иш буго.* – «Сказать ты должен, исполнить или не исполнить – воля царя».

Аварцы учат детей уважать, слушать старших, почитать родителей: *КIудиязул хIурматги, гьитIинаязул адабги гьабизе тIадаб жо.* – «Быть вежливым к старшим, уважительным к младшим – обязанность»; *Эбел-инсул амру тIубай – тIадаб иш буго.* – «Исполнение веления родителей – обязанность».

В паремии аварского языка: *ГIакъилас ункъго жо гьитIинаблъун рикIкIунареб: кьаллъиги, унтиги, налъиги, цIаги.* – «Немаловажными умный человек считает четыре вещи: вражду, болезнь, долг, огонь», – представлены четыре лексемы, обозначающие «огонь», «болезнь», «вражда», «долг» и являющиеся значимыми явлениями для умного человека.

В аварском языке лексема *налъи* «долг» и *борч, тIадаб иш* «обязанность» не различаются. Помимо денежного долга, человек может иметь и другие определённые нравственные обязанности. Например, обязанности перед семьей, актуализирующиеся во фразеологизмах: *хъизаналда цебе налъи* «долг перед семьей», *эбел-инсуе налъи* «долг перед родителями» (обязанность детей заботиться о родителях), *лъималазе налъи* «долг перед детьми» (обязанность вырастить детей,

поставить их на ноги). Например: *Цо багьана бугелда рекъечIес кIиго багьана бугей хьихьизе ккколей.* – «Кого не устроила жена с одним недостатком, обязан держать жену с двумя недостатками»; *КIудияс малъараб гьабичIони, гьабураб анищан ккколеб.* – «Если не слушаться старших, то пожалеешь»; *Лъималазе гIоло гIорги къулчIизе ккколебила, мегIерги кIкIвине ккколебила.* – «Ради детей и реку надо проглотить, и гору проглотить».

Заключение

Мы определили ядро концепта «намус», опираясь на данные паремиологических и фразеологических словарей аварского языка. Проанализировав фразеологические и паремиологические единицы аварского языка, содержащие интересующие нас лексемы, описали ассоциативное поле концепта. В результате исследований мы пришли к выводу, что «намус» является одним из основных концептов аварской языковой картины мира, о чём свидетельствует большой деривационный потенциал репрезентирующих концепт «намус» лексем (около 150 единиц).

Изучение паремиологических и фразеологических единиц аварского языка, репрезентирующих «намус», позволяет определить его понятийную, образную и ценностную сторону.

Список литературы

1. Ачмиз Д. А. Характеристика концепта «честь» в русской, адыгейской и английской лингвокультурах и его модальные аспекты», Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009, С.182-186.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., I985.
3. Dundes A. Interpreting folklore. Bloomington, I980.
4. Маллаева З.М. Этнолингвистический феномен Дагестана // Papers from the International Conference «Current Advances in Caucasian Studies». Macerata, Italy, 20I0. С.367–373.
5. Саидов М. Аварско-русский словарь. М, I967.
6. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов «Язык и мир человека» // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура // Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004, С.674–684.

Сведения об авторе:

Хайбулаева Мадина Магомедрасуловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков ДГПУ (Россия, Махачкала). Сфера научных и профессиональных интересов: кавказские языки, грамматика аварского языка, лингвокультурология. E-mail:madina_mrasul@mail.ru.

CONCEPT “NAMUS” (“HONOR, DIGNITY”) IN PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL UNITS OF THE AVAR LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Madina M. Khaybulaeva

Dagestan State Pedagogical University, 57, st. Jaragskogo, Makhachkala, 367003, Russia.

The Abstract: *Models and rules of behavior, formed in the cultural space of each people, are perceived as ethnic. The Avar language picture of the world reflects the worldview of ancestors, their experience, wisdom and relation to life and surrounding phenomena in the form of set expressions, which are significant for a daily life of the Avars and make their speech more colourful and expressive.*

The article deals with the peculiarities of the concept “namus” (“honor”, “dignity”) realization in the Avar phraseological and paremiological picture of the world. Based on the data of dictionaries, associative experiments and the analysis of proverbs and phraseological units, there were revealed and described national cultural components of the paremiological images associated with “honor” and “dignity”. Also, there were analyzed paremias and phraseological units used for qualitative characteristics of a person.

It was concluded that «namus» is one of the key concepts of the Avar language picture of the world, which is confirmed by semantic capacity and high derivational potential of the concept, represented by more than 150 lexemes. It was also showed that this concept also realizes the semantics of «duty», «heroism», «duty», «respect», «humanity».

The study helped see possible semantic actualization of the concept as well as its national specificity.

Key Words: *Avar language, paremiological picture of the world, concept "namus", phraseology, paremia, semantics, national specificity*

References

1. Achmiz D. A. Kharakteristika kontsepta «chest'» v russkoi, adygeyskoi i angliyskoi lingvokul'turakh i ego modal'nye aspekti [Characterization of the concept of «honor» in Russian, Adyghe and English linguistic cultures and its' modal aspects»], Izvestia RGPU them. A.I. Herzen, 2009, №114, c.182-186.
2. Gumbol'dt V. Iazyk i filosofiia kul'tury [Language and philosophy of culture]. M., 1985.
3. Dundy A. Interpreting folklore [Interpretatsiia fol'klora]. Blumington, 1980.
4. Mallayeva Z.M. Etnolingvisticheskii fenomen Dagestana // Dokumenty Mezhdunarodnoy konferentsii «Sovremennyye uspekhi v kavkazskikh issledovaniiakh» [Ethnolinguistic phenomenon of Dagestan // Papers from the International Conference «Current Advances in Caucasian Studies»]. Macherata, Italiya, 20I0. C.367-373.
5. Saidov M. Avarsko-russkiy slovar' [Avar-Russian Dictionary]. M, 1966.
6. Teliya V.N. Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov «Iazyk i mir cheloveka» // Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura // Cbornik statey v chest' N.D. Arutiunovoi [The cultural factor and the reproducibility of phraseological units «Language and the world of man» // Covert meanings. Word. Text. Culture // Collection of articles in honor of N.D. Arutiunova]. M., 2004, S.674-684.

About the author:

Madina M. Khaybulaeva – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Dagestan Languages of the DSPU (Russia, Makhachkala). Spheres of research and professional interests: Caucasian languages, Avar language grammar, linguoculturology. E-mail: madina_mrasul@mail.ru.

* * *

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал можно по полугодиям в дни открытия подписки в почтовых отделениях России и стран СНГ.

Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» **80991**.

Научное издание
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № 1 (17) 2019
Главный редактор: В.А. Иовенко.
Корректура: Т.А. Ивушкина
Компьютерная верстка: Д.Е. Волков
Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.
Цена свободная.
Подписано в печать 20.03.2019 г. Формат 60x84$^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,75. Тираж 500 экз. Заказ 212.
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76.